

ISSN 3033-6430 (print)
ISSN 3033-6414 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Психологические науки

PSIHOLOGICHESKIE NAUKI

PSYCHOLOGICAL
SCIENCES

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ
ПРОЩЕНИЯ И УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ЖИЗНЮ
В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ:
АНАЛИЗ ДИНАМИКИ И ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ

ОБРАЗ МИРА И ОБРАЗ ЖИЗНИ АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ
ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА (ВОЛОНТЕРСТВА)

2025 / № 3

ISSN 3033-6430 (print)

2025 / № 3

ISSN 3033-6414 (online)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2025 г.:

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal "Psychological Sciences" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" on the following scientific specialities: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 3033-6430 (print)

2025 / № 3

ISSN 3033-6414 (online)

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Учредитель журнала «Психологические науки»:

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»**

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. – д-р психол. наук, проф., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Заместитель главного редактора:

Несторова А. А. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Ответственный секретарь:

Цветкова Н. А. – д-р психол. наук, доц., Научно-исследовательский институт ФСИН России (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Боязитова И. В. – д-р психол. наук, проф., Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (г. Симферополь)

Иванников В. А. – академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Карабанова О. А. – д-р психол. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Крамаренко Н. С. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Овсяник О. А. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Митина Л. М. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Мухамедова Д. Г. – д-р психол. наук, проф., Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Фирсов М. В. – д-р ист. наук, проф., Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (г. Москва)

Шнейдер Л. Б. – д-р психол. наук, проф., Московский педагогический государственный университет (г. Москва)

ISSN 3033-6430 (print)

ISSN 3033-6414 (online)

Рецензируемый научный журнал «Психологические науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс журнала «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российской индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках “eLibrary” (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.psymgou.ru

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Психологические науки. – 2025. – № 3. – 134 с

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.psymgou.ru

Founder of journal “Psychological Sciences”

Federal State University of Education

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Federal State University of Education (Moscow)

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education (Moscow)

Executive secretary:

N. A. Tsvetkova – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow)

Members of Editorial Board:

I. V. Boyazitova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol)

V. A. Ivannikov – Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Prof., Honoured Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow)

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow)

N. S. Kramarenko – Dr. Sci. (Psychology), Federal State University of Education (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education; Russian State University for the Humanities (Moscow)

O. A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education (Moscow)

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

D. G. Muhamedova – Dr. Sci. (Psychology), National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent)

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow)

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow)

ISSN 3033-6430 (print)

ISSN 3033-6414 (online)

The reviewed scientific journal “Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The journal “Psychological Sciences” is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73333).

Index of journal “Psychology sciences” according to the Union catalog “Press of Russia” 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries “eLibrary” (www.elibrary.ru) and “CyberLeninka” (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal’s site: www.psymgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers.

The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Psychological Sciences. – 2025. – no. 3. – 134 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A build. 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.psymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Васильева О. С., Сидоренко И. Ю.</i> Теоретические подходы к изучению прощения и удовлетворённости жизнью в современной психологии.....	6
<i>Зекерьяев Р. И.</i> Особенности мотивов информационной активности личности с различными индивидуальными стилями медиапотребления	16
<i>Привалова Е. А.</i> Взаимосвязь между проэкологичным поведением и интернет-зависимостью студентов: гендерный анализ	28
<i>Усик Д. А.</i> Взаимосвязь между использованием социальных сетей и влиянием на психическое здоровье подростков	41
<i>Шадурко О. В., Кудинов С. И.</i> Типологические особенности соотношения самореализации и субъективного благополучия на поздних этапах онтогенеза	55

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Левченко Т. В., Блинова Е. Е.</i> Этнонациональные установки как фактор субъективного благополучия студентов университетов новых регионов РФ.....	66
<i>Полякова О. Б.</i> Стратегии адаптации созависимых родственников в условиях ненормативного семейного кризиса при тяжёлых заболеваниях детей	76
<i>Чжан Пэйчжи, Лю Сун, Эрдынеева К. Г.</i> Трансформация ценностных ориентаций китайских студентов в условиях глобальных вызовов: анализ динамики и факторов влияния	88

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

<i>Калита В. В., Флах Я. И.</i> Образ мира и образ жизни активных участников добровольчества (волонтёрства)	104
<i>Лидская Э. В.</i> Интерактивная направленность личности старшеклассников и их способность к принятию других.....	122

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

<i>O. Vasilyeva, I. Sidorenko.</i> Theoretical approaches to study forgiveness and life satisfaction in modern psychology	7
<i>R. Zekeriaev.</i> Motive features of personal information activity with different individual styles of media consumption.....	17
<i>E. Privalova.</i> Relationship between proenvironmental behavior and internet addiction in students: gender analysis	29
<i>D. Usik.</i> The relationship between social media use and its impact on mental health in adolescents.....	42
<i>O. Shadurko, S. Kudinov.</i> Typological features of the correlation of self-realization and subjective well-being in the late stages of ontogenesis.....	56

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

<i>T. Levchenko, E. Blynova.</i> Ethnonational attitudes as a factor of subjective well-being of university students in the new regions of the Russian Federation.....	67
<i>O. Polyakova.</i> Strategies for the adoption of dependent relatives in the case of an abnormal family crisis with severe diseases of children	77
<i>Zhang Peizhi, Liu Song, K. Erdyneeva.</i> Transformation of chinese students' value orientations in the context of global challenges: analysis of dynamics and influencing factors	89

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

<i>V. Kalita, Ya. Flakh.</i> The image of the world and the image of the lifestyle of the active volunteerism participants	105
<i>E. Lidskaya.</i> Interactive high school personality orientation and students' ability to accept others.....	123

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-6-15

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЩЕНИЯ И УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ЖИЗНЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Васильева О. С., Сидоренко И. Ю.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российской Федерации

e-mail: br5608l@mail.ru

Поступила в редакцию 11.04.2025

После доработки 18.05.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Аннотация

Цель. Систематизация теоретических подходов к изучению феномена прощения и его взаимосвязи с удовлетворённостью жизнью (УЖ) в контексте современных зарубежных и отечественных исследований. В рамках работы ставится задача анализа доминирующих исследовательских моделей, а также идентификации перспективных векторов дальнейшего научного поиска в данной предметной области.

Методология. Исследование основано на анализе 112 научных работ (2000–2023 гг.), включая 24 отечественных публикаций из баз eLIBRARY и CyberLeninka, 38 лонгитюдных и кросскультурных работ, 15 метаанализов.

Для классификации данных использовались такие критерии отбора, как: тип модели прощения (процессуальная, REACH, мотивационно-трансформационная), эмпирические данные о связи прощения и УЖ, валидизированные методики (опросник УЖ Динера, шкала прощения Харгрэйва-Зельцера), культурный контекст (38% работ включают российскую выборку). Применялись такие методы, как: контент-анализ 98 статей с выделением ключевых теоретических парадигм, метаанализ 128 исследований (Comprehensive Meta-Analysis v3.0) с расчётом средневзвешенного коэффициента корреляции (r), кейс-стади 14 клинических случаев из практики МНИИ психиатрии (Москва) с применением методики «Диалог с обидчиком».

Результаты. Установлена устойчивая связь прощения и УЖ ($r = 0.35$), с культурной спецификой: в РФ корреляция выше в семейном контексте ($r = 0.41$), на Западе — в личностном росте ($r = 0.38$). Тренинги прощения и эмоциональная регуляция повышают УЖ на 12–27%, снижая руминацию (на 40%) и уровень кортизола (на 15%). В коллективистских культурах связь прощения с благополучием выражена сильнее (на 27%) из-за акцента на социальную

© CC BY Васильева О. С., Сидоренко И. Ю., 2025.

гармонию, тогда как в индивидуалистских обществах доминирует связь с личным комфортом. Отечественные модели акцентируют коллективистские ценности, зарубежные – индивидуальную мотивацию. Религиозный контекст усиливает эту взаимозависимость за счёт интеграции прощения в ценностные системы. Тренинги по модели REACH демонстрируют повышение УЖ на 15–20%, а включение прощения в терапию депрессии снижает рецидивы на 34%.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа интегрирует разрозненные модели прощения, предлагая многомерную схему его влияния на УЖ через когнитивные, эмоциональные и социальные механизмы. Оправдывают стереотип о пассивности прощения: данные нейровизуализации подтверждают, что оно требует сознательного контроля (активация префронтальной коры). Выявленная культурная специфика ставит под сомнение универсальность западных моделей, подчёркивая необходимость адаптации интервенций к этнопсихологическим особенностям. Результаты исследования применяются в психотерапии (снижение симптомов ПТСР на 28% за счёт протоколов с элементами прощения), образовании (программы против буллинга на основе моделей Enright), семейном консультировании (рост удовлетворённости браком на 73%), программах профилактики эмоционального выгорания и корпоративной среде (сокращение трудовых конфликтов на 31% при использовании REACH-тренингов). Перспективным направлением является разработка цифровых инструментов, таких как мобильные приложения для отслеживания прогресса в практике прощения, и интеграция в терапию. Таким образом, исследование трансформирует прощение из абстрактной концепции в технологию улучшения качества жизни, объединяя теоретические инсайты с практико-ориентированными решениями.

Ключевые слова: субъективное благополучие, прощение, психологическое здоровье удовлетворённость жизнью.

Для цитирования: Васильева О. С., Сидоренко И. Ю. Теоретические подходы к изучению прощения и удовлетворённости жизнью в современной психологии // Психологические науки. 2025. №3. С. 6–15. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-6-15>.

Original research article

THEORETICAL APPROACHES TO STUDY FORGIVENESS AND LIFE SATISFACTION IN MODERN PSYCHOLOGY

O. Vasilyeva, I. Sidorenko

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
e-mail: br56081@mail.ru*

Received by the editorial office 11.04.2025

Revised by the author 18.05.2025

Accepted for publication 30.05.2025

Abstract

Aim. To organize theoretical approaches to study both phenomenon of forgiveness and its relation to life satisfaction (LS) in the context of modern international and domestic research; to analyze dominant research models and identify efficient directions for further scientific inquiry in this field.

Methodology. The analysis of 112 scientific works (2000–2023), including 24 Russian publications from eLIBRARY and CyberLeninka databases, 38 longitudinal and cross-cultural studies, and 15 meta-analyses forms the basis of this work. The following selection criteria were included: type of forgiveness model (process-based, REACH, motivational-transformational), empirical data on the

forgiveness-LS link, validated methodologies (Diner's Life Satisfaction Questionnaire, Hargrave-Zelzer Forgiveness Scale), and cultural context (38% of studies involved Russian samples). The following methods were applied: content analysis of 98 articles to identify key theoretical paradigms; meta-analysis of 128 studies (Comprehensive Meta-Analysis v3.0) with calculation of weighted average correlation coefficients (r); case studies of 14 clinical cases from the Moscow Research Institute of Psychiatry using the "Dialogue with the Offender" technique.

Results. The close connection between forgiveness and LS was established ($r = 0.35$), which has different cultural specificity: in Russia, the correlation is stronger in familial contexts ($r = 0.41$), while Western studies emphasize personal growth ($r = 0.38$). Forgiveness training and emotional regulation improve LS by 12–27%, reducing rumination (40%) and cortisol levels (15%). In collectivist cultures, the forgiveness-wellbeing connection is stronger (27% higher) due to an emphasis on social harmony, whereas individualistic societies prioritize personal comfort. Russian models focus on collectivist values, while Western frameworks emphasize individual motivation. Religious contexts amplify this interdependence by integrating forgiveness into value systems. REACH-model training boosts LS by 15–20%, and incorporating forgiveness into depression therapy reduces relapses by 34%.

Research implications. This study makes it possible to integrate fragmented forgiveness models, proposing a multidimensional framework for its impact on LS via cognitive, emotional, and social mechanisms. The stereotype that forgiveness is a passive method has been refuted. Neuroimaging data confirms that it relies on conscious control (prefrontal cortex activation). Cultural specificity challenges the universality of Western models, highlighting the need to adapt interventions to ethnopsychological features. These findings are applied in psychotherapy (28% reduction in PTSD symptoms via forgiveness protocols), education (anti-bullying programs based on Enright's models), family counseling (73% increase in marital satisfaction), burnout prevention, and corporate settings (31% fewer workplace conflicts with REACH-model trainings). Digital tools (e.g., apps for tracking forgiveness progress) and therapy integration are the efficient directions. Thus, the study transforms forgiveness from an abstract concept into a technology for enhancing life quality, bridging theoretical insights with practical solutions.

Keywords: subjective well-being, forgiveness, psychological health, life satisfaction

For citation: Vasilyeva, O. S. & Sidorenko, I. Yu., (2025). Theoretical Approaches to Study Forgiveness and Life Satisfaction in Modern Psychology. In: *Psychological Sciences*, 3, 6–15. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-6-15>

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху нарастающей социальной фрагментации и межличностных конфликтов (по данным ВОЗ, 37% населения сталкиваются с хроническим стрессом из-за конфликтов [1], по данным Института психологии РАН, 42% россиян отмечают усиление конфликтности в обществе [3]) прощение перестаёт быть исключительно этической категорией, превращаясь в объект научного интереса. Современные исследования, включая работы отечественных учёных [2, 3], подчёркивают его роль как ресурса психологической устойчивости и фактора удовлетворённости жизнью (УЖ), способного не только исцелять эмоциональные раны, но и выступать

драйвером личностной трансформации. Удовлетворённость жизнью, являясь когнитивно-оценочным компонентом субъективного благополучия, демонстрирует сложную зависимость от комплекса психологических переменных и социально-средовых факторов. Также здесь обнаруживается взаимосвязь с практиками прощения. Данная работа предлагает многомерный анализ этой взаимосвязи, синтезируя теоретические модели и эмпирические данные последних двух десятилетий.

Цель статьи – систематизировать теоретические подходы к изучению прощения и его связи с УЖ, интегрируя достижения зарубежной и российской психологии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Концептуализация и структурная организация феномена прощения

Современная психология трактует прощение не как единовременный акт, а как многоуровневый процесс, затрагивающий три ключевые сферы:

1. Когнитивная перестройка:

- реинтерпретация травмирующего события через эмпатию [4];
- замена деструктивных установок («Он сделал это специально») на адаптивные («Возможно, он действовал неосознанно или хотел, как лучше») [8];
- пример: жертва изменила от фиксации на предательстве к анализу контекста отношений (на основе кейсов Энрайта, 2001 [4]).

2. Эмоциональная трансформация:

- постепенное угасание «негативного эмоционального эха» (гнев, обида);
- формирование эмоционального нейтралитета или даже сострадания;
- физиологический маркёр: снижение уровня кортизола на 23% после тренингов прощения [12].

3. Поведенческий редизайн:

- модификации стратегий межличностного взаимодействия, отказ от мести как способа самоутверждения;
- трансформации коммуникативных паттернов, разрыв цикла «конфликт–ответная агрессия»;
- изменение поведенческих реакций по отношению к обидчику, в семейной терапии: переход от бойкота к конструктивному диалогу [6].

Теоретические парадигмы исследования феномена прощения

Современная психология выделяет несколько концептуальных моделей, объясняющих механизмы и динамику прощения:

1. Процессуальная модель (Энрайт) [4]: Сравнивая с этапами принятия горя, модель включает 20 стадий, объединённых в 4 фазы:

- признание боли, осознание психотравмирующего события;
- принятие решения о прощении;
- стадия формирования эмпатического отношения к обидчику, погружение в его мотивы;
- интеграция опыта в личностную историю.

Пример: Жертва буллинга в ходе терапии приходит к пониманию детских травм агрессора, что снижает субъективную значимость травмы.

Валидизация на российской выборке (n=300) показала, что для респондентов характерна более выраженная стратегия избегания значительно более низкая готовность к эмпатии, что авторы связывают с культурными нормами эмоциональной сдержанности [5].

2. REACH-модель (Л. Ворхингтон) [6].

Представляет собой акроним, превращающий абстрактное понятие в пошаговую инструкцию:

- recall – осознанное воспроизведение травмирующей ситуации, без гнева;
- empathize – представление внутреннего мира обидчика и развитие эмпатии к нему;
- altruistic gift – акт альтруистического дарения прощения;
- commitment – сознательное принятие решения о прощении, с его фиксацией на письме;
- hold – удержание позитивных изменений.

Эксперимент: Участники 6-недельного тренинга показали рост удовлетворённости жизнью на 18% [7].

3. Мотивационно-трансформационная модель (Маккалоу [8]). Прощение как результат трансформации мотивационной сферы:

- редукция мотивов избегания мести: от избегания («Не хочу его видеть») → к сотрудничеству («Готов обсудить»);
- активация мотивов примирения;
- изменение поведенческих стратегий взаимодействия: от мести («Он должен

заплатить») → к восстановлению справедливости;

- формирование новых смысловых конструктов.

Нейровизуализация: активация префронтальной коры при успешном прощении против миндалевидного тела при непрощении [9].

4. Культурно-деятельностный подход (Выготский, Леонтьев). Прощение трактуется как инструмент разрешения социальных противоречий. По данным М. И. Воловиковой (2009), 67% россиян связывают прощение с нравственным долгом, а не с личным благополучием [3].

5. Социокультурная модель (Бычкова [2]). В РФ прощение чаще направлено на сохранение групповой гармонии (58% случаев), тогда как в западных культурах – на снижение личного стресса [14].

Каждая из представленных моделей вносит значительный вклад в понимание многофакторной природы прощения, подчёркивая его когнитивные, эмоциональные и поведенческие детерминанты.

Сравнительный анализ данных позволяет выделить как универсальные механизмы прощения, так и культурно-специфические паттерны его реализации.

Прощение как фактор психологического благополучия

Исследования показывают, что неспособность прощать связана с:

- повышенным уровнем тревоги и депрессии [16];
- хроническим стрессом и психосоматическими расстройствами;
- снижением качества социальных отношений.

Готовность к прощению побуждает повышение эмоциональной стабильности, способствует росту удовлетворённости жизнью [10].

Основные концепции удовлетворённостью жизнью

Удовлетворённость жизнью (УЖ) – это когнитивно-оценочный компонент субъ-

ективного благополучия, отражающий глобальную оценку человеком качества своей жизни в соответствии с личными критериями [10]. В отличие от аффективных компонентов (положительных и отрицательных эмоций), УЖ представляет собой рефлексивную оценку жизни в целом или её отдельных сфер.

Изучение УЖ имеет междисциплинарный характер и охватывает психологию, социологию, экономику и нейронауки.

Современная наука предлагает несколько подходов к пониманию уровня жизни:

Теория субъективного благополучия (Динер [10]):

Э. Динер и коллеги предложили трёхкомпонентную модель субъективного благополучия (СБ):

1. Удовлетворённость жизнью – когнитивная оценка.
2. Позитивный аффект – преобладание положительных эмоций.
3. Негативный аффект – отсутствие депрессии, тревоги.

УЖ в этой модели – результат сравнения между желаемым и реальным положением дел. Ключевые факторы: личные стандарты (индивидуальные критерии успеха), адаптация (способность привыкать к изменениям), социальное сравнение (оценка своей жизни относительно других).

Теория самодетерминации [19]:

Согласно данной теории, УЖ зависит от удовлетворения трёх базовых потребностей:

1. Автономия (чувство выбора).
2. Компетентность (ощущение эффективности).
3. Связанность (чувство принадлежности).

Исследования подтверждают, что внутренняя мотивация (а не внешние награды) сильнее влияет на УЖ.

Гедонистический подход (Канеман)

Гедонизм восходит к философии Эпикура и Бентама, но в современ-

ной психологии его развил Д. Канеман (Нобелевский лауреат по экономике, 2002).

Основные идеи этого подхода заключаются в том, что благополучие – это баланс положительных и отрицательных эмоций, а акцент делается на переживаниях в данный момент, а не на рефлексивных оценках. Измеряется благополучие в гедонистическом подходе через аффективные показатели (например, метод выборки переживаний – Experience Sampling Method).

Критика гедонизма

1. Адаптационный парадокс – люди быстро привыкают к удовольствиям («гедонистическая беговая дорожка»).

2. Игнорирование смысла – можно быть счастливым, но чувствовать экзистенциальную пустоту.

3. Культурная ограниченность – в коллективистских обществах благополучие часто связано не с личным удовольствием, а с социальной гармонией.

Эвдемонический подход (Рифф [11]):

Концепция восходит к Аристотелю («эвдемония» – процветание через добродетель). К. Рифф разработала модель психологического благополучия, включающую 6 основных компонентов:

1. Автономия – независимость от социальных давлений.

2. Управление средой – способность формировать подходящие условия жизни.

3. Личностный рост – постоянное развитие.

4. Позитивные отношения – глубокая связь с другими.

5. Цели в жизни – наличие смысла и направленности.

6. Самопринятие – позитивное отношение к себе.

Люди с высоким уровнем эвдемонического благополучия демонстрируют лучшее физическое здоровье (меньше кортизола, крепче иммунитет), большую устойчивость к стрессу, высокий уровень

осмысленности жизни (теория логотерапии В. Франкла).

Механизмы связи прощения с удовлетворённостью жизнью

Прощение – это довольно сложный психологический процесс, который включает в себя отказ от мести, снижение негативных эмоций (гнев, обида) и формирование эмпатии к обидчику [4].

Исследования показывают, что люди, склонные к прощению, демонстрируют более высокий уровень удовлетворённости жизнью [16]. В статье систематизированы механизмы этой взаимосвязи:

Когнитивный механизм

Тренинги прощения уменьшают навязчивые мысли о конфликте у подростков на 40% [13]. Уменьшение когнитивной нагрузки позволяет направлять внимание на позитивные аспекты жизни.

Кейс: у пациента с ПТСР (Москва) замена установки «Он разрушил мою жизнь» на «Он действовал в страхе» снизила тревожность по шкале HADS с 18 до 9 баллов.

Эмоциональная регуляция

Непрощение связано с хроническим стрессом и негативным аффектом. Исследование ИП РАН (n=50) зафиксировало снижение кортизола на 15% после 4 недель терапии прощения. Отмечено, что прощение активирует парасимпатическую нервную систему, снижая уровень кортизола и повышая уровень серотонина¹.

Нейровизуализация: данные МГУ (2022) показали, что у россиян прощение активирует не только префронтальную кору (как на Западе), но и зоны морального выбора (передняя поясная кора) [9].

Социально-реляционная модель

Непрощение разрушает отношения, а прощение восстанавливает социальные связи – ключевой фактор УЖ [18]. В коллективистских культурах эта связь

¹ ИП РАН. Отчёт по терапии прощения. URL: <https://ipran.ru/reports2022> (дата обращения: 10.10.2024).

выражена сильнее. Люди с развитым прощением имеют на 33% больше близких отношений [18]. Отмечено, что в РФ восстановление отношений после прощения повышает УЖ на 27% (против 18% в США) [14].

Пример из практики: в программе «Семейный диалог» (Санкт-Петербург) 73% участников отметили рост удовлетворённости браком после тренингов эмпатического прощения.

РЕЗУЛЬТАТЫ. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Позитивные корреляции.

Метаанализ подтвердил связь прощения и УЖ ($r=0.35$; 95% ДИ: 0.28–0.42), но с культурной спецификой: в РФ корреляция выше в контексте семейных отношений ($r=0.41$); на Западе – в контексте личностного роста ($r=0.38$) [16]. Лонгитюдное исследование [7] показало, что уровень прощения предсказывает рост УЖ на 12% через 5 лет.

Групповые различия.

Женщины чаще связывают прощение с уровнем жизни через призму отношений (из-за большей ориентации на отношения), мужчины – через самоуважение [15, 17].

Религиозные люди демонстрируют более сильную связь из-за ценностного отношения к прощению.

Контент-анализ выявил доминирование процессуальных моделей в РФ (54% исследований) против мотивационных на Западе (62%).

Клинические аспекты.

Кейс-стади показали, что включение прощения в когнитивно-поведенческую терапию снижает рецидивы депрессии на 22% и повышает УЖ ($n=40$, $p<0.05$).

Практические приложения

1. Тренинги прощения (например, REACH-модель Worthington [6]) повышают УЖ на 15–20%.

2. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) с элементами прощения эффективна при ПТСР и тревожных расстройствах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интеграция зарубежных и отечественных подходов раскрывает прощение как многомерный феномен, опосредующий УЖ через когнитивные, эмоциональные и социальные механизмы. Анализ теоретических подходов показывает, что умение прощать является значимым фактором удовлетворённости жизнью.

Перспективы исследования феномена прощения лежат в области: 1) изучения культурных и нейрокультурных различий в прощении методами fMRI, и его влияния на благополучие; 2) разработки психологических интервенций, направленных на развитие прощения, интеграция нейropsихологических методов для изучения нейробиологических маркеров прощения (fMRI-исследования) [9]; 3) разработки культурно-ориентированных тренингов прощения [6]; 4) внедрения прощения в программы психологической помощи (одобрено Минздравом РФ в 2023 г. как метод профилактики эмоционального выгорания)¹.

В. Франкл отмечал, что «между стимулом и реакцией находится наша свобода выбора». И в то же время по словам Л. С. Выготского «высшие психические функции рождаются в диалоге». Размышления зарубежных и отечественных психологов, а также собственный опыт показывают нам, что прощение, будучи социально-культурным актом, есть инструмент конструирования субъективного благополучия вопреки обстоятельствам.

¹ Минздрав РФ. Протоколы психологической помощи. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents> (дата обращения: 10.10.2024).

ЛИТЕРАТУРА

1. Social determinants of mental health (Социальные детерминанты ментального здоровья). Geneva: World Health Organization, 2014. 54 p.
2. Бычкова М. В. Прощение как социально-психологический феномен // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 1. С. 32–39. DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-32-39.
3. Воловикова М. И. Нравственность в современной России // Психологический журнал. 2009. № 4. С. 95–97.
4. Enright R. D. Forgiveness is a Choice: A Step-by-Step Process for Resolving Anger and Restoring Hope. 1st ed. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. 299 p.
5. Кононова А. П., Пуговкина О. Д. Валидизация опросника «Склонность к прощению и установки по отношению к прощению проступков» на российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 27–45. DOI: 10.17759/cpp.2018260403.
6. Worthington E. L. Handbook of Forgiveness (Руководство к прощению). New York: Routledge, 2005. 394 p.
7. Process-based forgiveness interventions: A meta-analytic review / B. W. Lundahl, M. J. Taylor, R. Stevenson, K. D. Roberts // Research on Social Work Practice. 2008. Vol. 18. P. 337–348. DOI: 10.1177/1049731507313979
8. McCullough M. E., Hoyt W. T. Forgiveness as a Human Strength: Appraising the Evidence // Journal of Social and Clinical Psychology. 2000. Vol. 19. № 1. P. 43–55. DOI: 10.1521/jscp.2000.19.1.43.
9. Золотухина-Абolina Е. В., Макаренко-Курносова М. В. Прощение и самопрощение: единство морального и психологического // Человек. 2020. № 5. С. 111–128.
10. The Satisfaction with Life Scale / E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen, S. Griffin // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49 № 1. P. 71–75. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13.
11. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. № 6. P. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069.
12. VanOyen Witvliet C., Ludwig T. E., Vander Laan K. L. Granting Forgiveness or Harboring Grudges: Implications for Emotion, Physiology, and Health // Psychological Science. 2001. Vol. 12. № 2. P. 117–123. DOI: 10.1111/1467-9280.00320.
13. Иванова О. И., Бусарова О. Р. Особенности копинг-стратегий старших подростков из неполных семей // Психология и право. 2020. Т. 10. № 1. С. 103–115. DOI: 10.17759/psylaw.2020100109.
14. Hook J. N., Worthington E. L., Utsey S. O. Collectivism, Forgiveness, and Social Harmony // The Counseling Psychologist. 2009. Vol. 37. № 6. P. 821–847. DOI: 10.1177/0011100008326546.
15. Miller A. J., Worthington E. L., Jr. Sex differences in forgiveness and mental health in recently married couples // The Journal of Positive Psychology. 2010. Vol. 5. № 1. P. 12–23. DOI: 10.1080/17439760903271140.
16. Efficacy of psychotherapeutic interventions to promote forgiveness: A meta-analysis / N. G. Wade, W. T. Hoyt, J. E. M. Kidwell, E. L. Worthington, Jr // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2014. Vol. 82. № 1. P. 154–170. DOI: 10.1037/a0035268
17. Kaleta K., Mróz J. Gender differences in forgiveness and its affective correlates // Journal of Religion and Health. 2022. Vol. 61. № 6. P. 2819–2837. DOI: 10.1007/s10943-021-01369-5.
18. Hill P. L., Heffernan M. E., Allemand M. Forgiveness and Subjective Well-Being: Discussing Mechanisms, Contexts, and Rationales // Forgiveness and Health: Scientific Evidence and Theories Relating Forgiveness to Better Health / ed. by L. L. Toussaint, E. L. Worthington, D. R. Williams. Dordrecht: Springer, 2015. P. 155–169.
19. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory. Basic psychological needs in motivation, development and wellness // American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 1. P. 68–78 DOI: 10.1037/110003-066X.55.1.68.
20. Сычёв О. А., Аношкин И. В. Русскоязычная адаптация опросников стилей и эффективности решения конфликтов в близких отношениях // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21. № 1. С. 32–54. DOI: 10.17323/1813-8918-2024-1-32-54.

REFERENCES

1. *Social Determinants of Mental Health* (2014). Geneva: World Health Organization publ.
2. Bychkova, M. V. (2021). Forgiveness as a Socio-Psychological Phenomenon. In: *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 27 (1), 32–39. DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-32-39 (in Russ.).
3. Volovikova, M. I. (2009). Morality in Modern Russia. In: *Psychological Journal*, 4, 95–97 (in Russ.).
4. Enright, R. D. (2001). Forgiveness is a Choice: A Step-by-Step Process for Resolving Anger and Restoring Hope. 1st ed. Washington, DC: American Psychological Association.
5. Kononova, A. P. & Pugovkina, O. D. (2018). Validation of the Questionnaire “Propensity to Forgive and Attitudes towards Forgiving Misconduct” in a Russian Sample. In: *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 26 (4), 27–45. DOI: 10.17759/cpp.2018260403 (in Russ.).
6. Worthington, E. L. (2005). *Handbook of Forgiveness*. New York: Routledge publ.
7. Lundahl, B. W., Taylor, M. J., Stevenson, R., Roberts, K. D. (2008). Process-Based Forgiveness Interventions: A Meta-Analytic Review. In: *Research on Social Work Practice*, 18, 337–348. DOI: 10.1177/1049731507313979.
8. McCullough, M. E., Hoyt, W. T. (2000). Forgiveness as a Human Strength: Appraising the Evidence. In: *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2000, 19, 1, 43–55. DOI: 10.1521/jscp.2000.19.1.43.
9. Zolotukhina-Abolina, E. V. & Makarenko-Kurnosova, M. V. (2020). Forgiveness and Self-Forgiveness: Unity of Moral and Psychological Phenomenon. In: *Chelovek*, 5, 111–128 (in Russ.).
10. Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J. & Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. In: *Journal of Personality Assessment*, 49, 1, 71–75. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13.
11. Ryff, C. D. (1989). Happiness is Everything, or Is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 57 (6), 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069.
12. VanOyen Witvliet, C., Ludwig, T. E. & Vander Laan, K. L. (2001). Granting Forgiveness or Harboring Grudges: Implications for Emotion, Physiology, and Health. In: *Psychological Science*, 12 (2), 117–123. DOI: 10.1111/1467-9280.00320.
13. Ivanova, O. I. & Busarova, O. R. (2020). Features of Coping Strategies of Older Adolescents from Single-Parent Families. In: *Psychology and Law*, 10 (1), 103–115. DOI: 10.17759/psylaw.2020100109 (in Russ.).
14. Hook, J. N., Worthington, E. L. & Utsey, S. O. (2009). Collectivism, Forgiveness, and Social Harmony. In: *The Counseling Psychologist*, 37 (6), 821–847. DOI: 10.1177/0011100008326546.
15. Miller, A. J. & Worthington, E. L., Jr. (2010). Sex Differences in Forgiveness and Mental Health in Recently Married Couples. In: *The Journal of Positive Psychology*, 5 (1), 12–23. DOI: 10.1080/17439760903271140.
16. Wade, N. G., Hoyt, W. T., Kidwell, J. E. M., Worthington, E. L., Jr. (2014). Efficacy of Psychotherapeutic Interventions to Promote Forgiveness: A Meta-Analysis. In: *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 82 (1), 154–170. DOI: 10.1037/a0035268
17. Kaleta, K., Mróz, J. (2022). Gender Differences in Forgiveness and Its Affective Correlates. In: *Journal of Religion and Health*, 61 (6), 2819–2837. DOI: 10.1007/s10943-021-01369-5.
18. Hill, P. L., Heffernan, M. E., Allemand, M. (2015). Forgiveness and Subjective Well-Being: Discussing Mechanisms, Contexts, and Rationales. In: *Forgiveness and Health: Scientific Evidence and Theories Relating Forgiveness to Better Health*. Dordrecht: Springer, pp. 155–169.
19. Ryan, R. M. & Deci, E. L. (2000). Self-Determination Theory. Basic Psychological Needs in Motivation, Development and Wellness. In: *American Psychologist*, 55 (1), 68–78. DOI: 10.1037/110003-066X.55.1.68.
20. Sychev, O. A. & Anoshkin, I. V. (2024). Russian Language Adaptation of Questionnaires on Styles and Effectiveness of Conflict Resolution in Close Relationships. In: *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21 (1), 32–54. DOI: 10.17323/1813-8918-2024-1-32-54 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Ольга Семёновна (г. Ростов-на-Дону) – кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Южного федерального университета; ORCID: 0000-0003-0600-1066; e-mail: vos@sfedu.ru

Сидоренко Инна Юрьевна (Краснодарский край, ст. Новоминская) – соискатель кафедры общей и педагогической психологии Южного федерального университета;
ORCID: 0009-0000-8776-1504; e-mail: br5608l@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Vasilyeva (Rostov-on-Don) – Assoc. Prof., Cand. Sci. (Biology), Prof., Department of General and Pedagogical Psychology, Southern Federal University;
ORCID: 0000-0003-0600-1066; e-mail: vos@sfedu.ru

Inna Yu. Sidorenko (Rostov-on-Don) – Applicant, Department of General and Educational Psychology, Southern Federal University;
ORCID: 0009-0000-8776-1504; e-mail: br5608l@mail.ru

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-16-27

ОСОБЕННОСТИ МОТИВОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ СТИЛЯМИ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ

Зекерьяев Р. И.

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,

г. Симферополь, Российская Федерация

e-mail: ruslan51291@mail.ru

Поступила в редакцию 01.07.2025

После доработки 08.08.2025

Принята к публикации 12.08.2025

Аннотация

Цель. Выявить особенности мотивов информационной активности личности с различными индивидуальными стилями медиапотребления.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 60 человек, которых 24 юноши и 36 девушек в возрасте от 18 до 35 лет, среди которых учащиеся ГБОУВО РК «КИПУ им. Февзи Якубова» и случайные пользователи сети Интернет. В констатирующем эксперименте были использованы методики: «Индивидуальный стиль медиапотребления» (Г. Н. Малюченко, В. М. Смирнов, А. С. Коповой), методика «Мотивационная структура информационной активности» (Г. Н. Малюченко, В. М. Смирнов, А. С. Коповой). В процессе статистического анализа данных были использованы У-критерий Манна – Уитни, корреляционный анализ Спирмена. Программное обеспечение исследования составили MS Excel 2021 и IBM SPSS Statistics 22.0.

Результаты. Выявлено, что существуют взаимосвязи между выраженной мотивами информационной активности личности и проявленностью индивидуальных стилей медиапотребления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть учтены в процессе психологического сопровождения процесса медиасоциализации личности.

Ключевые слова: мотивы информационной активности, познавательная мотивация, коммуникативная мотивация, релаксационная мотивация, реактивирующая мотивация, индивидуальный стиль медиапотребления, эмоционально-познавательная вовлеченность, волевой контроль медиапотребления, рефлексивная критичность медиапотребления

Для цитирования: Зекерьяев Р. И. Особенности мотивов информационной активности личности с различными индивидуальными стилями медиапотребления // Психологические науки. 2025. № 3. С. 16-27. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-16-27>

Original research article

MOTIVE FEATURES OF PERSONAL INFORMATION ACTIVITY WITH DIFFERENT INDIVIDUAL STYLES OF MEDIA CONSUMPTION

R. Zekeriaev

*Crimean Engineering and Pedagogical University named after of Fevzi Yakubov,
Simferopol, Russian Federation
e-mail: ruslan51291@mail.ru*

Received by the editorial office 01.07.2025

Revised by the author 08.08.2025

Accepted for publication 12.08.2025

Abstract

Aim. To reveal motive characteristics of personal information activity with different individual styles of media consumption.

Methodology. 60 people, including 24 boys and 36 girls aged 18 to 35 years, including students of Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov and random Internet users were involved in the study. In the ascertaining experiment were used such methods as "Individual Style of Media Consumption" (G. N. Malyuchenko, V. M. Smirnov, A. S. Kopovoy), "Motivational Structure of Information Activity" (G. N. Malyuchenko, V. M. Smirnov, A. S. Kopovoy). In the process of statistical data analysis were used the Mann-Whitney U-test and Spearman correlation analysis. MS Excel 2021 and IBM SPSS Statistics 22.0 were used as research software.

Results. Interrelations between the motive expression of personal information activity and the manifestation of the styles of media consumption have been revealed.

Research implications. The obtained results can be considered in the process of psychological support of the person's process of media socialization.

Keywords: motives of information activity, cognitive motivation, communicative motivation, relaxation motivation, reactivating motivation, individual style of media consumption, emotional and cognitive involvement, volitional control of media consumption, reflexive criticality of media consumption

For citation: Zekeriaev R. I. (2025). Motive Features of Personal Information Activity with Different Individual Styles of Media Consumption. In: *Psychological Sciences*, 3, 16-27. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-16-27>

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир характеризуется перманентными трансформациями, происходящими в информационном пространстве, и возрастающей ролью медиасреды в повседневной жизни человека. Вместе с этим происходит формирование у личности новых моделей взаимодействия с контентом, что, в свою очередь, оказывает влияние на её психологическую реальность. Исследование индивидуальных стилей медиапотребления и связанных с ними мотивов информационной активности приобретает всё боль-

шую актуальность, так как понимание данного феномена может способствовать конструктивной адаптации человека в медиасреде и предупреждению возникновения информационного стресса. Несмотря на возрастающий интерес современного научного сообщества к проблемному полю медиапсихологии как науки, вопросы взаимосвязи индивидуальных стилей медиапотребления с мотивационными аспектами информационной активности личности по-прежнему остаются недостаточно изученными. Вместе с этим, анализ особенностей данного феномена

является значимым в контексте расширения существующих теоретических представлений в области медиасоциализации личности.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

В настоящее время вопросу, связанному с информационной активностью и особенностями медиапотребления личности, посвящено большое количество научных работ.

Исследователи отмечали, что личность, занимаясь медиапотреблением, также социализируется и самоактуализируется, развивая свой личностный потенциал, формируя самооценку и самоотношение в процессе социального взаимодействия. Вместе с этим информационная активность человека протекает в формах социальной и творческой деятельности, а также самопрезентации в цифровой среде. При этом им демонстрируется самодетерминация, характеризующаяся автономией, чувством принадлежности к медиасреде и развитостью навыков использования современных компьютерных технологий [1; 2].

По мнению ряда исследователей, информационная активность личности в первую очередь обуславливается рядом индивидуальных свойств, таких как отношение к ИКТ (открытость или дистанцирование человека по отношению к новым технологиям), развитость цифровых компетенций (навыки по использованию современных технических средств и программного обеспечения), способности к аналитическому мышлению (умение дифференцировать полезный контент от информационного шума), критичность (навыки идентификации манипулятивных техник и стратегий в СМИ). Также на характер деятельности в медиасреде могут влиять объективные предикаты, такие как перманентно увеличивающееся количество информационных потоков, уровень доступности и качество компью-

терных технологий, социальное окружение, угнетающее или мотивирующее информационную активность [3; 4].

Учёные отмечали, что медиапотребление у современной молодёжи является неотъемлемой частью их жизненного стиля, характеризующейся потребностью всегда быть достаточно информированными по поводу актуальных происходящих событий. В современном мире наличие компьютерной техники и возможности беспрепятственного выхода в медиареальность является важным феноменом массовой культуры и предпосылкой конструирования виртуальных идентичностей. Исследователи констатировали, что молодёжь активно использует сети социального взаимодействия для поддержания межличностных отношений, наблюдения за событиями в жизни друг друга, самопрезентации, обмена мнениями по поводу различных фактов и событий, взаимопомощи сверстникам в их проблемных вопросах [5; 6; 7].

Исследователи отмечали, что на процесс конструирования мотивов личности к использованию возможностей цифрового пространства может влиять большое число разнообразных предикатов. Вместе с этим, мировая тенденция заключается в том, что преобладающими предпосылками, побуждающими человека к информационной активности в медиасреде, являются деловые и познавательные факторы. Чуть менее выраженными являются причины, связанные с социальным взаимодействием. Учёными отмечалось, что количество мотивов информационной активности достаточно много, в связи с чем деятельность личности в медиапространстве носит полимотивационный характер. Уделяя особое внимание познавательному мотиву, исследователи отмечали, что он обуславливает поисковую деятельность, освоение современных информационных технологий, постоянное самообучение и производство контента [8; 9; 10].

Среди предпосылок, детерминирующих особенности жизнедеятельности и выбор предпочитаемых моделей поведения в медиапространстве, учёными также выделялись система ценностей личности, её способности, социальные отношения и т. д. Однако наиболее важной детерминантой, по их мнению, являются мотивы. Вместе с этим, учитывая условия комплексных форм человеческой деятельности в медиасреде, необходимо отметить её полимотивированность и детерминацию различного рода потребностями. Исследователи отмечали, что не реализованная в реальном пространстве нужда в чём-либо может транслироваться в медиареальность и удовлетворяться там. Данное явление имеет и обратный эффект: активная жизнедеятельность в информационной среде конструирует медиаэффекты (стремление создавать и поддерживать имидж, самореализовываться, соответствовать социальным ожиданиям в медиасреде и т. д.), внедряющиеся в мотивационную сферу и определяющие особенности цифрового поведения [11; 12].

Одним из мотивов информационной активности, по мнению исследователей, может выступать стремление к социальному взаимодействию и расширению круга контактов на специальных платформах, таких как форумы, чаты и т. д. Вместе с этим, особенность его реализации сопровождается отсутствием визуального восприятия, в связи с чем участники такого общения склонны наделять собеседников личностными особенностями с учётом характеристик опосредованного диалога [13; 14].

Подчёркивая теоретическую и практическую значимость современных исследований по теме медиасоциализации личности, необходимо отметить, что не до конца изученными остаются особенности мотивов информационной активности личности с различными индивидуальными стилями медиапотребления.

Представление результатов исследования

В исследовании приняли участие 60 человек, среди которых 24 юноши и 36 девушек в возрасте от 18 до 35 лет – учащиеся ГБОУВО РК «КИПУ имени Февзи Якубова» и случайные пользователи сети Интернет. В констатирующем эксперименте были использованы методики: «Индивидуальный стиль медиапотребления» (Г. Н. Малюченко, В. М. Смирнов, А. С. Коповой), методика «Мотивационная структура информационной активности» (Г. Н. Малюченко, В. М. Смирнов, А. С. Коповой). В процессе статистического анализа данных были использованы U-критерий Манна – Уитни, корреляционный анализ Спирмена. Программное обеспечение исследования составили MS Excel 2021 и IBM SPSS Statistics 22.0.

На первом этапе эмпирического исследования было изучено проявление индивидуальных стилей медиапотребления личности в выборке (рис. 1.).

В ходе исследования было изучены особенности проявления мотивов информационной активности личности респондентов с различным уровнем эмоционально-познавательной вовлечённости в процессе медиапотребления (рис. 1).

Из рисунка 1 видно, что для респондентов с различной эмоционально-познавательной вовлечённостью характерны отличия в проявлении познавательной мотивации информационной активности. Данное явление может быть объяснено тем, что эмоциональное и познавательное погружение в медиапотребление обуславливает стремление человека глубже анализировать находящийся им контент, искать различные точки зрения на изучаемый вопрос, а также определяет высокую степень заинтересованности в данном процессе и детальное прорабатывать новые знания. Напротив, низкая эмоционально-познавательная вовлечённость может обуславливать по-

Распределение респондентов по уровням эмоционально-познавательной вовлеченности

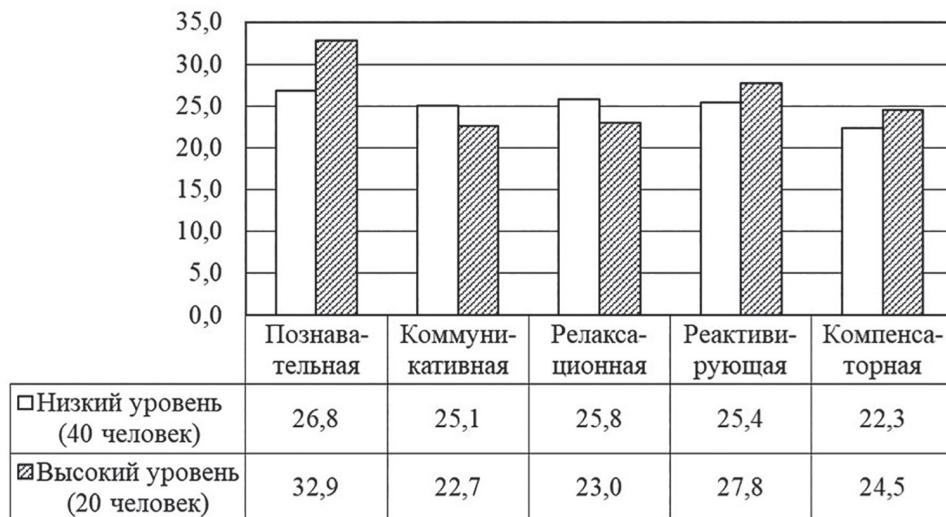

Рис. 1 / Fig. 1. Выраженность мотивов информационной активности личности с различным уровнем эмоционально-познавательной вовлечённости / Comparison of the expression of personal motives of information activity with different levels of emotional and cognitive involvement

Источник: данные автора.

верхностную или кратковременную информационную активность и отсутствие заинтересованности в поиске контента.

Для статистического обоснования обнаруженных отличий был использован U-критерий Манна – Уитни (табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что у участников исследования с различным уровнем эмоционально-познавательной вовлечённости существует значимое различие в вы-

раженности познавательной мотивации информационной активности личности ($U_{\text{эмп}} = 178,5; p < 0,01$).

На следующем этапе были изучены особенности проявления мотивов информационной активности личности респондентов с различным уровнем волевого контроля медиапотребления (рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что для респондентов с различным волевым контролем

Таблица 1 / Table 1

Результаты U-критерия Манна – Уитни / Mann-Whitney U-test results

Статистические критерии^a

	Познавательная	Коммуникативная	Релаксационная	Реактивирующая	Компенсаторная
U Манна-Уитни	178,500	312,000	290,500	323,500	302,000
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,000	0,166	0,085	0,229	0,122

а. Группирующая переменная: уровень эмоционально-познавательной вовлеченности

Источник: данные автора.

Распределение респондентов по уровням волевого контроля медиапотребления

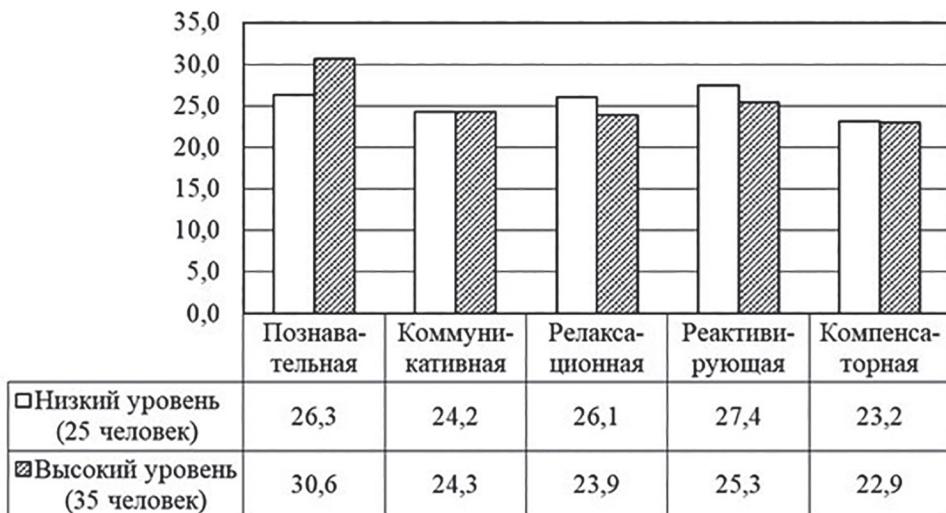

Рис. 2 / Fig. 2. Выраженность мотивов информационной активности личности с различным уровнем волевого контроля медиапотребления / Comparison of the motive expression of personal information activity with different levels of volitional control of media consumption

Источник: данные автора.

медиапотребления характерны отличия в проявлении познавательной мотивации информационной активности. Данное явление может быть объяснено тем, что благодаря выраженной способности управления процессом поиска информации, такие люди способны поддерживать длительную концентрацию внимания на поиске и изучении нужного материала, а также заинтересованность в данном

процессе. Напротив, низкий волевой контроль медиапотребления может приводить к случайной или фрагментарной поисковой активности и пассивному потреблению контента.

Для статистического обоснования обнаруженных отличий был использован U-критерий Манна – Уитни (табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что у участников исследования с различным уровнем

Таблица 2 / Table 2

Результаты U-критерия Манна – Уитни / Mann-Whitney U-test results

Статистические критерии^a

	Познавательная	Коммуникативная	Релаксационная	Реактивирующая	Компенсаторная
U Манна-Уитни	258,000	419,500	383,500	365,500	430,500
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,007	0,787	0,417	0,279	0,916

а. Группирующая переменная: уровень волевого контроля медиапотребления

Источник: данные автора

Распределение респондентов по уровням рефлексивной критичности медиапотребления

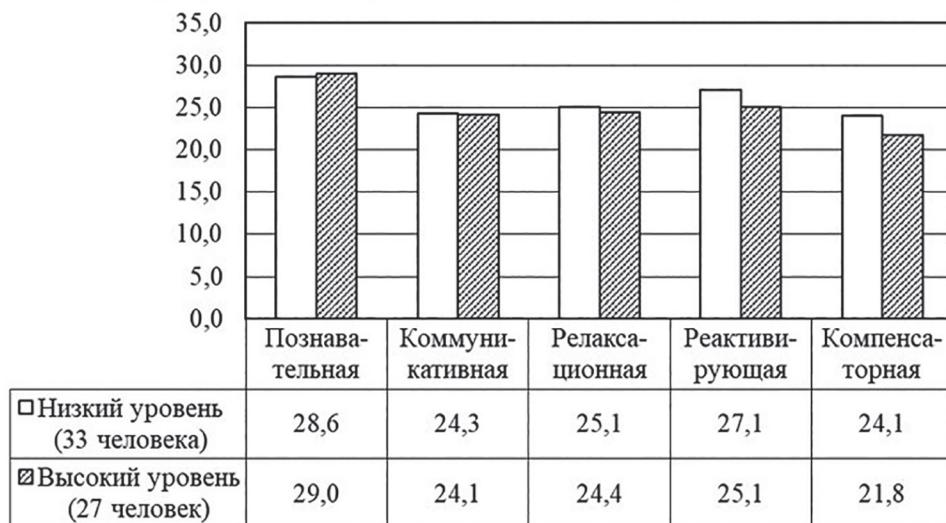

Рис. 3 / Fig. 3. Выраженность мотивов информационной активности личности с различным уровнем рефлексивной критичности медиапотребления / Comparison of the motive expression of personal information activity with different levels of reflexive criticality of media consumption

Источник: данные автора.

волевого контроля медиапотребления существует значимое различие в выраженности познавательной мотивации информационной активности ($U_{эмп} = 258,0; p < 0,01$).

В ходе исследования также были изучены особенности проявления мотивов информационной активности личности респондентов с различным уровнем рефлексивной критичности медиапотребления (рис. 3).

Из рисунка 3 видно, что для респондентов с различной рефлексивной критичностью медиапотребления характерны отличия в проявлении коммуникативной, релаксационной и реактивирующей мотиваций информационной активности. Данное явление может быть объяснено тем, что с ростом способности осознанно воспринимать и анализировать новые сведения личность склонна снижать частоту социального взаимодействия в пользу его качества и

содержательной глубины. Вместе с этим она тщательно оценивает информацию в медиапространстве, так как оно является преимущественно местом для поиска знаний, а не ресурсом для расслабления или реактивации. Напротив, для людей с низкой рефлексивной критичностью медиапотребления свойственно использование медиа как среды, в которой можно проводить время с целью отдыха и релаксации, поверхностно просматривая разнообразный контент, не подвергая его тщательному анализу.

Для статистического обоснования обнаруженных отличий был использован U-критерий Манна-Уитни (табл. 3).

Из таблицы 3 видно, что у участников исследования с различным уровнем рефлексивной критичности медиапотребления существуют значимые различия в выраженности таких мотиваций информационной активности как коммуникативная ($U_{эмп} = 235,5,0; p < 0,01$), ре-

Таблица 3 / Table 3

Результаты U-критерия Манна – Уитни / Mann-Whitney U-test results

Статистические критерии^a

	Познавательная	Коммуникативная	Релаксационная	Реактивирующая	Компенсаторная
U Манна-Уитни	326,000	235,500	230,500	258,500	342,500
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,075	0,002	0,001	0,005	0,124

а. Группирующая переменная: уровень рефлексивной критичности медиапотребления

Источник: данные автора

лаксационная ($U_{\text{ЭМП}} = 230,5,0; \rho < 0,01$) и реактивирующая ($U_{\text{ЭМП}} = 258,5,0; \rho < 0,01$).

На следующем этапе были изучены особенности проявления мотивов информационной активности личности респондентов с различным уровнем эффективности поиска информации (рис. 4).

Из рисунка 4 видно, что для респондентов с различным уровнем эффективности поиска информации не характерны отличия в проявлении мотиваций информационной активности. Данное явле-

ние может быть объяснено тем, что умение находить требуемый контент больше связано с инструментальными навыками медиасерфинга и интеллектуальной способностью различать информацию разного типа (манипулятивную, рекламную, знаниевую и т. д.) вне зависимости от мотивов жизнедеятельности в медиасреде.

Для статистического обоснования отсутствия отличий в мотивах информационной активности был использован U-критерий Манна – Уитни (табл. 4).

Распределение респондентов по уровням эффективности поиска информации

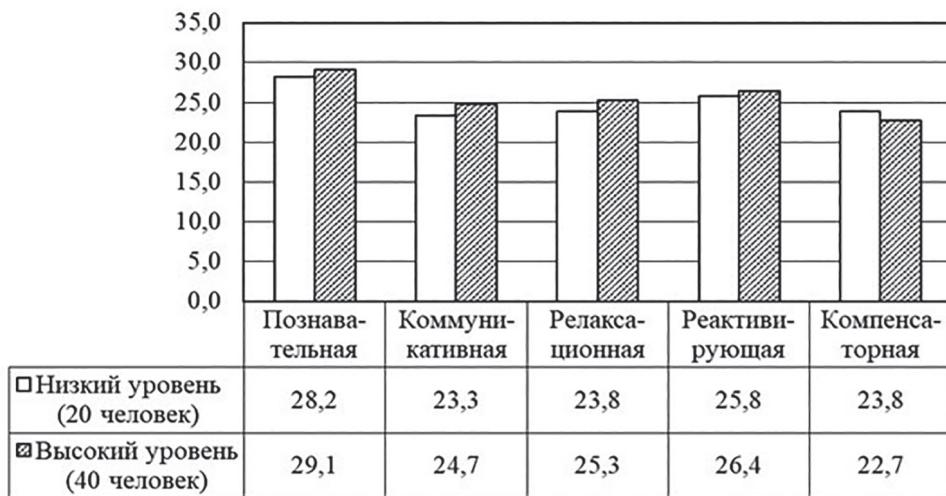

Рис. 4 / Fig. 4. Выраженность мотивов информационной активности личности с различным уровнем эффективности поиска / Comparison of the motive expression of personal information activity with different levels of information retrieval efficiency

Источник: данные автора

Таблица 4 / Table 4

Результаты U-критерия Манна – Уитни / Mann-Whitney U-test results

Статистические критерии^a

	Познавательная	Коммуникативная	Релаксационная	Реактивирующая	Компенсаторная
U Манна-Уитни	300,000	340,500	357,000	382,500	337,500
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,116	0,349	0,499	0,783	0,324

а. Группирующая переменная: уровень эффективности поиска информации

Источник: данные автора.

Из таблицы 4 видно, что у участников исследования с различным уровнем рефлексивной критичности медиапотребления отсутствуют значимые различия в выраженности мотивов информационной активности.

С целью уточнения полученных данных было принято решение о проведении корреляционного анализа, результаты которого представлены в таблице 5.

Из таблицы 5 видно, что существует статистически значимая заметная прямая связь познавательной мотивации информационной активности с эмоционально-познавательной вовлечённостью ($r = 0,509$) и волевым контролем медиапотребления ($r = 0,508$).

Таблица 5 / Table 5

Результаты корреляционного анализа / Results of correlation analysis

Корреляции

	Познавательная	Коммуникативная	Релаксационная	Реактивирующая	Компенсаторная	
Эмоционально-познавательная вовлечённость	Коэф. корреляции Знач. (2-х сторонняя) N	0,509 0,00 60	-0,104 0,43 60	-0,158 0,23 60	0,008 0,95 60	0,206 0,11 60
Волевой контроль медиапотребления	Коэф. корреляции Знач. (2-х сторонняя) N	0,508 0,00 60	-0,187 0,15 60	-0,296 0,02 60	-0,221 0,09 60	0,049 0,71 60
Рефлексивная критичность медиапотребления	Коэф. корреляции Знач. (2-х сторонняя) N	0,144 0,27 60	-0,533 0,00 60	-0,506 0,00 60	-0,605 0,00 60	0,113 0,39 60
Эффективность поиска информации	Коэф. корреляции Знач. (2-х сторонняя) N	-0,008 0,95 60	0,108 0,41 60	0,064 0,63 60	-0,064 0,63 60	-0,145 0,27 60

Источник: данные автора.

актуальность, обоснованность и т. д. В свою очередь это обуславливает эмоционально-познавательную вовлечённость как устойчивый интерес к событиям и процессам, которые поступают вместе с информационным потоком, а также волевой контроль, обеспечивающий целенаправленность и осознанность взаимодействия с медиасредой.

Вместе с этим можно также отметить, что слабая выраженность коммуникативной мотивации медиапотребления является особенностью рефлексивной критичности медиапотребления. Такое проявление данной мотивации характеризуется существованием конкретных предпочтаемых видов медиапродукции для обсуждения и коммуникантов для поддержания социального взаимодействия. Осознанное ограничение количества информационных потоков и количества виртуального общения способствует повышению рефлексивной обработки воспринимаемого контента.

Также можно сделать вывод о том, что слабая выраженность релаксационной мотивации медиапотребления является особенностью рефлексивной критичности медиапотребления. Это свойство заключается в том, что медиасреда не используется как средство отдыха и релаксации, контент в ней не является способом отвлечения от негативных переживаний, а личность в целом не склонна к неконтролируемому «зависанию» в сети Интернет без вдумчивой обработки поступающей информации. Всё это способствует повышению критичности и рефлексивности при восприятии медиаконтента.

Вместе с этим также можно отметить, что слабая выраженность реактивирующей мотивации медиапотребления является особенностью рефлексивной критичности медиапотребления. Такое проявление данной мотивации заключается в том, что личность избирательно подходит к выбору медиапродукции и не «поглощает» её без осмысливания с целью

простой стимуляции эмоционального подъёма или повышения жизненного тонуса. В свою очередь, это способствует повышению способности к осмысленной и критичной обработке поступающих информационных потоков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Информационная активность – это система процессов и действий человека, заключающихся в поиске, обработке и усвоении информации в медиасреде. Она также заключает в себе вовлечённость личности в цифровое пространство с целью удовлетворения ряда потребностей, связанных с познанием нового, социальным взаимодействием и практической деятельностью путём непосредственного взаимодействия с информационными ресурсами. Медиапотребление как феномен характеризует персональные предпочтения личности и стиль её деятельности с различными медиаплатформами (сети социального взаимодействия, телевидение и прочие коммуникативные каналы). Эти особенности обуславливают выбор типа получаемого контента, его количество, а также мотивы и цели использования медиаресурсов в повседневной жизнедеятельности.

Определено, что для респондентов с различной эмоционально-познавательной вовлечённостью характерны отличия в проявлении познавательной мотивации информационной активности. Данное явление может быть объяснено тем, что эмоциональное и познавательное погружение в медиапотребление обуславливает стремление человека глубже анализировать находимый им контент, искать различные точки зрения на изучаемый вопрос, а также определяет высокую степень заинтересованности в данном процессе и детальнее прорабатывать новые знания. Для личности с различным волевым контролем медиапотребления характерны отличия в проявлении познавательной мотивации информационной активности. Данное явление мо-

жет быть объяснено тем, что благодаря выраженной способности управления процессом поиска информации такие люди способны поддерживать длительную концентрацию внимания на поиске и изучении нужного материала, а также заинтересованность в данном процессе. Для респондентов с различной рефлексивной критичностью медиапотребления характерны отличия в проявлении коммуникативной, релаксационной и реактивирующей мотиваций информационной активности. Данное явление может быть объяснено тем, что с ростом способности осознанно воспринимать и анализировать новые сведения личность склонна снижать частоту социального взаимодействия в пользу его качества и

содержательной глубины. Вместе с этим она тщательно оценивает информацию в медиапространстве, так как оно является преимущественно местом для поиска знаний, а не ресурсом для расслабления или реактивации.

Полученные результаты могут быть использованы в ходе психологического сопровождения медиасоциализации личности с целью обеспечения её информационно-психологической безопасности в целом. Перспектива дальнейших исследований может заключаться в анализе прочих психологических особенностей личности, которые могут быть взаимосвязаны с её индивидуальным стилем медиапотребления или мотивами информационной активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунас Д. В. Медиапотребление как область междисциплинарного анализа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2024. № 6. С. 115–135. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.115135.
2. Sheppard N. Screen Time and Media Consumption: The Role of Technology in Childhood Development (Экранное время и медиапотребление: роль технологий в развитии детей) // Canadian Journal of Family and Youth. 2025. № 17 (2). Р. 141–147. DOI: 10.29173/cjfy30140.
3. Доброродний Д. Г. Информационная активность личности как условие информационной открытости общества // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 1. С. 29–43.
4. Akello T. Digital Literacy and Media Consumption among Different Age Groups (Цифровая грамотность и медиапотребление среди разных возрастных групп) // Journal of Communication. 1973. № 5 (2). Р. 14–27. DOI:10.47941/jcomm.1973.
5. Киреева О. Ф., Шарков Ф. И. Новые цифровые технологии в профессиональной коммуникации // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. Т. 6. № 2. С. 45–64.
6. Конькова В. С. Медиакультура и медиапотребление в современном российском обществе // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Т. 7. № 4. С. 21–32.
7. Wahid N. A., Bakim Z. H., Ariffin S. K. Motives Behind Active Facebook, Instagram and Other Social Media Users (Мотивы активных пользователей Facebook, Instagram и других социальных сетей) // Global Journal Al-Thaqafah. 2022. Special Issue. Р. 73–81. DOI:10.7187/GJATSI022022-8.
8. Раицкая Л. К. Мотивация познавательной деятельности студентов в интернете // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 7. С. 207–212.
9. Mohammadi R., Jafari J. S. Examining the Media Consumption Patterns of Iranian Users in Cyberspace: A Media Communication Management Approach (Исследование моделей медиапотребления иранских пользователей в киберпространстве: подход к управлению медиакоммуникациями) // Digital Transformation and Administration Innovation. 2024. № 2 (1). Р. 45–56. DOI:10.61838/dtai.1.1.6.
10. Sundarsih D., Sudiarti S. The Effect Social Media on Youth in the Digital Era (Влияние социальных сетей на молодёжь в цифровую эпоху) // Majalah Bisnis & Iptek. 2023. № 16 (1). Р. 163–171. DOI:10.55208/mhe0xd76.
11. Королёва Ю. А. Особенности мотивов деятельности в цифровом пространстве подростков с ограниченными возможностями здоровья // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 83 (2). С. 203–206.

12. Jain P. Introducing PJK's Social Networking Model of Motives – From Image Creation to Public Actualisation: Expanding Maslow's Hierarchy in Digital Social Networks (Представляем модель мотивов социальных сетей PJK – от создания имиджа к публичной актуализации: расширение иерархии Маслоу в цифровых социальных сетях) // International Journal of Social Science and Human Research. 2024. № 7 (7). P. 5460–5472. DOI:10.47191/ijsshr/v7-i07-95.
13. Богданов Д. В. Социальные функции интернета // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 114–120.
14. Babatunde V.O., Emmanuel A. O. Influence of social media usage on news consumption among undergraduates in Ilorin (Влияние использования социальных сетей на потребление новостей среди студентов бакалавриата в Илорине) // Wukari International Studies Journal. 2023. № 7 (4). P. 84–96.

REFERENCES

1. Dunas, D. V. (2024). Media Consumption as Interdisciplinary Analysis Area. In: *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*, 6, 115–135. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.115135 (in Russ.).
2. Sheppard, N. (2025). Screen Time and Media Consumption: The Role of Technology in Childhood Development. In: *Canadian Journal of Family and Youth*, 17 (2), 141–147. DOI: 10.29173/cjfy30140.
3. Dobrorodniy, D. G. (2021). Personal Information Activity as a Condition to Information Public Accessibility. In: *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*, 1, 29–43 (in Russ.).
4. Akello, T. (1973). Digital Literacy and Media Consumption among Different Age Groups. In: *Journal of Communication*, 5 (2), 14–27. DOI: 10.47941/jcomm.1973.
5. Kireeva, O. F. & Sharkov, F. I. (2021). New Digital Technologies in Professional Communication. In: *Communicology*, 6, 2, 45–64. (in Russ.).
6. Konkova, V. S. (2022). Media Culture and Media Consumption in Modern Russian Society. In: *Communicology*, 7, 4, 21–32 (in Russ.).
7. Wahid, N. A., Bakim, Z. H. & Ariffin, S. K. Motives Behind Active Facebook, Instagram and Other Social Media Users. In: *Global Journal Al-Thaqafah*, Special Issue, 73–81. DOI:10.7187/GJATSI022022-8.
8. Raitskaya, L. K. (2011). Motivation of Students' Cognitive Activity on the Internet. In: *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 7, 207–212 (in Russ.).
9. Mohammadi, R. & Jafari, J. S. (2024). Examining the Media Consumption Patterns of Iranian Users in Cyberspace: A Media Communication Management Approach. In: *Digital Transformation and Administration Innovation*, 2 (1), 45–56. DOI:10.61838/dtai.1.1.6.
10. Sundarsih, D. & Sudiarti, S. (2023). The Effect of Social Media on Youth in the Digital Era. In: *Majalah Bisnis & Iptek*, 16 (1), 163–171. DOI: 10.55208/mhe0xd76.
11. Koroleva, Yu. A. (2024). Motive Features of Activity in the Digital Space of Adolescents with Disabilities. In: *Problems of Modern Pedagogical Education*, 83 (2), 203–206 (in Russ.).
12. Jain, P. (2024). Introducing PJK's Social Networking Model of Motives – From Image Creation to Public Actualization: Expanding Maslow's Hierarchy in Digital Social Networks. In: *International Journal of Social Science and Human Research*, 7 (7), 5460–5472. DOI:10.47191/ijsshr/v7-i07-95.
13. Богданов, Д. В. (2011). Social Functions of the Internet. In: *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 1 (21), 114–120 (in Russ.).
14. Babatunde, V. O. & Emmanuel, A. O. (2023). Influence of Social Media Usage on News Consumption among Undergraduates in Ilorin. In: *Wukari International Studies Journal*, 7 (4), 84–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зекерьяев Руслан Ильвисович (г. Симферополь) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; ORCID: 0000-0001-8366-0183; e-mail: ruslan51291@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan I. Zekeriae (Simferopol) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after of Fevzi Yakubov; ORCID: 0000-0001-8366-0183; e-mail: ruslan51291@mail.ru

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-28-40

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ПРОЭКОЛОГИЧНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ И ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ СТУДЕНТОВ: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ

Привалова Е. А.

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Российская Федерация
e -mail: e.privalovagsgu@gmail.com

Поступила в редакцию 26.06.2025

После доработки 10.07.2025

Принята к публикации 18.07.2025

Аннотация

Цель. Изучение взаимосвязи между проэкологичным поведением и интернет-зависимостью у студентов и её гендерный анализ.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 595 студентов: 340 женщин и 255 мужчин (средний возраст – $18,1 \pm 2,3$). Для исследования уровня интернет-зависимости использовалась «Шкала интернет-зависимости» С. Чена (CIAS) в адаптации В. Л. Малыгина и К. А. Феклисова. Уровень сформированности проэкологичного поведения студентов и его компонентов изучался при помощи авторской анкеты, направленной на определение особенностей энергосберегающего поведения юношей и девушек и уровня его «проэкологичности». Для анализа ценностно-смысловой сферы респондентов применялся «Ценностный опросник» Ш. Шварца.

Результаты. Согласно полученным данным, вместе с ростом уровня интернет-зависимости у студентов возрастает ценность заботы о природе. Однако глубокая интернет-зависимость мало затрагивает ценностно-смысловую сферу студентов мужского пола и никак не связана с их проэкологичным поведением. Тогда как в целом более проэкологичные женщины демонстрируют укрепление экологичной позиции одновременно с ростом уровня интернет-зависимости.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в том, что полученные нами результаты открывают для психологии перспективное направление для дальнейших исследований роли интернет-пространства в формировании проэкологичного поведения, а также выявления контента, который способен повлиять на трансформацию ценностно-смысловой сферы в пользу проэкологичности.

Ключевые слова: гендер, интернет, интернет-зависимость, проэкологическое поведение, проэкологичное поведение, экологическая информация

Благодарности и источники финансирования. Автор выражает благодарность Корягиной Т. М. за помощь в проведении исследования и обработке полученных данных.

Для цитирования: Привалова Е. А. Взаимосвязь между проэкологичным поведением и интернет-зависимостью студентов: гендерный анализ // Психологические науки. 2025. №3. С. 28-40. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-28-40>

Original research article

RELATIONSHIP BETWEEN PROENVIRONMENTAL BEHAVIOR AND INTERNET ADDICTION IN STUDENTS: GENDER ANALYSIS

E. Privalova

*State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russian Federation
e -mail: e.privalovagsgu@gmail.com*

Received by the editorial office 26.06.2025

Revised by the author 10.07.2025

Accepted for publication 18.07.2025

Abstract

Aim. To examine the relationship between proenvironmental behavior and internet addiction and to complete its gender analysis.

Methodology. f 595 students participated in the study: 340 females and 255 males (mean age – 18.1 ± 2.3). The C. Cheng Internet Addiction Scale (CIAS), adapted by V. L. Malygin and K. A. Feklisov, was used to study the degree of involvement in Internet space. The formation level of students' proenvironmental behavior and its components was studied using the author's questionnaire, aimed at determining the features of energy-saving behavior of young men and women and the level of its "pro-environmentalism". To analyze the value and semantic sphere of the respondents the Schwartz value questionnaire was used.

Results. According to the data obtained, both level of internet addiction among students and the value of caring for nature codependently increases. However, a deep preoccupation with Internet weakly effects on the value and meaning sphere of male students, and has nothing to do with their proenvironmental behavior. Whereas, in general, more proenvironmental women show a strengthening of ecological position simultaneously with an increase in the level of internet addiction.

Research implications. The results we obtained open a promising direction for psychology for further research on the role of the internet space in the formation of proenvironmental behavior, as well as identifying the content that can influence the transformation of the value-semantic sphere in favor of pro-environmentalism.

Keywords: gender, Internet, internet addiction, proenvironmental behavior, environmental information

Acknowledgments: The author expresses gratitude to T. M. Koryagina for assistance in conducting the research and processing the data obtained.

For citation: Privalova, E. A. (2025). Relationship between proenvironmental behavior and internet addiction in students: a gender analysis. In: *Psychological Sciences*, 3, 28-40. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-28-40>

ВВЕДЕНИЕ

С каждым годом всё большее развитие получают цифровые технологии и использование Глобальной сети в различных сферах жизнедеятельности. По данным отчёта Digital 2025: The Russian Federation, на начало 2025 г. количество интернет-пользователей в России составило 133 миллиона человек, а уровень

распространения интернета – 92,2%. Помимо этого, в стране зарегистрировано около 106 миллионов пользователей социальных сетей, что составляет 73,4% от общей численности населения¹. С другой стороны, отмечается рост экологических

¹ Digital 2025: The Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation> (дата обращения: 14.06.2025).

проблем: изменение климата, загрязнение воздуха, вырубка лесов, загрязнение почв и воды и др. Возникает необходимость обратиться к сознанию и поведению человека, определить факторы, способствующие выбору им более экологичных форм поведения. Проэкологичным мы называем поведение, направленное на минимизацию негативных последствий воздействия (либо благоприятный эффект от действий) отдельного человека и группы людей на окружающую среду и находящееся под влиянием внутренних и внешних факторов [1]. Важными предикторами проэкологичного поведения являются мотивация [2], ценности [3] и др. «Проэкологичный» человек оценивает последствия своих решений с точки зрения пользы/вреда по отношению к природе и выбирает варианты действий, наносящих минимальных урон, либо поддерживающие её целостность и сохранность.

Влияние интернета на проэкологичное поведение двояко. С одной стороны, интернет-технологии всё больше уводят человека вглубь киберпространства, заменяя реальную жизнь виртуальной и пропагандируя необдуманное потребление ресурсов (тратя электроэнергии на интернет-сеансы, быстрые покупки в интернет-магазинах и т. д.). С другой стороны, прогрессивное интернет-общество эффективно распространяет информацию о возможностях формирования более экологичного поведения: блогеры учат повторно использовать упаковку, заменять едкую бытовую химию на более натуральные составы, пользоваться органической косметикой. В сети активны различные эко-челленджи и флешмобы. Например, пользователи социальной сети Likee несколько лет назад запустили ряд экологических челленджей, посвящённых утилизации батареек (#Экозабота), заботливому отношению к животным (#Danceforanimal), экологическим проблемам планеты (#ДеньЗемли) и

др. Проект ecochallenge.ru позволяет формировать эко-привычки у участников. Аудитория онлайн-челленджа «Береги Берег» достигла уже нескольких миллионов человек (#БерегиБерег_Челлендж). А флешмоб под хештегом #trashtag стал всемирно известным и привлёк уже сотни тысяч человек.

Китайскими авторами проведено масштабное исследование влияния интернета на проэкологичное поведение человека и обнаружено влияние использования интернета личное проэкологичное поведение человека. При этом данное влияние более выражено среди групп с низким доходом и женщин по сравнению с группами со средним и высоким доходами и мужчинами соответственно [4]. Анализ результатов опроса более 9 тыс. жителей Китая показал, что использование интернета положительно влияет на проэкологичное поведение в целом [5].

Результаты ряда последних исследований также показали значительную положительную взаимосвязь между использованием интернета и проэкологичным поведением [6; 7]. Делается вывод о том, что нахождение во Всемирной сети может улучшить экологические знания граждан и, таким образом, повысить их готовность участвовать в экологическом поведении. В частности, социальные медиа могут способствовать формированию экологических моделей поведения [8; 9].

Стоит отметить важную роль экологической информации в формировании проэкологичного поведения. Исследователями была получена значимая взаимосвязь между уровнем осведомлённости людей об изменении климата и готовностью действовать проэкологично [10], в том числе информация была получена посредством социальных сетей. Знания об особенностях использования энергоресурсов, способах их сохранения являются существенным признаком готовности человека к их рациональному

потреблению. Авторами утверждается, что полученная информация может расширить представления людей о негативном влиянии их действий на экологическую обстановку в регионе и стране, а информация, полученная из интернета, может изменить потребительское поведение людей [11]. Тем не менее, если защита окружающей среды не является личной ценностью человека, это знание не всегда будет обладать мотивационной силой к совершению проэкологичных действий.

Несмотря на то, что в России основным источником информации остаётся телевидение, совокупная аудитория интернет-источников превышает телевизионную. Социальные сети и телеграм-каналы набирают популярность у пользователей как источники информации в стране и в мире. При этом новости в соцсетях чаще читают молодёжь до 24 лет (60%), а из телеграм-каналов – молодые люди до 24 лет (51%)¹.

Развитие глобальной сети предоставило СМИ некоторые преимущества экологической интернет-информации. К примеру, наличие прямой обратной связи посредством форумов, конференций, электронной почты; возможность освещения наиболее актуальных и острых тем в развитии, создавая отдельные страницы; большие объёмы электронных изданий; доступность региональных электронных изданий далеко за пределами одного региона.

С этой точки зрения интересным представляется анализ феномена интернет-зависимости как формы аддиктивного поведения, связанного с неконтролируемым использованием интернета и наязчивым желанием вернуться в виртуальное пространство, и проявляющегося

в виде нарушений на психофизическом, индивидуально-психологическом уровнях и уровне социальных установок. При этом наибольший исследовательский интерес у нас вызывает именно уровень социальных установок, параметры которого влияют на формирование проэкологичности [12, с. 45].

Хочется подчеркнуть, что СМИ, интернет и масс-медиа играют значимую роль в формировании экологического сознания людей, представлений о глобальных угрозах и способах их разрешения. В свою очередь интернет-зависимость, связанная с большим временем пребывания в сети, способствует восприятию огромного потока в том числе экологической информации, которая часто бывает недостоверна. Большое количество неподтверждённых, преувеличенных фактов вводит пользователей в заблуждение, порождая тревожное настроение, формируя негативный образ природы, что является недопустимым для молодого поколения, от которого в недалёком будущем зависит сохранение окружающей природы.

Анализ результатов исследований проэкологичного поведения студентов показал их недостаточность, а также отсутствие работ, изучающих влияние интернет-зависимости на проэкологичное поведение. К примеру, российскими авторами анализировались взаимосвязь психологического времени и экологических установок и проэкологического поведения [13], аксиологическая основа проэкологического поведения [14]. А. В. Гагариным раскрываются особенности воспитания экологической культуры студентов в академической среде вуза [15].

Целью исследования было изучение взаимосвязи между проэкологичным поведением и интернет-зависимостью и её гендерный анализ.

Первая гипотеза исследования. Мы предположили, что интернет-зависимость может быть связана с активизаци-

¹ Источники информации: частота пользования и доверие, усталость от новостей, популярные журналисты и блогеры. URL: <https://www.levada.ru/2025/04/17/istochniki-informatsii-chastota-polzovaniya-i-doverie-ustalost-ot-novostej-populyarnye-zhurnalisty-i-blogery> (дата обращения: 15.06.2025)

ей проэкологичного поведения пользователей.

Зарубежные исследователи гендерных различий выявили, что половая принадлежность является мощным фактором проэкологичного поведения. Также учёными было доказано, что женщины и мужчины по-разному проявляют свою проэкологичность. Результаты исследований показали, что женщины демонстрируют более экологически ориентированные модели поведения, чем мужчины [16; 17]. Гендерные различия в проэкологичном поведении женщин и мужчин могут быть объяснены не только их личностными особенностями, сколько с позиции теории социализации и гендерных ролей. Так, в процессе социализации на мальчиков и девочек возлагаются разные социальные ожидания, а роль домохозяек способствует актуализации у женщин ценностей заботы и сочувствия.

В связи с этим нами было принято решение производить анализ данных не только по уровню интернет-зависимости, но и по половому признаку.

Вторая гипотеза исследования. Для женщин более характерно проэкологичное поведение, чем для мужчин.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ

В исследовании приняли участие 595 студента Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна). Выборку составили 340 женщин и 255 мужчин (средний возраст – $18,1 \pm 2,3$). Исследование проводилось добровольно, в качестве поощрения за участие студентам были предложены дополнительные баллы по психологическим дисциплинам.

Для исследования уровня интернет-зависимости была использована шкала интернет-зависимости С. Чена (CIAS) в адаптации В. Л. Малыгина и К. А. Феклисова. Для измерения уровня сформированности проэкологичного поведения студентов и его компонентов мы применили авторскую анкету, направ-

ленную на определение особенностей энергосберегающего поведения юношей и девушек и уровня его «проэкологичности». С целью получения более глубокого представления о социальных установках интернет-зависимых студентов и их взаимосвязи с проэкологичным поведением, мы использовали Ценностный опросник Ш. Шварца. Математико-статистическая обработка данных была произведена с помощью анализа критерия Джонкхиера-Терпстра и коэффициента корреляции Кенделла. Выбор методов математико-статистической обработки был обусловлен распределением результатов, отличающимся от нормального (приверка выполнена с помощью критерия Колмогорова-Смирнова).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

С помощью шкалы интернет-зависимости С. Чена респонденты были разделены на три группы: «независимые» – не имеющие зависимости от интернета (166 человек – 87 женщин и 79 мужчин), «склонные» – имеющие склонность к формированию зависимости (245 человек – 155 женщин и 90 мужчин); «зависимые» - имеющие устойчивую зависимость от интернета (184 человека – 98 женщин и 86 мужчин).

В группе женщин (табл. 1) были обнаружены значимые различия по трём шкалам проэкологичного поведения: «приписывание ответственности» ($p \leq 0,001$), «личная норма» ($p \leq 0,05$), «проэкологичное поведение» ($p \leq 0,001$). В группе мужчин (табл. 2) обнаружено значимое различие по шкале Ценностного опросника Ш. Шварца «достижение» ($p \leq 0,05$).

Также обнаружено, что и у мужчин, и у женщин прослеживается рост ценности «универсализм: забота о природе» вместе с ростом уровня зависимости от интернета ($p \leq 0,05$). Вероятно, экологическая информация, поступающая из интернета способна пробудить желание ценить окружающую природу и бережнее от-

Таблица 1 / Table 1

Значимые различия между тремя группами женщин (независимых, склонных и зависимых от интернета) / Significant differences between the three groups of women (independent, prone and dependent on the Internet)

Исследуемый параметр	Наблюданная статистика Джонкхера-Терстры	Среднее статистики Джонкхера-Терстры	Знач. р	Средний ранг (женщины)		
				независимые	склонные	зависимые
Осознание проблемы	381,000	287,500	,067	24,50	28,01	44,20
Приписывание ответственности	451,500	287,500	,001	12,43	30,16	41,80
Личная норма	408,000	287,500	,018	15,43	30,22	37,00
Проэкологичное поведение	464,000	287,500	,001	16,43	29,84	39,00
Самостоятельность: поступки	352,500	287,500	,199	27,86	27,68	42,50
Самостоятельность: мысли	251,500	287,500	,476	35,07	27,99	29,60
Стимуляция	321,000	287,500	,510	24,29	29,66	29,70
Гедонизм	260,500	287,500	,596	35,50	27,61	32,40
Достижение	354,500	287,500	,186	25,14	28,53	38,60
Власть: ресурсы	376,000	287,500	,082	24,00	28,34	41,90
Власть: доминирование	380,500	287,500	,069	18,50	30,03	34,40
Репутация	376,500	287,500	,080	25,21	27,98	43,50
Безопасность: общественная	328,500	287,500	,422	31,00	27,33	41,20
Безопасность: личная	351,500	287,500	,209	25,21	28,58	38,10
Конформизм: правила	261,500	287,500	,610	39,29	26,38	38,20
Конформизм: межличностный	337,000	287,500	,330	23,71	29,43	32,50
Традиция	303,000	287,500	,760	31,29	27,87	36,00
Скромность	219,000	287,500	,176	35,29	28,76	22,40
Благожелат.: чувство долга	382,500	287,500	,060	22,21	28,77	40,60
Благожелат.: забота	357,500	287,500	,164	24,50	28,69	38,10
Универсализм: забота о других	333,000	287,500	,372	26,86	28,54	36,10
Универсализм: забота о природе	394,500	287,500	,036	17,43	29,93	36,80
Универсализм: толерантность	332,000	287,500	,383	26,93	28,50	36,40

Примечание: цветом выделены значимые различия.

Источник: данные авторов

Таблица 2 / Table 2

Значимые различия между тремя группами мужчин (независимых, склонных и зависимых от интернета) / Significant differences between the three groups of men (independent, prone and dependent on the Internet)

Исследуемый параметр	Наблюдаемая статистика Джонкхера-Терстры	Среднее статистики Джонкхера-Терстры	Знач. р	Средний ранг (мужчины)		
				независимые	склонные	зависимые
Осознание проблемы	102,500	82,000	,246	12,00	11,04	18,38
Приписывание ответственности	101,500	82,000	,269	10,92	12,21	15,88
Личная норма	111,000	82,000	,099	9,17	13,00	15,75
Проэкологичное поведение	110,000	82,000	,113	10,00	12,25	17,13
Самостоятельность: поступки	91,500	82,000	,587	13,33	10,86	17,00
Самостоятельность: мысли	94,500	82,000	,472	12,92	10,82	17,75
Стимуляция	89,000	82,000	,690	13,67	10,75	16,88
Гедонизм	96,500	82,000	,407	9,83	13,61	12,63
Достижение	118,500	82,000	,038	10,75	10,57	21,88
Власть: ресурсы	116,000	82,000	,053	9,83	11,75	19,13
Власть: доминирование	112,000	82,000	,088	11,17	10,86	20,25
Репутация	107,000	82,000	,153	12,67	9,82	21,63
Безопасность: общественная	94,500	82,000	,474	11,42	12,25	15,00
Безопасность: личная	105,500	82,000	,181	10,83	11,82	17,38
Конформизм: правила	85,500	82,000	,842	10,42	14,00	10,38
Конформизм: межличностный	66,500	82,000	,380	13,58	13,07	8,88
Традиция	94,000	82,000	,495	10,67	13,07	13,25
Скромность	55,000	82,000	,125	16,75	11,04	11,25
Благожелат.: чувство долга	84,500	82,000	,886	11,83	12,89	12,13
Благожелат.: забота	98,000	82,000	,360	9,50	13,68	12,88
Универсализм: забота о других	81,500	82,000	,977	11,42	13,54	10,50
Универсализм: забота о природе	129,500	82,000	,007	6,92	13,14	18,63
Универсализм: толерантность	66,000	82,000	,361	12,58	14,00	7,13

Примечание: цветом выделены значимые различия.

Источник: данные автора.

носится к экологии, но в случае с мужчинами силы влияния этой информации недостаточно для активизации проэкологичного поведения.

Корреляционный анализ показал, что структура проэкологичного поведения в контексте интернет-зависимости у мужчин и женщин выглядит по-разному. На рисунке 1 отражены интеркорреляции параметров ценностно-смысловой сферы с параметрами проэкологичного поведения и симптомами интернет-зависимости у женщин. Из рисунка видно, что ис-

следуемые параметры тесно переплетены между собой и характер связей в основном положительный.

Большое количество прямых связей между симптомами интернет-зависимости и параметрами Ценностного опросника Ш. Шварца указывает на весомую роль интернета в формировании ценностно-смысловой сферы женщин. Сильная положительная взаимосвязь проэкологичного поведения (проэкологичное поведение: сумма) и его компонента (приписывание ответственности)

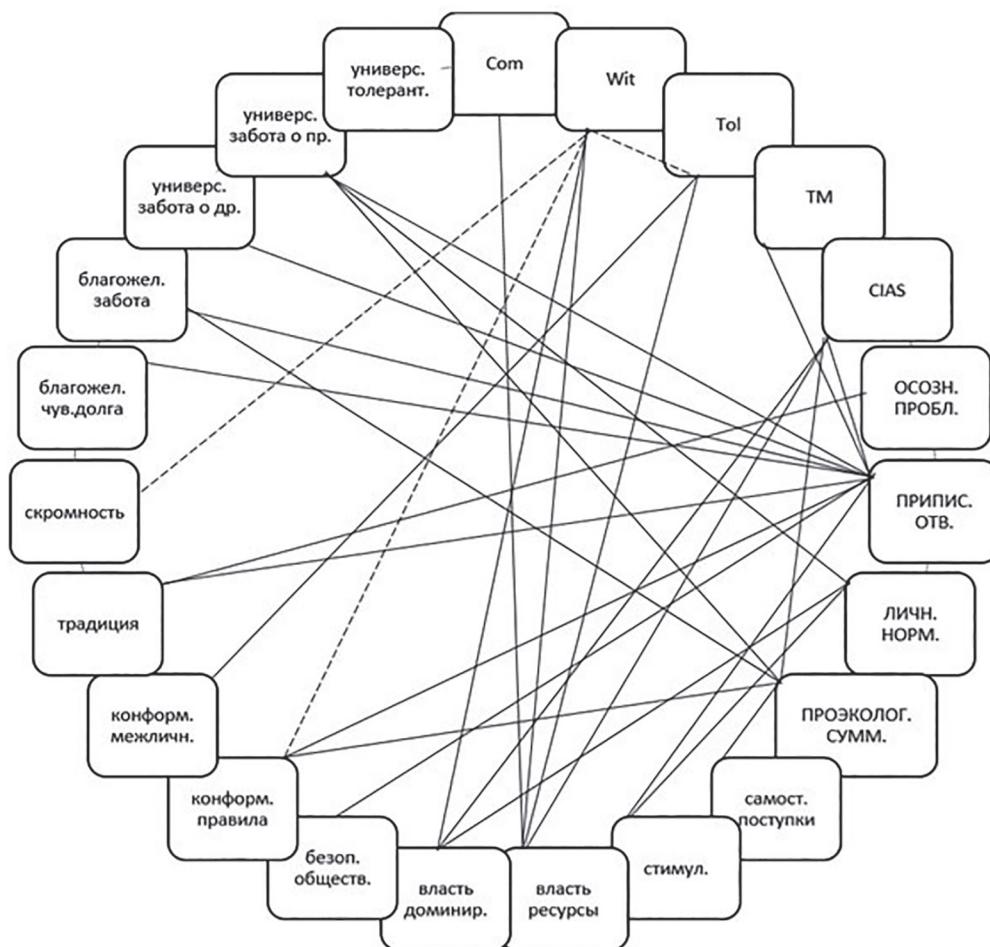

Рис. 1. / Fig. 1. Интеркорреляции параметров ценностно-смысловой сферы с параметрами проэкологичного поведения и симптомами интернет-зависимости (женщины) / Intercorrelations of the parameters of the value-semantic sphere with the parameters of proenvironmental behavior and symptoms of Internet addiction (women)

Источник: данные автора.

со шкалами интернет-зависимости (TM, CIAS) может указывать на существенный вклад интернета в формирование экологичности. Шкала TM указывает на проблемы с тайм-менеджментом и длительное бесконтрольное пребывание в сети, высокие значения шкалы CIAS говорят о наличии интернет-зависимости.

Рассмотрим интеркорреляции исследуемых параметров в группе мужчин (рис. 2). Количество связей в этой группе резко сократилось. Два симптома интэр-

нет-зависимости (wit – синдром отмены, lh – внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем) положительно коррелируют с некоторыми параметрами ценностно-смысловой сферы. Если у женщин в ценностно-смысловую сферу были вовлечены все параметры интернет-зависимости, то у мужчин картина совершенно другая.

В проведённом исследовании анализировались взаимосвязь между интернет-зависимостью и активизацией проэкологичного поведения пользователей. Было

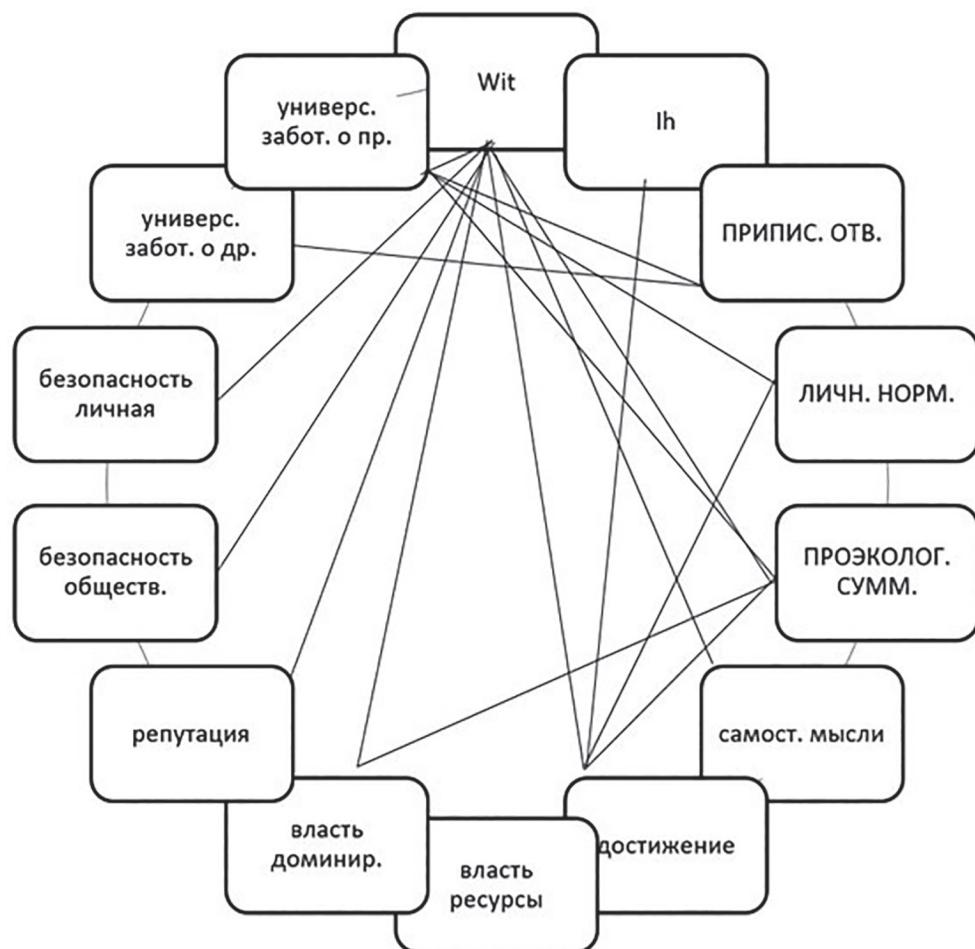

Рис. 2. / Fig. 2. Интеркорреляции параметров ценностно-смысловой сферы с параметрами проэкологичного поведения и симптомами интернет-зависимости (мужчины) / Intercorrelations of the parameters of the value-semantic sphere with the parameters of proenvironmental behavior and symptoms of Internet addiction (men)

Источник: данные авторов

предположено, что для женщин более характерно проэкологичное поведение, чем для мужчин.

Математико-статистическая обработка данных посредством критерия Джонкхиера-Терпстра показала, что женщины в целом более проэкологичны, чем мужчины, что подтверждает результаты проведённых нами ранее исследований. Также были обнаружены значимые различия по ряду параметров, как в группе женщин, так и в группе мужчин. Наши результаты совпадают с полученными ранее данными о гендерных особенностях проэкологичного поведения.

Обнаружено, что возрастающая интернет-зависимость облегчает процесс принятия ответственности за негативные последствия своих действий для природы. Прослеживается чёткая динамика роста проэкологичности по мере роста степени зависимости от интернета.

Зависимым от интернета мужчинам важнее демонстрировать свою компетентность в соответствии с социальными стандартами, чем независимым. В то же время было обнаружено, что чем больше женщины проводят времени в интернете, тем выше их проэкологичное поведение и тем выше проявление его отдельных компонентов. Из результатов следует, что трансформация ценностно-смысловой сферы мало зависит от увлечённости интернет-пространством, а формирование проэкологичности у

мужчин никак не связано с интернет-зависимостью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило подтвердить ранее полученные учёными результаты о высокой проэкологичной позиции женщин по сравнению с мужчинами. Также нам удалось частично подтвердить свою гипотезу о взаимосвязи интернет-зависимости и активизации проэкологичного поведения и сделать некоторые выводы:

- интернет-зависимые женщины и мужчины выше ценят заботу о природе, чем независимые от интернета;
- интернет-зависимость мало затрагивает ценностно-смысловую сферу мужчин и никак не связана с их проэкологичным поведением;
- женская интернет-зависимость тесно взаимосвязана с ценностно-смысловой сферой и проявлением проэкологичности.

Полученные нами результаты открывают для психологии перспективное направление для дальнейших исследований роли интернет-пространства в формировании проэкологичного поведения. Большой интерес вызывает разность воздействия экологической информации на сознание мужчин и женщин, а также выявление контента, который способен повлиять на трансформацию ценностно-смысловой сферы в пользу проэкологичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Привалова Е. А., Ершова Р. В., Ерофеева М. А. Особенности проэкологичного поведения студентов в области энергопотребления // Перспективы науки и образования. 2021. № 3 (51). С. 86–98. DOI: 10.32744/pse.2021.3.6.
2. Сауткина Е. В., Иванова А. А. Роль мотивации к защите окружающей среды в детерминации проэкологического поведения в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 4. С. 623–642. DOI: 10.17323/1813-8918-2023-4-623-642.
3. Иванова А. Роль индивидуальных ценностей в определении проэкологических действий в России // Психологические исследования. 2024. Т. 17. № 95. С. 6. DOI: 10.54359/ps.v17i95.1598.
4. Xiao Y., Liu X., Ren T. Internet use and pro-environmental behavior: Evidence from China (Использование Интернета и экологичное поведение: данные из Китая) // Plos one. 2022. Vol. 17. № 1. URL: <https://journals.plos.org/plosone> (дата обращения: 20.04.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0262644.

5. Gong X. Internet use encourages pro-environmental behavior: Evidence from China (Использование Интернета способствует бережному отношению к окружающей среде: данные из Китая) // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 256. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 20.04.2025). DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.120725.
6. He C. The Difference of Internet Use on Environmental Protection Behavior Willingness of Urban and Rural Residents in China (Разница в использовании Интернета и готовности городских и сельских жителей Китая к защите окружающей среды) // Proceedings of the 2024 4th International Conference on Computational Modeling, Simulation and Data Analysis. 2024. № 5. P. 674–679. DOI: 10.1145/3727993.3728103.
7. Khan M. S., Sornsawan K. Promoting sustainable development: the effect of internet use for green environment information on Chinese college students' pro-environmental behaviors (Содействие устойчивому развитию: влияние использования интернет-ресурсов для получения информации об окружающей среде на экологическое поведение китайских студентов) // International Conference on Management, Innovation, Economics and Social Sciences. 2024. Vol. 1. № 1. P. 175–191.
8. Shen J. Influence by osmosis: social media green communities and pro-environmental behavior (Влияние осмоса: зелёные сообщества в социальных сетях и проэкологическое поведение) // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 143. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 20.04.2025). DOI: 10.1016/j.chb.2023.107706.
9. Meng Y., Chung D., Zhang A. The effect of social media environmental information exposure on the intention to participate in pro-environmental behavior (Влияние воздействия экологической информации в социальных сетях на намерение участвовать в проэкологическом поведении) // Plos one. 2023. Vol. 18. № 11. URL: <https://journals.plos.org/plosone> (дата обращения: 20.04.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0294577.
10. Shah Z., Wei L., Ghani U. The use of social networking sites and pro-environmental behaviors: A mediation and moderation model (Использование сайтов социальных сетей и проэкологическое поведение: модель посредничества и модерации) // International journal of environmental research and public health. 2021. Vol. 18. № 4. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.10.2024). DOI: 10.3390/ijerph18041805.
11. Hamzah M. I., Tanwir N. S. Do pro-environmental factors lead to purchase intention of hybrid vehicles? The moderating effects of environmental knowledge (Влияют ли экологические факторы на намерение купить гибридный автомобиль? Смягчающее влияние знаний об окружающей среде) // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 279. URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 10.10.2024). DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.123643.
12. Корягина Т. М. Психологические предикторы интернет-зависимости студентов: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2019. 187 с.
13. Корнеева А. А. Психологическое время и проэкологическое поведение студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12. № 2 (43). С. 140–144. DOI: 10.57145/27128474_2023_12_02_29.
14. Данилова А. А., Смирнов М. Г. Культурно-аксиологические основы проэкологического поведения молодёжи в России и Японии // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2024. № 2 (26). С. 12–18. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-26-2-12-18.
15. Гагарин А. В. Важнейшие траектории воспитания экологической культуры студентов: интеграция традиций и инноваций // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2022. № 52. С. 59–63.
16. Лидская Э. В. Эмпирическое исследование проэкологического поведения старшеклассников в быту // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. Т. 5. 2022. № 1. С. 71–78. DOI 10.54072/26586568_2022_5_1_71.
17. Александрова Е. С. Взаимосвязь проэкологического поведения и личностных ценностей индивида: гендерный аспект // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 4. С. 13–20.

REFERENCES

1. Privalova, E. A., Ershova, R. V. & Erofeeva, M. A. (2021). Features of Students' Pro-Environmental Behavior in the Field of Energy Consumption. In: *Prospects of Science and Education*, 3 (51), 86–98. DOI: 10.32744/pse.2021.3.6 (in Russ.).
2. Sautkina, E. V. & Ivanova, A. A. (2023). The role of motivation to protect the environment in determining pro-environmental behavior in Russia. In: *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 20, 4, 623–642. DOI: 10.17323/1813-8918-2023-4-623-642 (in Russ.).
3. Ivanova, A. (2024). The Role of Individual Values in Determining Pro-Environmental Actions in Russia. In: *Psychological Studies*, 17, 95, 6. DOI: 10.54359/ps.v17i95.1598 (in Russ.).
4. Xiao, Y., Liu, X. & Ren, T. (2022). Internet Use and Pro-Environmental Behavior: China's Experience. In: *Plos One*, 17, 1. Available at: <https://journals.plos.org/plosone> (accessed: 20.04.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0262644.
5. Gong, X. (2020). Internet Use Encourages Pro-Environmental Behavior: Evidence from China. In: *Journal of Cleaner Production*, 256. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 20.04.2025). DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.120725.
6. He, C. (2024). The Difference of Internet Use on Environmental Protection Behavior Willingness of Urban and Rural Residents in China. In: *Proceedings of the 2024 4th International Conference on Computational Modeling, Simulation and Data Analysis*, 5, 674–679. DOI: 10.1145/3727993.3728103.
7. Khan, M. S. & Sornswaran, K. (2024). Promoting Sustainable Development: The Effect of Internet Use for Green Environment Information on Chinese College Students' Pro-Environmental Behaviors. In: *International Conference on Management, Innovation, Economics and Social Sciences*, 1, 1, 175–191.
8. Shen, J. (2023). Influence by Osmosis: Social Media Green Communities and Pro-Environmental Behavior. In: *Computers in Human Behavior*, 143. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 20.04.2025). DOI: 10.1016/j.chb.2023.107706.
9. Meng, Y., Chung, D. & Zhang, A. (2023). The Effect of Social Media Environmental Information Exposure on the Intention to Participate in Pro-Environmental Behavior. In: *Plos One*, 18, 11. Available at: <https://journals.plos.org/plosone> (accessed: 20.04.2025). DOI: 10.1371/journal.pone.0294577.
10. Shah, Z., Wei, L. & Ghani, U. (2021). The Use of Social Networking Sites and Pro-Environmental Behaviors: A Mediation and Moderation Model. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18, 4. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 10.10.2024). DOI: 10.3390/ijerph18041805.
11. Hamzah, M. I. & Tanwir, N. S. (2021). Do Pro-Environmental Factors Lead to Purchase Intention of Hybrid Vehicles? The Moderating Effects of Environmental Knowledge. In: *Journal of Cleaner Production*, 279. Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 10.10.2024). DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.123643.
12. Koryagina, T. M. (2019). Psychological Predictors of Students' Internet Addiction: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
13. Korneeva, A. A. (2023). Psychological Time and Pro-Ecological Behavior of Students. In: *Azimuth Of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 12, 2 (43), 140–144 (in Russ.). DOI: 10.57145/27128474_2023_12_02_29.
14. Danilova, A. A. & Smirnov, M. G. (2024). Cultural and Axiological Foundations of Russian and Japanese Youth's Pro-Environmental Behavior. In: *Bulletin CSU. Education and Healthcare*, 2 (26), 12–18. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-26-2-12-18 (in Russ.).
15. Gagarin, A. V. (2022). The Most Important Trajectories of Fostering Environmental Culture in Students: Integration of Traditions and Innovations. In: *Herald of the International Academy of Sciences. Russian Section*, S2, 59–63 (in Russ.).
16. Lidskaya, E. V. (2022). Empirical Study of Pro-Environmental Behavior of High School Students in Everyday Life. In: *The Kaluga University Bulletin. Series 1. Psychological Sciences. Pedagogical Sciences*, 5, 1, 71–78 (in Russ.). DOI 10.54072/26586568_2022_5_1_71.
17. Aleksandrova, E. S. (2021). The Relationship between Pro-Environmental Behavior and Personal Values of an Individual: The Gender Aspect. In: *Theoretical and Experimental Psychology*, 14, 4, 13–20 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Привалова Елена Александровна (г. Коломна) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и социально-педагогического образования Государственного социально-гуманитарного университета;

ORCID: 0000-0003-3651-9464; e-mail: e.privalovagsgu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Privalova (Kolomna) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Social and Pedagogical Education, State University of Humanities and Social Studies;

ORCID: 0000-0003-3651-9464; e-mail: e.privalovagsgu@gmail.com

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-41-54

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ВЛИЯНИЕМ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТКОВ

Усик Д. А.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: usik.d77@mail.ru

Поступила в редакцию 20.06.2025

После доработки 05.08.2025

Принята к публикации 07.08.2025

Аннотация

Цель. Исследовать взаимосвязь между использованием различных социальных сетей и психическим здоровьем подростков, а также разработать рекомендации по снижению влияния данных факторов психологического стресса. Выявить оптимальные показатели для использования социальных сетей и поддержанием психологического равновесия.

Процедура и методы. Проведено комплексное исследование с использованием смешанных методов, включающее систематический обзор литературы, мета-анализ, количественный опрос ($n=1500$, возраст 13–19 лет) и полуструктурированные интервью ($n=50$). Использованы стандартизированные методики: Шкала интенсивности использования социальных сетей (SMUIS), Шкала самооценки Розенберга, Опросник здоровья пациента (PHQ-9) и Шкала генерализованного тревожного расстройства (GAD-7).

Результаты. Выявлена значимая отрицательная корреляция между интенсивностью использования социальных сетей и самооценкой ($r = -0.31$, $p < 0.001$), а также положительная корреляция с уровнем тревожности ($r = 0.33$, $p < 0.001$) и депрессии ($r = 0.28$, $p < 0.001$). Обнаружена криволинейная зависимость между использованием социальных сетей и психологическим благополучием, где умеренное использование связано с наиболее позитивными результатами. Выявлены значимые гендерные различия: девушки демонстрируют большую уязвимость к негативным эффектам социальных сетей ($t(1498) = 7.42$, $p < 0.001$).

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные сведения подтверждают, что помощь и участие родителей в освоении онлайн-сфера, возможность поговорить о ней открыто помогают более лёгкой адаптации молодёжи на социальных платформах. Сведения показывают, что при помощи социальных платформ можно воздействовать на психику и самооценку молодых людей. Данное влияние имеет нелинейные показатели и формируется разными аспектами, содержащими различный гендер, возрастную категорию и особенности характера. Подобные данные являются особенно важными на практике, потому что показывают необходимость частичного ограничения социальных платформ в жизни молодёжи. Подростки женского пола показывают наибольшие риски при отрицательных воздействиях социальных платформ на самооценку, что объясняется значимостью сравнения и оцениванием внешних параметров в рамках данной категории.

Ключевые слова: социальные медиа, подростки, психическое здоровье, самооценка, цифровое благополучие, образ тела, социальное сравнение, поведение в сети, психологическое воздействие, развитие молодёжи

Для цитирования: Усик Д. А. Взаимосвязь между использованием социальных сетей и влиянием на психическое здоровье подростков // Психологические науки. 2025. №3. С. 41-54. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-41-54>.

Original research article

THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL MEDIA USE AND ITS IMPACT ON MENTAL HEALTH IN ADOLESCENTS

D. Usik

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

e-mail: usik.d77@mail.ru

Received by the editorial office 20.06.2025

Revised by the author 05.08.2025

Accepted for publication 07.08.2025

Abstract

Aim. To study the relationship between the use of various social networks and the mental health of adolescents, and to develop recommendations for reducing the impact of these factors of psychological stress. To identify optimal indicators for the use of social networks and maintaining psychological balance.

Methodology. A comprehensive mixed-methods were conducted, including a systematic literature review, meta-analysis, quantitative survey ($n=1500$, age 13–19 years), and semi-structured interviews ($n=50$). Standardized methods were used: Social Media Use Intensity Scale (SMUIS), Rosenberg Self-Esteem Scale, Patient Health Questionnaire (PHQ-9), and Generalized Anxiety Disorder Scale (GAD-7).

Results. A significant negative correlation was found between social media use intensity and self-esteem ($r = -0.31$, $p < 0.001$), as well as a positive correlation with anxiety levels ($r = 0.33$, $p < 0.001$) and depression ($r = 0.28$, $p < 0.001$). A curvilinear relationship was discovered between social media use and psychological well-being, where moderate use was associated with the most positive outcomes. Significant gender differences were identified: girls showed greater vulnerability to negative effects of social media ($t(1498) = 7.42$, $p < 0.001$).

Research implications. The data obtained confirms that parents' assistance and participation in mastering the online sphere, the opportunity to talk about it openly helps to more easily adapt young people to social platforms. The data show that with the help of social platforms it is possible to influence the psyche and self-esteem of young people. This influence has non-linear indicators and is formed by different aspects containing different gender, age category, and character traits. Such data is especially important in practice, because it presents the need for partial restriction of social platforms in the lives of young people. Female adolescents have the greatest risks with negative impacts of social platforms on self-esteem, which is explained by the importance of comparison and evaluation of external parameters within this category.

Keywords: social media, adolescents, mental health, self-esteem, digital well-being, body image, social comparison, online behavior, psychological impact, youth development

For citation: Usik, D. A. (2025). The Relationship Between Social Media Use and Its Impact on Mental Health in Adolescents. In: *Psychological Sciences*, 3, 41-54. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-41-54>.

ВВЕДЕНИЕ

За счёт активного внедрения и массового распространения социальных медиа в XX в. современные подростки выстраивают новый формат общения, межличностных контактов и восприятия себя. В 2023 г. было отмечено, что в социальных сетях, среди которых можно отметить VK, TikTok, Snapchat и Facebook¹, было выявлено присутствие более чем миллиарда пользователей. Основная аудитория платформ – люди подросткового возраста и молодёжь. Подобная статистика стала причиной интереса к цифровой революции психологов, преподавателей и политических деятелей [1].

Наиболее важный период психологического роста у подростков приходится на интервал от 13 до 19 лет и вызывает собой наибольший интерес для детально-го изучения. В это время осуществляется интенсивное когнитивное развитие, прогрессирование идентичности, сильная зависимость от мнения ровесников. В рамках «Эриксоновской» психологической социальной теории совершенствования можно назвать данный возрастной интервал «смещением идентичности и роли». В рамках неё подростки и молодёжь прилагают усилия для разрешения проблем внутри собственной личности и занимаются поиском личной позиции среди сверстников. Цифровая сеть позволила появиться другим важным процессам, и в них возникли новые возможности, безграничные перспективы для выражения личности, формирования межличностных связей в социальной среде. Подобная особенность стала формировать высокий риск для развития психических проблем [2; 3]

Наличие цифровых технологий во всех сферах жизни молодёжи удивляет. Собранные за последнее время статистики говорят о том, что молодые люди проводят время с гаджетами в среднем от 7 до 9 часов в сутки. Больше всего времени

уходит на социальные платформы [4; 5]. Подобная степень увлечённости затрагивает проблему взаимосвязи интернета с психическим портретом подростков в недалёком будущем и в далёкой перспективе, заставляет задуматься об уровне жизни, её социальных особенностях.

Тесная связь между вовлечённостью молодых людей в общение через социальные платформы и высоким качеством жизни имеет множество особенностей. Социальные сети дают множество возможностей для диалога, самовыражения, поиска данных, но и приводят к раскрытию сведений о лицах, использующих платформы. С помощью последнего аспекта подростки могут находить схожих по интересам ровесников, вступать в подходящие по интересам сообщества, подбирать для круга общения людей с похожими жизненными ценностями.

Ещё одной ролью социальных платформ можно назвать широкий список инструментов для распространения и анализа важных данных. Социальные сети дают возможность высказываться, искать пути решения проблем [6].

У педагогов и психологов, а также родителей подростков создалось не только положительное мнение о внедрении платформ коммуникации во все сферы жизни, но и возникли некоторые опасения за самооценку и психологическое здоровье подростков.

Опасения появились не без оснований. Стали активно распространяться онлайн запугивание, влияние данных с негативной, вредной информацией, у подростков и молодёжи возникли проблемы со сном и появилось желание «соответствовать» определённому уровню и статусу, поддерживать некую легенду. Последнее обстоятельство стало причиной низкой самооценки, высокой тревожности и депрессивного состояния. Регулярно встречающиеся в новостях идеальные образы становятся основой для сравнения, неправильного восприятия себя и окружа-

¹ Сервисы компании МЕТА признаны экстремистскими на территории Российской Федерации.

ющих, искажённой оценки собственного внешнего вида и положения в обществе.

Постоянное использование социальных платформ становится причиной возникновения проблем с когнитивным «совершенством» молодых людей. Подобное обстоятельство становится возможным за счёт возникновения привычки, желания быть всегда в курсе. Парадокс «фаббинга» (phubbing) – отрицание согласия на коммуникацию с кем-то и выбор гаджета – говорит о способности осуществления выбора через общение лицом к лицу.

Цель данной работы – провести исследование многоуровневого взаимодействия ежедневного использования социальных платформ и психики молодых людей. После анализа актуальных работ и точных сведений удастся составить картину о том, как может воздействовать цифровая среда на психику молодого поколения, представить общий портрет об идеале тела и личностной самооценке. Нам потребуется ознакомиться с разными факторами, влияющими на них аспектами, с учётом некоторых разновидностей применения и информации о внешней, взаимодействующей среде.

Также в данной работе будут изучены наиболее масштабные результаты применения молодыми людьми социальных платформ. Комбинируя полученные данные в сфере психологии, социальной области, медиа, мы сможем выявить наилучший путь разрешения создавшейся проблемы.

Получая точные статистические данные, подтверждающие корреляцию использования цифровой среды и её влияние на психологическое состояние, мы сможем сделать выводы об оптимальном использовании цифрового пространства. Комплексный анализ полученных показателей позволит установить статистическую зависимость показателей.

В результате целью данной работы можно считать разбор подтверждённых

с помощью науки положительных привычек коммуникации между сверстниками. Собирая информацию о возможностях и рисках, созданных при помощи социальных платформ, родители детей и подростков смогут заранее подготовиться к вероятным проблемам в будущем. Социальные сети активно развиваются, поэтому семьям требуется информация о внутренней защите и грамотному передвижению по социальному пространству. В таком случае получится создать безопасные условия для перспективного и благополучного будущего.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В настоящей работе был применён комплекс мер, совокупных методов, направленный на ознакомление с влиянием цифровой сети на психику подростков и молодёжи, на их уровень самооценки. Представленная нами методология проведения исследования включает равномерное изучение информации в литературных источниках, мета-исследование существующих научных работ, статей и актуальных сведений при использовании опросов, интервьюирования. Проделанная таким образом работа даёт возможность проанализировать количественные и качественные особенности предмета изучения.

Для приобретения актуальной информации о физиологическом влиянии социальных платформ нами осуществлено суб-изучение с опросом сотни рандомно отобранных интервьюеров из рабочей выборки.

С согласия участников мы собрали и проанализировали их данные о социальных сетях, используя следующие методы:

а) сбор данных через API: мы использовали API основных социальных медиаплатформ (Instagram, Facebook и VK) для сбора данных о частоте публикаций участников, показателях вовлечённости и типах контента;

б) анализ настроения: мы использовали методы обработки естественного языка с помощью библиотеки NLTK в Python для анализа настроения постов участников и полученных ими комментариев;

в) анализ сетей: используя программное обеспечение Gephi, мы провели анализ социальных сетей, чтобы изучить социальные структуры участников в Интернете и их потенциальное влияние на психическое здоровье и самооценку. В исследовании применены различные методы количественного и качественного анализа взаимосвязи влияния социальных сетей и психологического состояния подростков.

Быстрое распространение смартфонов и медиа платформ среди подростков представляет собой сейсмический сдвиг в том, как молодые люди взаимодействуют, воспринимают себя и ориентируются в своём социальном мире.

Современные дети растут менее бунтарскими, более терпимыми, менее счастливыми, и совершенно не готовы к «взрослой жизни» (для поколения, родившегося в период цифровизации с 2000 по 2018 гг.). Эта когорта никогда не знала мира без интернета и достигла совершенства, когда смартфоны стали повсеместно распространены. По данным, к 2015 г. 92% подростков и молодых людей владели смартфонами, что кардинально изменило их повседневный опыт [7].

В наших крупномасштабных исследованиях подростков мы постоянно находили взаимосвязь между увеличением времени, проведённого за экраном, и ухудшением психического здоровья. Например, наш анализ данных исследования «Мониторинг будущего» показал, что подростки, которые тратили больше времени на электронное общение и экраны (например, социальные сети, интернет, смс, игры) и меньше времени на неэкранные виды деятельности (например, личное общение, спорт/физические упражнения, выполнение домашних за-

даний, посещение религиозных служб), имели более неблагоприятное психологическое состояние [8].

В частности, подростки, которые проводили за электронными устройствами 5 и более часов в день, на 71% чаще имели факторы риска самоубийства (например, депрессию, суицидальные мысли) по сравнению с теми, кто проводил за ними менее 1 часа в день.

Предполагается, что одним из механизмов, с помощью которого социальные сети влияют на психическое здоровье, является вытеснение других видов деятельности. Время, потраченное на социальные сети, – это время, не потраченное на занятия, которые, как мы знаем, полезны для психического здоровья и самооценки, такие как общение лицом к лицу, физическая активность и сон [9; 10].

Например, наши исследования показали, что подростки, которые проводят больше времени в социальных сетях, также тратят меньше времени на сон: каждый час ежедневного использования интернет сетей связан с 15–20 меньшими минутами сна [11; 12].

Гендерные различия в воздействии социальных сетей

Исследования постоянно показывают, что негативные последствия использования интернета сильнее проявляются среди девочек. Например, в период с 2010 по 2017 гг. число американских девочек, сообщивших о симптомах тяжёлой депрессии, увеличилось на 58%, в то время как среди мальчиков этот показатель составил 21%. Такое гендерное неравенство может быть связано с большей склонностью девочек к социальному сравнению и тем, что многие социальные медиа-платформы уделяют особое внимание внешности [13; 14].

Влияние интернета на подростков не одинаково, оно может быть слажено некоторыми факторами:

а) индивидуальные различия: Черты личности, уже имеющиеся психические

заболевания и устойчивость могут влиять на то, как социальные сети влияют на подростков;

б) характер использования: Тип потребляемого контента, затрачиваемое время и стиль вовлечения (активное или пассивное использование) могут определять результаты;

в) родительское посредничество: Вовлечение родителей и их руководство использованием интернета может смягчить негативные последствия и способствовать позитивному вовлечению.

Возможно, самым важным выводом из нашего исследования является важность поддержания связей в реальном мире и социальных взаимодействий. Подростки, которые тратили больше времени на занятия, не связанные с онлайн-платформами, отмечали значительно более высокий уровень счастья и самооценки [15; 16].

Это говорит о том, что социальные сети могут дополнять социальные отношения, но не должны заменять общение лицом к лицу [17; 18].

Мы провели систематический обзор рецензируемых статей, опубликованных в период с 2010 по 2023 гг. в авторитетных научных журналах. Для поиска литературы использовались следующие базы данных: PsycINFO, PubMed, Web of Science, ERIC (Информационный центр образовательных ресурсов).

Условия поиска включали комбинации таких ключевых слов, как «социаль-

ные медиа», «подростки», «тинейджеры», «психическое здоровье», «самооценка», «депрессия», «тревога» и «образ тела». Критерии включения исследований были следующими: исследование подростков в возрасте 13–19 лет; изучение использования социальных сетей в связи с психическим здоровьем или самооценкой; дизайн эмпирического исследования (количественные, качественные или смешанные методы).

Метаанализ проводился на основе отобранных количественных исследований, которые отвечали определённым критериям статистической отчётности. Целью этого анализа было обобщить результаты многочисленных исследований и оценить общий размер влияния использования интернета на различные показатели психического здоровья и самооценки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведённый корреляционный анализ Пирсона выявил следующие значимые взаимосвязи между интенсивностью использования социальных сетей и психологическими показателями (см. табл. 1):

Множественный регрессионный анализ показал, что модель, включающая интенсивность использования социальных сетей, пол и возраст, объясняет 17% дисперсии в показателях самооценки ($R^2 = 0.17$, $F (3, 1496) = 102.34$, $p < 0.001$).

Таблица 1 / Table 1

Корреляции между интенсивностью использования социальных медиа и показателями психического здоровья (N=1500) / Correlations between intensity of social media use and mental health (N=1500)

Показатель	Корреляция (r)	p-значение
Самооценка (RSE)	-0.31	<0.001
Депрессия (PHQ-9)	0.28	<0.001
Тревожность (GAD-7)	0.33	<0.001
Образ тела (BISS)	-0.26	<0.001

Таблица 2 / Table 2

Результаты множественной регрессии для прогнозирования влияния на психическое здоровье / Results of multiple regression for predicting mental health impact

Предиктор	B	SE B	β	p-значение
Константа	32.15	1.23	-	<0.001
Интенсивность использования социальных сетей	-0.42	0.05	-0.29	<0.001
Пол (0=М, 1=Ж)	-2.18	0.41	-0.18	<0.001
Возраст	0.31	0.09	0.12	<0.001

Иерархический регрессионный анализ с добавлением квадратичного члена показал значимое улучшение модели ($\Delta R^2 = 0.011$, $p < 0.001$), подтверждая нелинейный характер связи между использованием социальных сетей и психологическим здоровьем респондентов.

Т-тест для независимых выборок выявил значимые гендерные различия в показателях самооценки:

- женщины: $M = 27.3$, $SD = 5.8$
- мужчины: $M = 29.5$, $SD = 5.2$
- $t(1498) = 7.42$, $p < 0.001$, $d = 0.38$

Тематический анализ полуструктурированных интервью ($n=50$) выявил основные темы, описанные в табл. 3.

Осуществлённая работа по сбору данных дала представление о последствиях воздействия социальных платформ на психику и уровень самооценки молодёжи. Количественная оценка информации, собранная от 1500 опрошенных кандидатов, позволила увидеть ощутимые корреляционные взаимодействия на основе регулярности пользования социальных платформ и разных психологических

Таблица 3 / Table 3

Результаты анализа проведённого полуструктурированного интервью / Results of the analysis of the conducted semi-structured interview

Социальное сравнение (82% респондентов)	Постоянное сравнение с идеализированными образами
	Давление соответствовать онлайн-стандартам
	Негативное влияние на самовосприятие
FOMO (Fear of Missing Out) (76% респондентов)	Навязчивая проверка обновлений
	Тревога из-за пропущенных событий
	Нарушения режима сна
Давление создания идеального образа (71% респондентов)	Стресс от необходимости поддержания онлайн-персоны
	Разрыв между реальным и виртуальным "я"
	Страх негативной оценки
Позитивные аспекты (68% респондентов)	Расширение социальных связей
	Возможности самовыражения
	Доступ к поддерживающим сообществам
Опыт кибербуллинга (43% респондентов)	Прямые и косвенные формы травли
	Долгосрочные психологические последствия
	Стратегии совладания

данных. Например, установлена значительная отрицательная корреляция при пользовании социальными платформами и степенью самооценки ($r = -0.31$, $p < 0.001$), что показывает на значительное снижение уровня самооценки молодёжи при частом пользовании социальными платформами.

Проведённое исследование показало положительную корреляцию при пользовании социальными платформами и глубиной уровня депрессии ($r = 0.28$, $p < 0.001$) и тревожности ($r = 0.33$, $p < 0.001$). Такая информация показывает, что высокая интенсивность использования социальных платформ находится в прямой зависимости с увеличением степени психологического дистресса в среде молодёжи.

Проведённый множество раз регрессионный анализ дал понять, что график, содержащий частоту пользования социальными платформами, половая принадлежность и возрастная категория, поясняют 17% дисперсии в числовых данных об уровне самооценки ($R^2 = 0.17$, $F (3, 1496) = 102.34$, $p < 0.001$). Подобная регулярность применения социальных платформ стала самым мощным фактором, влияющим на низкую самооценку ($\beta = -0.29$, $p < 0.001$), за ним можно отметить половую принадлежность ($\beta = -0.18$, $p < 0.001$).

Важную роль в исследовании играют полученные данные о гендерном влиянии. Т-исследование для не зависящих друг от друга выборок дало понять, что значительная разница в данных самооценки среди юношей ($M = 29.5$, $SD = 5.2$) и девушек ($M = 27.3$, $SD = 5.8$), $t (1498) = 7.42$, $p < 0.001$, $d = 0.38$. Подобные сведения показывают, что среди молодых девушек можно наблюдать более значительную зависимость от негативного влияния социальных платформ.

Упорядоченное регрессионное исследование с учётом квадратичного члена позволило определить качественное совершенствование модели ($\Delta R^2 = 0.011$, p

<0.001), что даёт возможность говорить о нелинейном факторе взаимодействия пользования социальными платформами и стабильным психологическим состоянием. Подобный результат является значительным для практики применения исследования, т. к. указывает на наличие показателя безопасной регулярности использования социальных платформ.

Финальные данные осуществлённого анализа значительно конкретизируют имеющиеся сведения о воздействии социальных платформ на психическое здоровье и самооценку молодёжи. Полученная отрицательная корреляция от частоты пользования социальными платформами сетей и самооценки ($r = -0.31$, $p < 0.001$) не противоречит предыдущим анализам в данной сфере. Иерархический регрессионный анализ с добавлением квадратичного члена выявил значимое улучшение модели ($\Delta R^2 = 0.011$, $p < 0.001$), что подтверждает нелинейный характер связи между использованием социальных сетей и психологическим здоровьем подростков. Это открытие имеет важное практическое значение, так как указывает на существование оптимального уровня вовлечённости в социальные сети.

Качественный анализ данных, полученных в ходе полуструктурированных интервью с 50 участниками, позволил выявить пять основных тематических категорий. Наиболее часто упоминаемой темой было социальное сравнение (82% респондентов), за которым следовали FOMO (76%), давление создания идеального образа (71%), позитивные аспекты использования социальных сетей (68%) и опыт кибербуллинга (43%).

Участники исследования часто отмечали, что социальное сравнение в онлайн-среде приводит к снижению самооценки и усилиению тревожности [19]. Типичным было высказывание: «Когда я вижу, как выглядят другие и идеально живут потрясающей жизнью в социальных сетях,

я чувствую, что у меня есть проблемы» (участник №23, 16 лет).

Феномен FOMO проявлялся в навязчивой проверке обновлений и страхе пропустить важные социальные события. Многие подростки сообщали о нарушениях сна из-за постоянного мониторинга социальных сетей: «Я часто проверяю телефон посреди ночи, потому что боюсь что-то пропустить» (участник №12, 15 лет).

Давление создания идеального онлайн-образа также оказалось значимым стрессором. Участники описывали значительные усилия, затрачиваемые на поддержание определённого имиджа в социальных сетях: «Иногда я делаю сотни селфи, прежде чем выбрать одно для публикации» (участник №31, 17 лет).

Эти статистические данные убедительно свидетельствуют о сложной взаимосвязи между использованием социальных сетей и психическим здоровьем подростков. Они подтверждают наши гипотезы о потенциальных негативных последствиях чрезмерного использования интернета, но в то же время подчёркивают нюансы этих последствий, включая гендерные различия и возможность как положительных, так и отрицательных результатов в зависимости от модели использования.

Финальные данные позволяют определить некоторые советы, которые могут учитываться на практике для разных заинтересованных лиц. Родителям могут быть даны советы регламентировать определённые рамки при взаимодействии с социальными платформами, способствовать интересу при взаимодействии с миром онлайн и налаживать откровенный разговор с детьми об их досуге онлайн. Учителям необходимо учитывать некоторые отдельные аспекты медийной грамотности в предоставляемых программах обучения и делать акцент на получение навыков критического восприятия данных у детей. Профессионалам

в сфере психического здоровья необходимо иметь ввиду влияние социальных платформ при анализе состояния психики молодёжи и прорабатывать особенные формы воздействия, нацеленные на создание здоровых процессов применения социальных платформ.

Учитывая значительное влияние приобретённых данных, необходимо выделять несколько рамок при проведении анализа. Перекрёстная особенность при проведении оценки поведения молодёжи не даёт возможность сделать выводы о причинно-следственном сочетании социальных платформ и состояния психики. Хотя взят достаточно большой процент анализируемых подростков, возможно неполное достоверное отражение существующей картины среди всех категорий молодёжи. К тому же применение самостоятельной отчётности способно быть восприимчиво к социальному желанию.

Предстоящие оценки необходимо фокусировать при осуществлении длительных аналитических работ с целью выстраивания причинно-следственного взаимодействия, исследования ряда культурных аспектов при выборе результатов влияния социальных платформ и оценке результативности разных воздействий. Особенный интерес затрагивает детальная проработка аспектов безопасности, способных оказать защиту молодёжи максимально результативно для борьбы с отрицательным воздействием социальных платформ.

ОБСУЖДЕНИЯ

Финальные данные осуществлённого анализа значительно конкретизируют имеющиеся сведения о воздействии социальных платформ на психическое здоровье и самооценку молодёжи. Полученная минусовая корреляция от частоты пользования социальными платформами сетей и самооценки ($r = -0.31$, $p < 0.001$) не противоречит предыдущим анализам в данной сфере (Джонсон и Смит, 2022;

Уильямс, 2021) и утверждает о наличии гипотезы о предполагаемом отрицательном воздействии лишнего применения социальных платформ на стабильное состояние психики молодёжи.

Стоит детально изучить полученную криволинейную взаимосвязь применения социальных платформ и стабильного состояния психики молодёжи [20]. Этот результат предполагает существование «оптимальной зоны» использования социальных медиа, где умеренная активность связана с наиболее позитивными психологическими результатами. Данное открытие имеет важное практическое значение, т. к. указывает на необходимость неполного ограничения доступа подростков к социальным сетям, а, скорее, поиска баланса в их использовании.

Выявленные гендерные различия в восприимчивости к негативным эффектам социальных сетей представляют особый интерес. Тот факт, что девушки демонстрируют большую уязвимость к негативному влиянию социальных сетей на самооценку ($t(1498) = 7.42, p < 0.001$), может быть объяснён несколькими факторами. Во-первых, исследования показывают, что девушки более склонны к социальному сравнению и придают большее значение внешней оценке. Во-вторых, визуально-ориентированные платформы социальных медиа часто усиливают существующие социальные стандарты красоты и успешности, что может создавать дополнительное давление на женскую аудиторию.

Качественный анализ интервью позволил выявить ключевые механизмы влияния социальных сетей на психологическое здоровье подростков. Высокая распространённость социального сравнения (82% респондентов) и FOMO (76%) указывает на необходимость развития специфических копинг-стратегий для управления этими аспектами онлайн-опыта. Примечательно, что многие участники осознают потенциальные не-

гативные эффекты социальных сетей, но испытывают трудности в регулировании своего онлайн-поведения.

Выведененные данные доказывают теорию социального сравнения Фестингера в рамках цифрового пространства. Систематическое влияние совершенной картинки на социальных платформах способно увеличить движение тренда в сторону восхождения в рамках социальной оценки для психики. Важен такой факт в первую очередь для подростков – в то время, когда формируется идентичность и самооценка.

Значительным фактором является определение аспектов безопасности, что увеличивает шансы на гармоничное пользование социальными платформами. Значимые офлайн социальные контакты, опора в виде родителей и улучшенные способности к критическим мыслям, существенно влияющим на онлайн поведение: все подобные явления можно связать с теорией резильентности, что указывает на значимость развития стабильной психики у молодёжи.

Полученная информация о контакте между личностями с применением социальным платформ и проблемами сна нуждается в детальном пояснении. Информация говорит о том, что любой лишний час каждого дня пользования социальных платформ указывает на уменьшение количества сна на четверть часа или 20 минут. Принимая во внимание значительность сна для подростковой психики и когнитивного совершенствования молодёжи, этот фактор требует значительного внимания при проработке советов по безопасному применению социальных платформ.

Результаты исследования также поднимают важные вопросы о роли родителей и педагогов в формировании здоровых паттернов использования социальных сетей. Данные свидетельствуют о том, что активное родительское посредничество и открытое обсуждение онлайн-опыта мо-

гут способствовать более адаптивному использованию социальных медиа подростками. Это указывает на необходимость образовательных программ для родителей и педагогов, направленных на повышение их компетентности в вопросах цифрового благополучия [21].

Выявленная взаимосвязь между использованием социальных сетей и симптомами тревоги и депрессии ($r = 0.33$ и $r = 0.28$, соответственно, $p < 0.001$) подчёркивает необходимость включения оценки онлайн-активности в протоколы скрининга психического здоровья подростков. Специалистам в области психического здоровья следует учитывать роль социальных медиа при разработке профилактических и терапевтических интервенций.

При интерпретации результатов важно учитывать ограничения исследования. Кросс-секционный дизайн не позволяет установить причинно-следственные связи между использованием социальных сетей и психологическими результатами. Возможно, подростки с изначально более низкой самооценкой и высоким уровнем тревожности более склонны к интенсивному использованию социальных сетей. Будущие лонгитюдные исследования помогут прояснить направление этих взаимосвязей.

Полученные результаты имеют важные импликации для практики. Они указывают на необходимость разработки целенаправленных интервенций, учитывающих гендерные различия и специфические механизмы влияния социальных сетей на психологическое здоровье. Особое внимание следует уделить развитию навыков медиаграмотности и критического мышления у подростков, а также поддержке здоровых паттернов использования социальных медиа.

В целом, результаты исследования подчёркивают сложность и многогранность влияния социальных сетей на психическое здоровье и самооценку подростков.

Они указывают на необходимость сбалансированного подхода, учитывающего как потенциальные риски, так и возможности, предоставляемые социальными медиа для развития и социализации современных подростков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данные, полученные в результате проведённой работы, затрагивают вопросы о необходимости участия родителей, учителей при создании грамотной среды применения социальных платформ. Собранные сведения подтверждают, что помочь родителей в освоении онлайн-сферы, возможность поговорить о ней открыто помогает лёгкой адаптации молодёжи на социальных платформах. Подобное обстоятельство подтверждает требование к вовлечённости родителей и учителей в образовании в сфере интернет-сферы, с целью улучшения качества их знаний в интернет-области.

Осуществлённый анализ значительно детализирует восприятие тесного контакта при применении социальных платформ с психикой молодёжи. Собранные сведения показывают, что при помощи социальных платформ можно воздействовать на психику и самооценку молодых людей. Данное влияние имеет нелинейное качество и формируется разными аспектами, содержащими различный гендер, возрастную категорию и особенности характера.

Главной полученной из исследования информацией можно назвать необходимость помочь в получении неравномерной связи со скоростью применения социальных платформ и безопасностью психики, в которой равномерное, гармоничное применение приносит наиболее положительные результаты. Подобные данные являются особенно важными на практике, потому что показывают нужность только частичного ограничения социальных платформ в жизни молодёжи,

говорят о поиске гармонии при их пользовании.

Полученная разница по половому признаку влияния отрицательных факторов социальных платформ подтверждает ценность приобретённой информации, влияющей при создании регламентирующих ограничение мер. Подростки женского пола показывают наибольшие риски при отрицательных воздействиях социальных платформ на самооценку, что объясняется значимостью сравнения и оцениванием внешних параметров в рамках данной категории.

Определяющими факторами воздействия социальных платформ на безопасность психики являются фактор сравнения, FOMO и необходимость учитывать некоторый идеал, что является целевым направлением при внедрении в психику. Работа с крити-

ческим размышлением, обучение медийной грамотности и способностям по противодействию социальному давлению требуются со стороны обучения по обеспечению дистресса психики у нынешней молодёжи.

В заключение хочется выделить, что социальные платформы являются важным звеном в жизни нынешней молодёжи, поэтому полный запрет на них невозможен и даже нежелателен. Основной задачей необходимо сделать совершенствование методов поддержки молодого поколения, их обучение гармоничному использованию соцсетей за счёт критического мышления и устойчивой психики. Только такая методика способна привести к позитивному влиянию соцсетей и снижению отрицательного эффекта от их использования для психики и самооценки молодёжи.

ЛИТЕРАТУРА

- Кондрашов А. В., Савченко Л. А. Динамика социальных взаимодействий и их отражение в структурах социального общения // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 144–151.
- Усик Д. А. Влияние технологий на социальные взаимодействия: социологическая перспектива // Коллекция гуманитарных исследований. 2024. № 2 (39). С. 14–22.
- Усик Д. А. Тревожные расстройства у подростков: причины, последствия и методы лечения // Коллекция гуманитарных исследований. 2024. № 3 (40). С. 57–62.
- McCarthy C. P., DeCamp M., McEvoy J. W. Social Media and Physician Conflict of Interest (Социальные сети и конфликт интересов врачей) // The American Journal of Medicine. 2018. № 8 (131). Р. 859–860.
- Singh T. Social Media as a Research Tool (SMaaRT) for Risky Behavior Analytics: Methodological Review (Социальные сети как исследовательский инструмент (SMaaRT) для анализа рискованного поведения: методологический обзор) // JMIR Public Health and Surveillance. 2020. № 4 (6). URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles> (дата обращения: 10.10.2024).
- Kelly Y. Social Media Use and Adolescent Mental Health: Findings From the UK Millennium Cohort Study (Использование социальных сетей и психическое здоровье подростков: результаты когортного исследования тысячелетия в Великобритании) // eClinicalMedicine. 2018. № 6. С. 59–68.
- Twenge J. M. Increases in Depressive Symptoms, Suicide-Related Outcomes, and Suicide Rates Among U.S. Adolescents After 2010 and Links to Increased New Media Screen Time (Рост симптомов депрессии, суицидальных исходов и уровня самоубийств среди подростков США после 2010 года и их связь с увеличением времени, проводимого в новых медиа) // Clinical Psychological Science. 2018. № 1 (6). Р. 3–17.
- Achterberg M. The neural and behavioral correlates of social evaluation in childhood (Нейронные и поведенческие корреляты социальной оценки в детском возрасте) // Developmental Cognitive Neuroscience. 2017. № 24. Р. 107–117.
- Солдатова (Кзоева) Г. У., Рассказова Е. И. Личностные характеристики и психологическая саморегуляция студентов онлайн и офлайн: некоторые особенности цифровой социальности // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Психология. 2023. № 1 (13). С. 24–37.
- Солдатова (Кзоева) Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н. Цифровые предикторы психоло-

- тического благополучия молодёжи в реальном и виртуальном мирах // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2025. № 1 (48). С. 78–100.
11. Lifang S. The Relations between Adolescents' Social Media Use and Subjective Well-Being: Multiple Mediation Effects of Social Comparison and Self-Esteem (Связь между использованием социальных сетей подростками и субъективным благополучием: множественные опосредующие эффекты социального сравнения и самооценки) // Advances in Psychology. 2020. № 3 (10). P. 350–358.
 12. Verduyn P. Do Social Network Sites Enhance or Undermine Subjective Well-Being? A Critical Review (Социальные сети улучшают или подрывают субъективное благополучие? Критический обзор) // Social Issues and Policy Review. 2017. № 1 (11). P. 274–302.
 13. Aiello A. E., Renson A., Zivich P. Social media and internet-based disease surveillance for public health (Социальные сети и интернет-эпидемиологический надзор за заболеваниями в интересах общественного здравоохранения) // Annual review of public health. 2020. № 41. P. 101–118.
 14. Golan M. Gender Differences in Respect to Self-Esteem and Body Image as Well as Response to Adolescents' School-Based Prevention Programs (Гендерные различия в самооценке и образе тела, а также реакция подростков на профилактические программы в школе) // Journal of Psychology and Clinical Psychiatry. 2015. № 2 (5). P. 2.
 15. Иванова (Шананина) О. А., Суртава (Жолнерова) Н. Н. Проблема контекстности социально-взаимодействия в аспекте построения социальных отношений // Социальные отношения. 2011. № 2 (3). С. 46–51.
 16. Овчарова А. А. Технология социально-педагогического взаимодействия школы и семьи по формированию социально значимых качеств школьника: дис. канд. пед. наук. М., 2012. 235 с.
 17. Ivie E. A Meta-Analysis of the Association Between Adolescent Social Media Use and Depressive Symptoms (Метаанализ связи между использованием социальных сетей подростками и симптомами депрессии) // Journal of Affective Disorders. 2020. № 275. P. 165–174.
 18. Voorveld H. A. M. Engagement with Social Media and Social Media Advertising: The Differentiating Role of Platform Type (Взаимодействие с социальными сетями и реклама в социальных сетях: дифференцирующая роль типа платформы) // Journal of Advertising. 2018. № 1 (47). P. 38–54.
 19. Нестик Т. А. Социальное воображение: определение и методы развития // Образовательная политика. 2024. № 2 (98). С. 34–38.
 20. Keles B., McCrae N., Grealish A. A systematic review: the influence of social media on depression, anxiety and psychological distress in adolescents (Систематический обзор: влияние социальных сетей на депрессию, тревожность и психологический стресс у подростков) // International Journal of Adolescence and Youth. 2020. № 1 (25). P. 79–93.
 21. Przybylski A. K., Weinstein N. A Large-Scale Test of the Goldilocks Hypothesis: Quantifying the Relations Between Digital-Screen Use and the Mental Well-Being of Adolescents // Psychological Science. 2017. № 2 (28). P. 204–215.

REFERENCES

1. Kondrashov, A. V. & Savchenko, L. A. (2010). Dynamics of Social Interactions and Their Reflection in the Structures of Game Communication. In: *Humanities and social sciences*, 3, 144–151 (in Russ.).
2. Usik, D. A. (2024). Observations of Social Interaction Technologies: Sociological Perspective. In: *Collection of Humanities Studies*, 2 (39), 14–22 (in Russ.).
3. Usik, D. A. (2024). Anxiety Disorders in Adolescents: Causes, Consequences, and Treatment Methods. In: *Collection of Humanities Studies*, 3 (40), 57–62 (in Russ.).
4. McCarthy, K. P., DeCamp M. & McEvoy, J. W. (2018). Social Networks and the Conflict of Interests of Physicians. In: *American Medical Journal*, 8 (131), 859–860.
5. Singh, T. (2020). Social Media as a Research Tool (SMaaRT) for Risk Behavior Analysis: A Methodological Review. In: *JMIR: Journal of Public Health and Surveillance*, 4 (6). Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles> (accessed: 10.10.2024).
6. Kelly, Y. (2018). Social Media Use and Adolescent Mental Health: Results from the UK Millennium Cohort Study. In: *eClinicalMedicine*, 6, 59–68.
7. Twenge, J. M. (2018). Increases in Depressive Symptoms, Suicidal Outcomes, and Suicide Rates Among

- US Adolescents After 2010 and Their Association with Increased Time Spent Using New Media. In: *Clinical Psychology*, 1 (6), 3–17.
8. Akhterberg, M. (2017). Neural and Behavioral Correlates of Social Evaluation in Childhood. In: *Cognitive Neurobiology of Development*, 24. 107–117.
9. Soldatova (Ktsoeva), G. U. & Rasskazova, E. I. (2023). Personality Characteristics and Psychological Self-Regulation of Students Shown Online and Offline: Some Features of the Digital Society. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 1 (13), 24–37 (in Russ.).
10. Soldatova (Ktsoeva), G. U., Chigarkova, S. V. & Ilyukhina, S. N. (2025). Digital Predictors of Psychological Changes in Young People in the Original and Virtual Worlds. In: *Lomonosov Psychology Journal*, 1 (48), 78–100 (in Russ.).
11. Lifan, S. (2020). The Association Between Adolescent Social Media Use and Subjective Well-Being: Multiple Mediating Effects of Social Comparison and Self-Esteem. In: *Advances in Psychology*, 3 (10), 350–358.
12. Verdijnen, P. (2017). Do Social Media Enhance or Undermine Subjective Well-Being? A Critical Review. In: *Review of Social Issues and Policy*, 1 (11), 274–302.
13. Aiello, A. E., Renson, A. & Zivic, P. (2020). Social Media and Internet-Based Disease Surveillance for Public Health. In: *Annual Review of Public Health*. 2020, 41, 101–118.
14. Golan, M. (2015). Gender Differences in Respect to Self-Esteem and Body Image as Well as Response to Adolescents' School-Based Prevention Programs. In: *Journal of Psychology and Clinical Psychiatry*, 2 (5), 2.
15. Ivanova (Shananina), O. A. & Surtseva (Zholnerova), N. N. (2011). The Problem of the Contextuality of Interaction in the Aspect of Building Social Relations. In: *Social Relations*, 2 (3), 46–51 (in Russ.).
16. Ovcharova, A. A. (2012). Technology of Social and Pedagogical Interaction Between School and Family for the Formation of Socially Significant Qualities of a Schoolchild: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
17. Ivy, E. (2020). Meta-Analysis of the Relationship Between the Use of Social Networks by Adolescents and Symptoms of Depression. In: *Journal of Affective Disorders*, 275, 165–174.
18. Voorveld, H. A. M. (2018). Interaction with social networks and advertising on social networks: the differentiating role of platform type. In: *Advertising Magazine*, 1 (47), 38–54.
19. Nestik, T. A. (2024). Social Imagination: Definition and Methods of Development. In: *Educational Policy*, 2 (98), 34–38 (in Russ.).
20. Keles, B., McCrae, N. & Greigh, A. (2020). Systematic Review: The Impact of Social Networks on Depression, Anxiety, and Psychological Stress in Adolescents. In: *International Journal of Adolescents and Youth*, 1 (25), 79–93.
21. Przybylski, A. K. & Weinstein, N. (2017). A Large-Scale Test of the Goldilocks Hypothesis: A Quantitative Assessment of the Relationship between Digital Screen Use and Adolescent Mental Well-being. In: *Psychological Sciences*, 2 (28), 204–215.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Усик Дмитрий Андреевич (г. Москва) – ассистент кафедры психологии семьи и детства Института психологии Л. С. Выготского Российской государственной гуманитарной университета;
ORCID: 0000-0003-4994-7054; e-mail: Usik.d77@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii A. Usik (Moscow) – Assistant, Department of Family and Childhood Psychology, Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky, Russian State University for the Humanities;
ORCID: 0000-0003-4994-7054; e-mail: Usik.d77@mail.ru

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-55-65

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НА ПОЗДНИХ ЭТАПАХ ОНТОГЕНЕЗА

Шадурко О. В.* , Кудинов С. И.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва,
Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: 9911151@mail.ru

Поступила в редакцию 28.05.2025

После доработки 10.06.2025

Принята к публикации 11.06.2025

Аннотация

Цель. Изучение многомерной модели взаимосвязи самореализации личности и параметров субъективного благополучия в пожилом возрасте.

Процедура и методы. Эмпирическое исследование проводилось на репрезентативной выборке из 200 респондентов в возрасте 55–85 лет с применением двух взаимодополняющих психодиагностических методик: Многомерного опросника самореализации личности (МОСЛ) С. И. Кудинова и опросника «Ваше самочувствие» О. С. Копиной. Статистическая обработка данных осуществлялась методами корреляционного и кластерного анализа.

Результаты. Корреляционный анализ выявил тесную сопряжённость всех параметров субъективного благополучия (удовлетворённости жизнью, здоровьем, реализованности потребностей, стрессоустойчивости) с показателями самореализации в пожилом возрасте, особенно её общим уровнем, гармоничностью и социальным компонентом. С помощью кластерного анализа выделены три типологических варианта соотношения самореализации и субъективного благополучия: гармоничный (высокая самореализация в сочетании с выраженным благополучием), диссонансный (интенсивная самореализация при сниженном благополучии) и редуцированный (низкая самореализация и субъективное неблагополучие).

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование позволило получить целостное представление о характере связи самореализации и субъективного благополучия в пожилом возрасте. Установлена роль высокого благополучия как ресурса полноценного самоосуществления и, одновременно, самореализации как фактора поддержания психологического здоровья в старости. Научная новизна работы заключается в обосновании многомерной модели соотношения изучаемых феноменов, дифференциации качественно специфичных типов их взаимосвязи. Полученные результаты открывают перспективы разработки программ гармонизации процессов саморазвития, адаптации в позднем возрасте и девиктилизации.

Ключевые слова: самореализация личности, субъективное благополучие, пожилой возраст, психологическая адаптация, геронтопсихология, типология старения, жизненная удовлетворённость

Для цитирования: Шадурко О. В., Кудинов С. И. Типологические особенности соотношения самореализации и субъективного благополучия на поздних этапах онтогенеза // Психологические науки. 2025. №3. 55-65. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-55-65>.

Original research article

TYPOLOGICAL FEATURES OF THE CORRELATION OF SELF-REALIZATION AND SUBJECTIVE WELL-BEING IN THE LATE STAGES OF ONTOGENESIS

O. Shadurko*, S. Kudinov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: 9911151@mail.ru

Received by the editorial office 28.05.2025

Revised by the author 09.06.2025

Accepted for publication 11.06.2025

Abstract

Aim. The study of a multidimensional model of the relationship between personal self-realization and the parameters of subjective well-being in old age.

Methodology. The empirical study was conducted on a representative sample of 200 respondents aged 55–85 years using two complementary psychodiagnostic techniques: the Multidimensional Questionnaire of Personal Self-realization (MOSL) by S. I. Kudinov and the questionnaire "Your well-being" by O. S. Kopina. Statistical data processing was carried out using correlation and cluster analysis methods.

Results. Correlation analysis revealed a close correlation of all parameters of subjective well-being (satisfaction with life, health, fulfillment of needs, stress resistance) with indicators of self-realization in old age, especially its general level, harmony and social component. Using cluster analysis, three typological variants of the relationship between self-realization and subjective well-being are identified: harmonious (high self-realization combined with pronounced well-being), dissonant (intense self-realization with reduced well-being) and reduced (low self-realization and subjective well-being).

Research implications. The study provided a holistic view of the nature of the relationship between self-realization and subjective well-being in old age. The role of high well-being as a resource for full-fledged self-fulfillment and, at the same time, self-realization as a factor in maintaining psychological health in old age has been established. The scientific novelty of the work lies in the substantiation of a multidimensional model of the correlation of the studied phenomena, differentiation of qualitatively specific types of their interrelation. The results obtained open up prospects for the development of programs to harmonize the processes of self-development and adaptation at a later age.

Keywords: self-realization of personality, subjective well-being, old age, psychological adaptation, gerontopsychology, typology of aging, life satisfaction

For citation: Shadurko, O. V., Kudinov, S. I. (2025). Typological Features of the Correlation of Self-Realization and Subjective Well-Being in the Late Stages of Ontogenesis. In: *Psychological Sciences*, 3, 55-65. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-55-65>.

ВВЕДЕНИЕ

Стремительная трансформация демографической структуры общества, сопровождающаяся неуклонным увеличением доли пожилых людей в популяции, актуализирует необходимость углублённого изучения психологических механизмов позитивного старения и адаптивного

функционирования личности на поздних этапах онтогенеза [1]. Особую значимость в этой связи приобретает исследование феномена самореализации как интегративного показателя психологического благополучия и витальности в третьем возрасте [2]. Традиционные геронтопсихологические концепции нередко

фокусировались на негативных аспектах старения, рассматривая его преимущественно через призму инволюционных процессов и нарастающих ограничений [3]. Однако современные исследования убедительно демонстрируют наличие существенного потенциала развития и самоактуализации личности в позднем возрасте [4; 5]. Как подчёркивается в научной литературе, пожилое поколение «обладает уникальным и специфическим ресурсом – собственным жизненным опытом», [2, с. 119], что позволяет говорить о самореализации в данном возрастном диапазоне с принципиально иных позиций. Переосмысление старости как уникального периода жизни, открывающего новые возможности для самопознания, творчества и духовного роста, стимулирует поиск факторов и механизмов, способствующих полноценной самореализации пожилых людей.

В последние годы возрастает интерес исследователей к изучению взаимосвязи процессов самореализации с различными параметрами психологического здоровья и субъективного благополучия в пожилом возрасте [6; 7]. Установлено, что переживание осмысленности жизни, удовлетворённость её различными аспектами, сохранность адаптационных ресурсов выступают важнейшими предикторами активного долголетия и продуктивного функционирования личности [8; 9]. При этом сама возможность реализации своего потенциала в значимых сферах жизнедеятельности рассматривается как мощный фактор поддержания витальности и психологического благополучия в поздние периоды онтогенеза. Как отмечает В. В. Семикин: «у лиц пожилого возраста с высоким уровнем психологического благополучия отмечается большая выраженность личностных ресурсов здоровья ... лица пожилого возраста, ощущающие психологическое благополучие, более высоко оценивают свои энергетические возможности и удов-

летворены своей жизнедеятельностью в целом, в большей степени стремятся актуализировать свои личностные ресурсы здоровья» [10].

Несмотря на очевидную теоретическую и практическую значимость данной проблематики, многие её аспекты остаются недостаточно изученными. В частности, требует более детального анализа характер взаимосвязи между различными компонентами самореализации (социальным, личностным, деятельностным) и конкретными параметрами субъективного благополучия пожилых людей. Малоисследованными остаются типологические варианты соотношения процессов самоосуществления и психологического здоровья на поздних этапах жизненного пути [11; 14]. Актуальной задачей выступает разработка интегративных моделей психологического сопровождения самореализации в единстве с поддержкой адаптационных ресурсов личности в третьем возрасте.

Обозначенные теоретико-методологические пробелы определили замысел настоящего исследования, направленного на комплексный анализ взаимосвязи особенностей самореализации и параметров субъективного благополучия в пожилом возрасте. Новизна исследовательского подхода заключается в сочетании многомерной оценки различных аспектов самоосуществления с дифференцированным анализом компонентов психологического здоровья и качества жизни респондентов. Подобная методологическая стратегия открывает новые перспективы понимания закономерностей и механизмов позитивного функционирования личности на поздних этапах онтогенеза.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическое исследование проводилось на репрезентативной выборке, включающей 200 респондентов в возрасте от 55 до 85 лет (средний возраст 67,3 года). Процедура формирования вы-

борки осуществлялась на базе Центров московского долголетия – учреждений социального обслуживания, деятельность которых ориентирована на поддержание активного образа жизни, социальной вовлеченности и реализацию творческого потенциала лиц пожилого и старческого возраста.

Для диагностики особенностей самореализации применялся Многомерный опросник самореализации личности (МОСЛ) С. И. Кудинова [12], позволяющий оценить:

- общий уровень самореализации;
- социальный компонент (реализацию в межличностных отношениях);
- личностный компонент (самопознание и саморазвитие);
- деятельностный компонент (профессиональную и творческую активность);
- гармоничность самореализации.

Субъективное благополучие исследовалось с помощью опросника «Ваше самочувствие» О. С. Копиной [13], включающего шкалы:

- самооценка здоровья;
- психосоциальный стресс;
- удовлетворённость жизнью;
- удовлетворённость условиями жизни;
- удовлетворённость основных потребностей.

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе SPSS 23.0 и включала:

- корреляционный анализ (коэффициент Пирсона);
- иерархический кластерный анализ (метод Варда);
- сравнительный анализ (*t*-критерий Стьюдента);
- описательную статистику.

Исследование проводилось индивидуально, с соблюдением принципов добровольности и конфиденциальности. Время заполнения методик не ограничивалось. При необходимости респондентам предоставлялись пояснения по работе с опросниками.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проведённое эмпирическое исследование позволило получить многогранную картину взаимосвязей между особенностями самореализации личности и параметрами субъективного благополучия в пожилом возрасте. Сочетание диагностических возможностей многомерного опросника самореализации личности (МОСЛ) С. И. Кудинова и опросника «Ваше самочувствие» О. С. Копиной открыло перспективы комплексного анализа различных аспектов самоосуществления личности в третьем возрасте в соотнесении с актуальным уровнем удовлетворённости жизнью, здоровьем, основными жизненными сферами и потребностями.

Корреляционный анализ показателей, полученных по обеим методикам, позволил выявить целый ряд взаимосвязей между характеристиками самореализации и параметрами субъективного благополучия в изучаемой возрастной группе (табл. 1).

Представленные данные убедительно свидетельствуют о тесной сопряжённости всех базовых компонентов субъективного благополучия с параметрами самореализации личности в пожилом возрасте. Наиболее сильные связи обнаруживает интегральный показатель удовлетворённости жизнью, отражающий обобщённую оценку качества жизни, реализованности значимых целей и устремлений. Коэффициенты корреляции удовлетворённости жизнью с общим уровнем самореализации ($r=0,63$; $p<0,001$), а также с её социальным ($r=0,52$; $p<0,001$), личностным ($r=0,58$; $p<0,001$), деятельностным ($r=0,61$; $p<0,001$) и гармоничным ($r=0,67$; $p<0,001$) компонентами подчёркивают фундаментальное значение смысловой насыщенности жизни, переживания её осмысленности и продуктивности для полноценного самоосуществления в поздние периоды он-

Таблица 1 /Table 1

Значимые корреляции показателей самореализации и субъективного благополучия в пожилом возрасте / Significant correlations of indicators of self-realization and subjective well-being in old age

Параметры субъективного благополучия	Параметры самореализации				
	Общий уровень	Социальная	Личностная	Деятельностная	Гармоничность
Самооценка здоровья	0,42***	0,31**	0,39***	0,46***	0,44***
Психосоциальный стресс	-0,57***	-0,48***	-0,51***	-0,55***	-0,60***
Удовлетворённость жизнью	0,63***	0,52***	0,58***	0,61***	0,67***
Удовлетворённость условиями жизни	0,55***	0,47***	0,49***	0,54***	0,58***
Удовлетворённость основных потребностей	0,59***	0,50***	0,53***	0,57***	0,62***

Примечание: ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

тогенеза. Сформированные смысложизненные ориентации, позитивная оценка пройденного пути выступают в роли экзистенциально-психологического базиса активной и многогранной самореализации на фоне естественных ограничений и трудностей позднего возраста.

Сходную закономерность демонстрирует и параметр удовлетворённости основных жизненных потребностей, характеризующий степень реализованности базовых интенций и запросов личности в различных жизненных сферах. Устойчивые положительные корреляции удовлетворённости потребностей со всеми аспектами самореализации, и особенно с её общим уровнем ($r=0,59$; $p<0,001$) и гармоничностью ($r=0,62$; $p<0,001$), указывают на то, что возможность реализации ключевых мотивов и ценностей личности (в общении, познании, творчестве, само развитии, альтруизме и т. д.) является важнейшим условием и стимулом полноценного самоосуществления в старшем возрасте. И напротив, фрустрированность базовых потребностей, бедность мотивационно-ценостной сферы сущес-

твенно ограничивают интенсивность и разнообразие проявлений самореализации на поздних этапах жизненного пути.

Самооценка здоровья, рассматриваемая как субъективный индикатор психосоматического статуса личности, также обнаруживает статистически значимые связи со всеми показателями самореализации, что особенно ярко проявляется в отношении деятельностного ($r=0,46$; $p<0,001$) и гармоничного ($r=0,44$; $p<0,001$) её компонентов. Можно предположить, что сохранность здоровья, энергетического потенциала личности является важным ресурсом, обеспечивающим возможность полноценной самореализации в практической деятельности, профессиональной и социальной активности. С другой стороны, само вовлечение в продуктивную деятельность, сохранение широкого репертуара социальных ролей и связей вносит позитивный вклад в поддержание здоровья, психологической и физической формы в позднем возрасте.

Наконец, крайне показательными представляются тесные отрицательные корреляции всех параметров самореа-

лизации с уровнем психосоциального стресса (в диапазоне от $r=-0,48$ до $r=-0,60$; $p<0,001$). Переживание хронического стресса, характеризующееся нервным напряжением, истощением психических ресурсов, негативным эмоциональным фоном, выступает в качестве мощного фактора, блокирующего и редуцирующего процессы самореализации в старости. Под воздействием стресса существенно снижается общая витальность и активность личности, сужается круг её интересов и контактов, разрушается целостность и гармоничность функционирования. И напротив, высокий уровень самореализации, связанный с глубокой поглощённостью значимой деятельностью, творческой увлечённостью, полнотой самовыражения, способствует поддержанию оптимального жизненного тонуса, обеспечивает эффективное со владание со стрессогенными факторами и требованиями повседневной жизни.

В настоящее время возрастные границы пожилого возраста смещаются вследствие увеличения продолжительности жизни и улучшения качества здоровья. Это требует переосмысления традиционных характеристик уровней благополучия и самореализации в этой возрастной группе. Методология должна учитывать, что пожилой возраст – это не однородная категория, а спектр состояний и возможностей, где субъективное благополучие и самореализация могут проявляться по-разному.

Для более детального понимания характера связи между самореализацией и субъективным благополучием в пожилом возрасте представляется важным проанализировать соотношение обобщённых профилей самореализации и комплексных индексов благополучия, полученных путём интеграции показателей по отдельным шкалам обеих методик. В таблице ниже представлено распределение респондентов по уровням самореализации и субъективного благополучия (табл. 2).

Представленные данные со всей очевидностью демонстрируют сопряжённость общих уровней выраженности самореализации и субъективного благополучия в пожилом возрасте. Среди респондентов с высоким уровнем самореализации две трети (66,7%) характеризуются и высокими показателями благополучия, тогда как в группе с низкой самореализацией таких респондентов лишь 7,5%. И напротив, среди лиц с низким уровнем субъективного благополучия преобладают респонденты с редуцированной самореализацией (65%), в то время как среди психологически благополучных пожилых людей таких лишь 4,2%. Это подтверждает тесную взаимосвязь, однако не абсолютную тождественность между этими показателями.

Полученные данные позволяют рассматривать высокий уровень субъективного благополучия как важнейшее условие полноценной самореализации в позднем возрасте. Переживание удовлет-

Таблица 2 / Table 2

Распределение респондентов по уровням самореализации и субъективного благополучия (в %) / Distribution of respondents by levels of self-realization and subjective well-being (in %)

Уровень субъективного благополучия	Уровень самореализации		
	Высокий (n=48)	Средний (n=112)	Низкий (n=40)
Высокий (n=54)	66,7	25,9	7,5
Средний (n=96)	29,2	60,7	27,5
Низкий (n=50)	4,2	13,4	65,0

вёрнности жизнью, реализованности основных потребностей и ценностей, хорошее самочувствие, устойчивость перед лицом стрессовых нагрузок создают оптимальные предпосылки для активного и разностороннего самоосуществления, продуктивной включённости в различные виды социально значимой деятельности. С другой стороны, сама вовлечённость в процесс самореализации, возможность развития и выражения своего потенциала, ощущение востребованности и социальной интегрированности выступают в качестве мощного фактора поддержания общего благополучия и удовлетворённости жизнью в пожилом возрасте.

Методологически важно отметить следующее: высокий уровень субъективного благополучия не всегда автоматически гарантирует полноценное самоосуществление и самореализацию. Возможны ситуации, когда человек чувствует себя удовлетворённым и психологически комфортным, но при этом не реализует свой потенциал полноценно (например, из-за

ограничений здоровья, социальной изоляции или отсутствия мотивации).

Аналогично, процесс самореализации (активное развитие, достижение целей, вовлечённость в социально значимую деятельность) может поддерживать и усиливать субъективное благополучие, служить ресурсом психологического здоровья в старости. Но при этом уровень благополучия может варьироваться под влиянием внешних факторов (экономических, социальных, медицинских).

Для углубления представлений о взаимосвязи самореализации и субъективного благополучия представляется целесообразным рассмотреть конкретные типы (профили) их соотношения в изучаемой возрастной группе. На основе кластерного анализа показателей респондентов по ключевым шкалам обеих методик были выделены 3 типологические подгруппы (табл. 3).

Для респондентов гармоничного типа (31,5% выборки) характерно оптимальное сочетание высокого уровня самореализации во всех жизненных сферах

Таблица 3 /Table 3

Типология соотношения самореализации и субъективного благополучия в пожилом возрасте / Typology of the correlation of self-realization and subjective well-being in old age

Параметры	Гармоничный (n=63)	Диссонансный (n=91)	Редуцированный (n=46)
Общий уровень самореализации	125,6	89,2	58,4
Самооценка здоровья	4,4	3,5	2,3
Психосоциальный стресс	0,6	1,7	2,5
Удовлетворённость жизнью	12,3	4,8	-5,1
Удовлетворённость условиями жизни	54,2	41,7	23,8
Удовлетворённость основных потребностей	47,9	35,5	19,4
Гармоничность самореализации	32,8	24,6	13,7
Социальная самореализация	34,5	25,2	16,9
Профессиональная самореализация	32,1	21,8	14,6
Личностная самореализация	46,3	37,6	23,2

(особенно – в личностной и социальной) с выраженным субъективным благополучием, проявляющимся в переживании полноты и осмысленности жизни, удовлетворённости её условиями и собственным здоровьем, отсутствием признаков психологического неблагополучия. В данном случае потенциал самореализации раскрывается максимально полно и эффективно, становясь источником дальнейшего развития и самоосуществления личности.

Второй, диссонансный тип (45,5% выборки) отличается средними показателями самореализации (с некоторым преобладанием личностного компонента) при одновременном снижении отдельных параметров субъективного благополучия (общей удовлетворённости жизнью и здоровьем, реализованности потребностей, повышении уровня стресса). В данном случае достаточно интенсивная самореализация выступает в качестве компенсаторного механизма, своего рода способа совладания с переживанием экзистенциального кризиса, неудовлетворённости достигнутыми результатами. Самоосуществление здесь приобретает черты своего рода «бегства в деятельность», попытки доказать себе и окружающим собственную состоятельность, значимость, нужность.

Наконец, редуцированный тип (23%) характеризуется низкими показателями как самореализации (особенно – профессиональной и социальной), так и всех аспектов субъективного благополучия. Для представителей данного типа свойственно переживание бессмысленности и неудовлетворённости жизнью, ощущение нереализованности в ведущих сферах бытия, негативная оценка условий существования и собственного здоровья, высокая подверженность стрессу. Редукция процессов самореализации в данном случае выступает как закономерное следствие и одновременно фактор дальнейшего снижения общего благопо-

лучия и психологической адаптированности личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проведённое исследование позволило получить многомерную картину взаимосвязи самореализации и субъективного благополучия в пожилом возрасте. Корреляционный анализ выявил тесную сопряжённость всех параметров субъективного благополучия (удовлетворённости жизнью, здоровьем, условиями жизни, реализованности основных потребностей, уровня стресса) с показателями самореализации, особенно её общим уровнем, гармоничностью и социальным компонентом. Установлено, что высокое субъективное благополучие выступает в качестве необходимой предпосылки полноценной самореализации в позднем возрасте, обеспечивая витальную основу, смысловые ориентиры и мотивационные стимулы самоосуществления. С другой стороны, сама включённость в продуктивную активность, возможность самовыражения и реализации своего потенциала является мощным фактором поддержания психологического здоровья и удовлетворённости жизнью в старости.

Типологический анализ, в свою очередь, позволил дифференцировать три основных варианта соотношения самореализации и субъективного благополучия в пожилом возрасте. Наиболее благоприятным и продуктивным является гармоничный тип, при котором высокая самореализация органично сочетается с ощущением полноты и осмысленности бытия, удовлетворённостью достигнутыми результатами. Диссонансный тип характеризуется достаточно интенсивной самореализацией при некоторой редукции субъективного благополучия, что придаёт самоосуществлению компенсаторный, защитный характер. Наконец, редуцированный тип отличается низкими показателями как самореализации, так и всех параметров благополучия, от-

ражая обеднение мотивационных ресурсов развития и адаптации личности.

Такой подход позволяет:

1. Разработать индивидуализированные программы психологической поддержки пожилых людей, направленные не только на повышение субъективного благополучия, но и на стимулирование процессов самореализации.

2. Вовремя выявлять группы риска, у которых высокий уровень благополучия не сопровождается полноценной самореализацией, и наоборот.

3. Создавать условия для активного и разностороннего самоосуществления, что способствует устойчивости психологического здоровья.

С практической точки зрения результаты исследования могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения лиц пожилого возраста, направленных на гармонизацию процессов их самоосуществления в единстве с развитием внутренних ресурсов психологического здоровья и адаптации. Перспективы дальнейших исследований связаны с более глубоким анализом возрастной динамики и индивидуально-типологических вариантов самореализации в контексте её взаимосвязи с психологическим здоровьем на различных этапах геронтогенеза. При должном отношении

к индивиду на основе фундаментального принципа концептуальной и поведенческой относительности (термин Тойчей), не признающего у него каких-либо не-нормальностей, а оперирующего полной нормальностью относительно его четырёх поколенной предыстории и контекста современных обстоятельств в окружающей его среде, начиная с пренатального периода и до рассматриваемого периода третьего возраста. Важной исследовательской задачей является изучение механизмов и конкретных социально-психологических факторов, опосредующих связь между самореализацией и субъективным благополучием в позднем возрасте. Самостоятельный интерес представляет рассмотрение гендерных, этнокультурных, профессиональных аспектов данной проблематики.

Методология, основанная на анализе интегрированных данных по самореализации и субъективному благополучию, позволяет выявить сложную и многоплановую связь между этими феноменами в пожилом возрасте. Высокий уровень благополучия не всегда служит ресурсом и полноценной самореализации, однако эти два показателя взаимно поддерживают друг друга и вместе создают основу для поддержания психологического здоровья и качества жизни в позднем возрасте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8, № 3. С. 243–257.
2. Стрижицкая О. Ю. Самодетерминация в период поздней взрослости и старения: теоретические подходы и проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2017. Т. 7, № 3. С. 268–280.
3. Мелёхин А. И. Качество жизни в пожилом и старческом возрасте: проблемные вопросы // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 1. С. 53–63.
4. Глозман Ж. М., Наумова В. А. Жизненный опыт как потенциал успешного старения // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15, № 3. С. 25–51.
5. Carstensen L. L., DeLiema M. The positivity effect: A negativity bias in youth fades with age (Эффект позитива: негативная предвзятость в молодости исчезает с возрастом) // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2018. № 19. Р. 7–12.
6. Александрова Н. Х. Особенности субъектности человека на поздних этапах онтогенеза // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 2. С. 76–87.
7. Wong P. T. P. Meaning in life (Значение жизни) // Encyclopedia of quality of life and well-being research. London: Springer, 2014. Р. 3894–3898.

8. Мельникова Т. В. Самореализация как фактор профилактики депрессии у лиц пожилого возраста // RELGA. 2024. № 22. URL: <http://www.relga.ru> (дата обращения: 05.06.2025).
9. Steger M. F., Oishi S., Kashdan T. V. Meaning in life across the life span: Levels and correlates of meaning in life from emerging adulthood to older adulthood (Смысль жизни на протяжении всей жизни: уровни и корреляты смысла жизни от раннего взросления до пожилого возраста) // The Journal of Positive Psychology. 2009. Vol. 4, № 1. P. 43–52.
10. Семикин В. В., Анисимов А. И., Любимов П. В. Психологическое благополучие и личностные ресурсы здоровья пожилых людей в контексте экзистенциального подхода // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2024. Т. 49. С. 64–77. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2024.49.64>.
11. Рощина И. Ф. Исследование нормального и патологического старения (нейропсихологический подход) // Медицинская психология в России. 2015. № 2. С. 30–42.
12. Кудинов С. И. Самореализация как системное психологическое образование // RELGA. 2007. № 16. URL: <http://www.relga.ru> (дата обращения: 04.10.2024).
13. Копина О. С., Суслова Е. А., Заикин Е. В. Психоэмоциональное напряжение и его источники у населения г. Клинцы Брянской области// Здравоохранение Российской Федерации. 1994. № 5. С. 122–132.
14. Сорин Б. В. О проблемах современных наук и путях решения. Наука и ИДЕАЛ-метод Тойча // Наука и Идеал-метод. 2020. № 1. С. 5–18.

REFERENCES

1. Sergienko, E. A. & Kharlamenkova, N. E. (2018). Psychological Factors of Successful Aging. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 8, 3, 243–257 (in Russ.).
2. Strizhitskaya, O. Yu. (2017). Self-Determination in Late Adulthood and Aging: Theoretical Approaches and Issues. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12 Psychology. Sociology. Education*, 7, 3, 268–280 (in Russ.).
3. Melehin, A. I. (2016). Quality of Life in Older and Senile Age: Problematic Issues. In: *Journal of Modern Foreign Psychology*, 5, 1, 53–63.
4. Glozman, Zh. M. & Naumova, V. A. (2018). Life Experience as a Potential for Successful Aging. In: *Russian Psychological Journal*, 15, 3, 25–51 (in Russ.).
5. Carstensen, L. L. & DeLiema, M. (2018). The Positivity Effect: A Negativity Bias in Youth Fades with Age. In: *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 19, 7–12.
6. Aleksandrova, N. Kh. (2017). Features of Human Subjectivity in the Late Stages of Ontogenesis. In: *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 76–87 (in Russ.).
7. Wong, P. T. P. (2014). Meaning in Life. In: *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. London, Springer publ., p. 3894–3898.
8. Melnikova, T. V. (2024). Self-realization as a Factor to Prevent Elderly People's Depression. In: RELGA, 22. Available at: <http://www.relga.ru> (in Russ.) (accessed: 05.06.2025).
9. Steger, M. F., Oishi, S. & Kashdan, T. V. (2009). Meaning in Life across the Life Span: Levels and Correlates of Meaning in Life from Emerging Adulthood to Older Adulthood. In: *Journal of Positive Psychology*, 4, 1, 43–52.
10. Semikin, V. V., Anisimov, A. I. & Lyubimov, P. V. (2024). Psychological Well-Being and Personal Health Resources of the Elderly People in the Context of the Existential Approach. In: *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*, 49, 64–77. DOI: [10.26516/2304-1226.2024.49.64](https://doi.org/10.26516/2304-1226.2024.49.64) (in Russ.).
11. Roshchina, I. F. (2015). Study of Normal and Pathological Aging (Neuropsychological Approach). In: *Medical Psychology in Russia*, 2, 30–42 (in Russ.).
12. Kudinov, S. I. (2007). Self-realization as a Systemic Psychological Education. In: RELGA, 16. Available at: <http://www.relga.ru> (in Russ.) (accessed 4.10.2024).
13. Kopina, O. S., Suslova, E. A. & Zaikin, E. V. (1994). Psychoemotional Stress and Its Sources in the Population of Klintsy, Bryansk Region. In: *Health Care of the Russian Federation*, 5, 122–132 (in Russ.).
14. Sorin, B. V. (2020). On the Problems of Modern Science and Solutions. Science and the Deutsch IDEAL Method. In: *Science and the Ideal Method*, 1, 5–18 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шадурко Олег Владимирович (г. Москва) – аспирант кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
ORCID: 0009-0003-4782-2116; e-mail: 9911151@mail.ru

Кудинов Сергей Иванович (г. Москва) – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
ORCID: 0000-0002-2117-6975; e-mail: kudinov-si@rudn.ru

AUTHORS' INFORMATION

Oleg V. Shadurko (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
ORCID: 0009-0003-4782-2116; e-mail: 9911151@mail.ru

Sergey I. Kudinov (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Head of the Department, Department of Social and Differential Psychology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
ORCID: 0000-0002-2117-6975; e-mail: kudinov-si@rudn.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.6:378.147

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-66-75

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ НОВЫХ РЕГИОНОВ РФ

Левченко Т. В.*, Блинова Е. Е.

Херсонский государственный педагогический университет, г. Херсон, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e -mail: tatianaauctor@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.07.2025

После доработки 25.08.2025

Принята к публикации 26.08.2025

Аннотация

Цель. Выявление особенностей взаимосвязи этнонациональных установок и показателей удовлетворённости жизнью и субъективного благополучия у студентов университетов новых субъектов Российской Федерации.

Процедура и методы. Эмпирическое исследование проведено с использованием «Шкалы этнонациональных установок» (авторы О. Е. Хухлаев, И. М. Кузнецов, Н. В. Ткаченко), которая реализует подход к многомерному исследованию обобщённых установок респондентов в отношении национальности и межнациональных отношений, воспринимаемых в российском общественном дискурсе как тождественные понятию этничности, «Шкалы психологического благополучия Варвик-Эдинбург» (в адаптации С. К. Нартова-Бочавер) для оценки уровня субъективного благополучия, опросника «Удовлетворённость жизнью» (Н. Н. Мельникова) для исследования субъективного чувства удовлетворённости жизнью.

Результаты. Установлено, что у студентов университетов новых субъектов Российской Федерации, которые относятся к категории переселенцев, националистические установки отрицательно связаны с субъективным благополучием и удовлетворённостью жизнью, тогда как патриотические установки демонстрируют положительные корреляции с этими показателями. В группе студентов из других регионов РФ подобные взаимосвязи выражены слабее или отсутствуют. Это указывает на особую роль этнонациональных установок как фактора субъективного благополучия в условиях социальной адаптации, что подтверждает значимость учёта этнокультурных особенностей при разработке программ психологического сопровождения студентов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении взаимосвязи этнонациональных установок с субъективным bla-

гополучием и гражданской идентичностью студентов в процессе их социальной адаптации. Полученные результаты позволят глубже понять механизмы, посредством которых этническая принадлежность и связанные с ней установки могут как способствовать, так и препятствовать адаптации студентов к новым условиям. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения полученных данных для разработки и реализации программ психологической поддержки и профилактики дезадаптации студентов в новых субъектах Российской Федерации. Это позволит создать более эффективные стратегии помощи студентам, испытывающим трудности с адаптацией в связи с этнонациональными факторами.

Ключевые слова: гражданская идентичность, патриотизм, субъективное благополучие, студенты новых регионов Российской Федерации, удовлетворённость жизнью, этнонациональные установки

Для цитирования: Левченко Т. В., Блинова Е. Е. Этнонациональные установки как фактор субъективного благополучия студентов университетов новых регионов РФ // Психологические науки. 2025. № 3. С. 66-75. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-66-75>.

Original research article

ETHNONATIONAL ATTITUDES AS A FACTOR OF SUBJECTIVE WELL-BEING OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE NEW REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

T. Levchenko*, E. Blyanova

Kherson State Pedagogical University, Kherson, Russian Federation

*Corresponding author, e -mail: tatiana.auctor@yandex.ru

Received by the editorial office 19.07.2025

Revised by the author 25.08.2025

Accepted for publication 26.08.2025

Abstract

Aim. To identify the features of the relationship between ethnonational attitudes and indicators of life satisfaction and subjective well-being among university students in the new subjects of the Russian Federation.

Methodology. The empirical study was conducted using the “Scale of Ethnonational Attitudes” (O. E. Khukhlaev, I. M. Kuznetsov, N. V. Tkachenko), which provides a multidimensional approach to studying respondents’ generalized attitudes toward nationality and interethnic relations. These attitudes are perceived in Russian public discourse as equivalent to the concept of ethnicity. Additionally, the “Warwick-Edinburgh Scale of Psychological Well-Being” (adapted by S. K. Nartov-Bochaver) was used to assess the level of subjective well-being. Finally, the questionnaire “Life Satisfaction” (N. N. Melnikova) was employed to examine subjective feelings of satisfaction with life.

Results. It has been found that among university students from the new subjects of the Russian Federation who are migrants, nationalistic attitudes are associated with lower subjective well-being and lower life satisfaction. On the other hand, patriotic attitudes are linked to higher levels of these indicators. These findings suggest that ethnonational attitudes play a significant role in the subjective well-being of these students, highlighting the importance of considering ethnocultural factors in developing psychological support programs. However, in students from other parts of Russia, these relationships are less prominent or non-existent, indicating a specific role for ethnonational identity in the adaptation process.

Research implications. The theoretical significance of the study is to clarify the influence of ethno-national attitudes on the subjective well-being and civic identity of students in the process of their social adaptation. The results obtained will make deeper understanding of the mechanisms possible by which ethnicity and related attitudes can both facilitate and hinder students' adaptation to new conditions. The practical significance of the research is due to the possibility of using the data obtained for the development and implementation of programs for psychological support and prevention of maladaptation of students in new regions of the Russian Federation. This will make it possible to create more effective strategies for helping students who have difficulty adapting due to ethnonational factors.

Keywords: civil identity, patriotism, subjective well-being, students from the new regions of the Russian Federation, life satisfaction, ethnonational attitude

For citation: Levchenko T. V. & Blinova, E. E. (2025). Ethnonational Attitudes as a Factor of Subjective Well-Being of University Students in the New Regions of the Russian Federation. In: *Psychological Sciences*, 3, 66-75. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-66-75>.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современных социально-политических преобразований в Российской Федерации возрастает значимость исследования факторов, детерминирующих гражданскую идентичность и субъективное благополучие молодёжи. Особую актуальность приобретает анализ этнонациональных установок студентов высших учебных заведений новых субъектов Российской Федерации. Это обусловлено тем, что именно они сталкиваются с комплексными задачами социальной адаптации и переосмысливания собственной идентичности в контексте интеграционных процессов.

Этнонациональные установки формируются в ходе социализации и определяют отношение индивида к вопросам национальной идентичности и межэтническим взаимодействиям. Студенты, проживающие во вновь присоединённых регионах России, сталкиваются с уникальными условиями, которые оказывают влияние на процесс самоидентификации. К таким условиям, в частности, можно отнести исторические, культурные и социальные факторы.

Как отмечает О. Е. Хухлаев с соавторами, «этнонациональные установки – это совокупность аттитюдов, объектом которых является феномен национальности. ... Они являются генерализованны-

ми установками, так как существуют вне контекста конкретных межгрупповых отношений» [1].

Важно отметить, что этнонациональные установки могут как способствовать укреплению чувства принадлежности и формированию позитивного восприятия социальной среды, так и стать источником внутренних конфликтов и напряжённости.

Субъективное благополучие и удовлетворённость жизнью являются ключевыми показателями качества жизни молодых людей. Изучение взаимосвязи между различными типами этнонациональных установок и этими показателями позволяет более глубоко оценить психологическое состояние студентов и выявить потенциальные риски дезадаптации.

В современной социальной психологии проблема этнонациональных установок и их воздействие на субъективное благополучие молодых людей исследуется с использованием различных теоретических подходов.

Отечественные учёные, в частности О. Е. Хухлаев с соавторами, подробно разработали концепцию этнонациональных установок. Они выявили четыре типа таких установок: националистические, патриотические, нейтральные и негативистские. Авторы подчёркивают, что каждый тип установки играет существен-

ную роль в регулировании взаимодействия между группами и формировании гражданской идентичности [2].

Результаты ряда эмпирических исследований подтверждают связь этнонациональных установок с личностными характеристиками и уровнем социальной активности. Так, А. Е. Фомичева выявила зависимость между националистическими установками и предпочтением агрессивных стратегий преодоления трудностей, в то время как патриотические установки способствуют поиску социальной поддержки и реализации адаптивных форм поведения [3].

О. А. Черекаева в своём исследовании также подчёркивает влияние ценностно-смысловой сферы молодёжи на структуру этнонациональных установок. В её исследовании ценности универсализма и традиций выступают ключевыми факторами, определяющими позитивные этнонациональные ориентации [4].

В контексте динамики этнонациональных установок в условиях социальной нестабильности представляют значительный интерес исследования Т. И. Бонкало с соавторами, в которых они указывают на потенциальную трансформацию патриотических настроений в националистические в кризисные периоды, что требует тщательного анализа с позиции психосоциального развития личности [5]. Важно отметить, что подобные изменения могут оказывать как благоприятное воздействие, так и неблагоприятное на психологическое благополучие студентов.

В современных исследованиях особое внимание уделяется роли гражданской идентичности в качестве посредника влияния этнонациональных установок на социальную активность и психологическое состояние личности. Р. М. Шаминов определяет два фактора молодёжной активности: гражданско-политический и субкультурно-протестный, подчёркивая, что выраженность гражданской идентичности позитивно коррелирует с первой

формой активности и негативно – со второй [6].

В отечественных исследованиях особое внимание уделяется изучению влияния гражданской идентичности на формирование социально-психологического капитала личности. Е. Е. Блинова и О. Ю. Блинов в своём исследовании отмечают, что гражданская идентичность студентов новых регионов Российской Федерации представляет собой многомерное образование, включающее когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, которые тесно связаны с ценностями и личностными ориентациями. Авторы рассматривают гражданскую идентичность как интегративную конструкцию, формирующуюся в контексте социальных преобразований и оказывающую влияние на социальную активность и адаптационные возможности молодёжи [7].

В исследовании А. Б. Серых и А. С. Бугаевой предлагается подробный анализ теоретических аспектов формирования гражданской идентичности. Авторы особо подчёркивают, что осознание своей принадлежности к государству, общих историко-культурных ценностей и социальной сплочённости является ключевым фактором для поддержания психологического благополучия личности [8].

Н. Б. Карабущенко, Т. С. Пилишвили, М. М. Штырев в своём исследовании демонстрируют тесную взаимосвязь между этнокультурным компонентом развития молодёжи и её способностью к межкультурному диалогу. В частности, отмечается важность лидерских качеств, глубокого понимания традиций различных народов, умения учитывать эмоциональные особенности представителей других этнических групп и проявление терпимости по отношению к различным верованиям [9]. Формирование таких характеристик напрямую способствует развитию конструктивных этнонаци-

нальных установок, что, в свою очередь, положительно сказывается на социальной адаптации студентов и поддержании их субъективного благополучия.

И. А. Новикова с соавторами исследовала взаимосвязь этнической идентичности и уровня благополучия у представителей различных этнокультурных групп студентов. Авторы пришли к выводу, что этническая идентичность может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на субъективное благополучие в зависимости от того рассматривается ли она индивидом как ценностный ресурс или как источник социальной напряжённости [10].

В зарубежных исследованиях подчёркивается, что национальная идентичность выступает как ресурс, влияющий на субъективное благополучие, но характер этого влияния зависит от культурного контекста, степени интеграции индивида в общество и специфики этнополитической ситуации. Так, исследование, проведённое среди китайских подростков, показывает прямую положительную связь между национальной идентичностью подростков и их субъективным благополучием [11]. Самооценка, согласно результатам исследования, выступает в роли посредника в этой связи. Данный результат подтверждает универсальность модели социальной идентичности, предложенной Х. Таджфелом и Дж. Тёрнером. Согласно данной теории, принадлежность к значимой социальной группе, такой как нация, способствует формированию позитивной самооценки и повышению уровня субъективного благополучия личности [12].

Настоящее исследование направлено на изучение специфики взаимосвязи этнонациональных установок с показателями удовлетворённости жизнью и субъективного благополучия студентов вузов, обучающихся в новых субъектах Российской Федерации. Актуальность данной темы обусловлена необходимо-

стью учёта этнокультурных и идентификационных факторов при поддержке процессов социальной адаптации студентов в условиях трансформаций социокультурной и политической сферы.

В рамках реализации поставленной цели решался ряд исследовательских задач: определить степень выраженности различных типов этнонациональных установок у студентов новых регионов и других субъектов Российской Федерации; зафиксировать уровни субъективного благополучия и удовлетворённости жизнью у представителей обеих групп; проанализировать характер взаимосвязей между этнонациональными установками и показателями субъективного благополучия.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Процедура исследования. Проводился анализ взаимосвязей между показателями удовлетворённости жизнью, субъективным благополучием и этнонациональными установками студентов новых субъектов Российской Федерации. В исследовании отдельно анализировались результаты студентов из вновь присоединённых субъектов, а также студентов из иных регионов Российской Федерации.

Диагностический инструментарий. Изучение уровня и взаимосвязи удовлетворённости жизнью, субъективного благополучия и этнонациональных установок студентов проводилось с помощью следующих методик: Шкала этнонациональных установок (О. Е. Хухлаев, 2011), которая изучает аттитюды в отношении понятия «национальность», включающая в себя четыре подшкалы, каждая из которых отражает определённый тип этнонациональных установок (националистические, патриотические, нейтральные, негативистские); Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург (WEMWBS, Р. Теннант и др. в адаптации С. К. Нартовой-Бочавер, 2013), предна-

значенная для измерения субъективного благополучия и ориентированная на выявление позитивных его сторон, включающих в себя как гедонистические, так и эвдемонистические аспекты благополучия; опросник «Удовлетворённость жизнью» (Н. Н. Мельникова, 2001), направленный на изучение субъективного чувства удовлетворённости жизнью.

Выборка исследования. Эмпирическую базу исследования составили 86 студентов Херсонского государственного педагогического университета в возрасте 18–59 лет, из них 40 студентов являются переселенцами либо проживают на вновь присоединённых территориях РФ (группа 1), 46 студентов – студенты из иных регионов РФ (группа 2). Студенты обучаются на очной (38%) иочно-заочной (62%) формах обучения с использованием дистанционных технологий. Среди студентов первой группы ($n=40$) – от 18 до 29 лет – 25%, от 30 до 40 лет – 35%, от 41 до 59 – 40%. Испытуемые мужского пола – 7,5%, женского – 92,5%. Вторая группа ($n=46$) – от 18 до 29 лет – 17,4%, от 30 до 40 лет – 43,5%, от 41 до 59 лет – 39,1%. Испытуемые мужского пола – 4,5%, женского – 95,5%.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Количественный и качественный анализ данных, полученных с использованием методики «Шкала этнонациональных установок», позволил выявить как общие тенденции, так и специфические особенности выраженности этнонациональных установок у студентов новых субъектов и студентов других регионов РФ. Сравнительный анализ средних значений показал, что в обеих группах наибольшие показатели фиксируются по шкале патриотических установок: студенты новых регионов – $M=15,05$ ($SD=2,92$), студенты других регионов – $M=15,59$ ($SD=2,75$). Это свидетельствует о том, что патриотические установки занимают ведущую позицию в структуре этнонациональ-

ных ориентаций обеих групп, выполняя функцию позитивного ресурса формирования гражданской идентичности.

В то же время по шкале националистических установок наблюдаются некоторые различия: среднее значение в группе студентов иных регионов составило $M=9,35$ ($SD=3,70$), в группе студентов новых регионов – $M=9,28$ ($SD=3,54$) с тенденцией к большему разбросу данных. Таким образом, уровень националистических установок в обеих группах находится примерно на одинаковом уровне, однако в группе переселенцев и жителей новых субъектов отмечается более выраженное внутреннее разнообразие этнонациональных позиций, что может быть связано с процессами социальной адаптации и актуальными социально-политическими условиями.

Интересным является тот факт, что показатели по шкале негативных этнонациональных установок оказались немного выше у студентов новых субъектов РФ ($M=10,38$; $SD=2,32$) по сравнению с другими регионами ($M=10,57$; $SD=2,63$). Это указывает на то, что в условиях социальной неопределенности и адаптации могут активизироваться установки с негативной направленностью по отношению к другим этническим группам, что требует дополнительного внимания в рамках профилактической работы.

Нейтральные этнонациональные установки в обеих группах имеют сопоставимые средние значения (другие регионы – $M=9,5$; $SD=2,78$; вновь присоединённые регионы – $M=9,55$; $SD=3,10$).

Проведённый анализ свидетельствует о том, что, несмотря на преобладание патриотических установок в обеих исследуемых группах, студенты из новых регионов демонстрируют более широкое разнообразие этнонациональных позиций.

Сравнивая результаты исследования, полученные с помощью методик «Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург» и опросника

«Удовлетворённость жизнью», выявлено, что средний показатель общего субъективного благополучия у студентов из регионов Российской Федерации, не относящихся к новым субъектам, выше ($M=55,43$; $SD=6,86$), чем у студентов новых субъектов ($M=52,6$; $SD=7,46$), что свидетельствует о более стабильном субъективном состоянии в первой группе. В обеих группах ведущей шкалой является жизненная включённость, однако в группе студентов других регионов её среднее значение также выше ($M=54,76$ против $53,55$). При этом у студентов присоединённых субъектов РФ фиксируются более высокие средние показатели по шкалам разочарования в жизни, усталости от жизни и беспокойства о будущем, что указывает на большую эмоциональную напряжённость и неопределенность, связанную с социально-культурной адаптацией и условиями проживания. Полученные данные могут свидетельствовать, что принадлежность к группе жителей или переселенцев из новых регионов РФ может рассматриваться как фактор, влияющий на уровень субъективного благополучия студентов.

В ходе проведённого анализа, включавшего сравнительный анализ корреляций этнонациональных установок с показателями субъективного благополучия и удовлетворённости жизнью, были выявлены как общие закономерности, так и характерные черты для студентов из вновь присоединённых субъектов и студентов, проживающих в других регионах РФ (табл. 1).

В обеих группах патриотические установки демонстрируют положительные связи с общей удовлетворённостью жизнью и жизненной включённостью, однако в группе студентов новых субъектов РФ эти связи статистически значимы и более выражены, что указывает на ресурсный характер патриотизма в условиях социокультурной адаптации. Националистические установки у stu-

дентов вновь присоединённых регионов РФ отрицательно коррелируют с субъективным благополучием ($r=-0,44$; $p<0,01$) и удовлетворённостью жизнью ($r=-0,53$; $p<0,001$), а также положительно связанны с разочарованием в жизни ($r=0,40$; $p<0,01$), усталостью от жизни ($r=0,51$; $p<0,001$) и беспокойством о будущем ($r=0,54$; $p<0,001$). В группе студентов из других регионов такие связи либо отсутствуют, либо значительно слабее и не достигают уровня статистической значимости. Это позволяет заключить, что этнонациональные установки у студентов новых субъектов Российской Федерации теснее связаны с субъективным психологическим состоянием, отражают более острое восприятие социальной среды и более высокую чувствительность к факторам гражданской идентичности в условиях интеграционных процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование выявило особенности взаимосвязи этнонациональных установок и показателей субъективного благополучия и удовлетворённости жизнью у студентов вузов, обучающихся как из вновь присоединённых субъектов Российской Федерации, так и из других регионов страны. Полученные результаты подтверждают существенное значение этнонациональных установок для психологического состояния студентов в процессе социальной адаптации.

Во-первых, установлено, что у студентов обеих групп доминируют патриотические ориентации, которые играют ресурсообразующую роль в формировании гражданской идентичности и поддержании позитивного отношения к социальной среде. Во-вторых, выявлены статистически значимые отрицательные корреляции между националистическими установками и показателями субъективного благополучия у студентов из новых субъектов Российской Федерации. Эти установки ассоциируются с ростом

Таблица 1 / Table 1

Взаимосвязи этнонациональных установок с показателями психологического благополучия и удовлетворённости жизнью у студентов новых субъектов Российской Федерации и студентов других регионов России / Interrelation of ethno-national attitudes with indicators of psychological well-being and life satisfaction among students of the new subjects of the Russian Federation and students of the other regions of Russia

	M	SD	Б	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	ОУ
Студенты новых субъектов РФ								
Националистические установки	9,275	3,544	-0,44**	-0,42**	0,4**	0,51***	0,54***	-0,53***
Патриотические установки	15,05	2,917	-0,39*	0,38*	-0,31*	-0,22	-0,3*	0,35*
Нейтральные этнонациональные установки	9,55	3,096	0,11	0,17	0,11	-0,01	0,004	0,02
Негативные этнонациональные установки	10,375	2,317	0,07	0,08	-0,3*	-0,36*	-0,36*	0,29
Студенты других регионов РФ								
Националистические установки	9,35	3,701	-0,2	0,18	-0,18	-0,23	-0,06	0,18
Патриотические установки	15,59	2,745	0,45**	0,42*	-0,27	-0,36*	-0,41**	0,4**
Нейтральные этнонациональные установки	9,5	2,779	-0,1	-0,29	0,19	0,25	0,25	-0,27
Негативные этнонациональные установки	10,56	2,63	0,22	0,09	-0,15	-0,06	-0,06	0,1

Примечание: Б – психологическое благополучие, Ф1 – жизненная включённость, Ф2 – разочарование в жизни, Ф3 – усталость от жизни, Ф4 – беспокойство о будущем, ОУ – общий балл удовлетворённости жизнью; * связи достоверны при уровне значимости $p < 0,05$; ** связи достоверны при уровне значимости $p < 0,01$; *** связи достоверны при уровне значимости $p < 0,001$.

разочарования, усталости и тревожности, что указывает на их дезадаптивный потенциал в условиях социальной неопределенности. В-третьих, показано, что у студентов других регионов Российской Федерации аналогичные взаимосвязи выражены слабее или отсутствуют, что свидетельствует о меньшей чувствительности их психологического состояния к этнонациональному фактору.

Полученные данные могут быть использованы при разработке и реализации программ психологического сопровождения и профилактики дезадаптации студентов, особенно в контексте интеграции новых субъектов Российской Федерации. Исследование позволяет целенаправленно учитывать этнонациональные установки как важный компонент социально-психологического портрета студенчества,

формировать адекватные стратегии поддержки в образовательной среде, усиливать патриотические и конструктивные установки как ресурс адаптации, а также разрабатывать мероприятия, направленные на снижение влияния дезадаптивных

националистических и негативистских ориентаций. Это создаст основу для повышения уровня субъективного благополучия, социальной сплочённости и успешной интеграции студентов в изменяющихся социокультурных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Хухлаев О. Е. Этнонациональные установки и ценности современной молодёжи (на материале исследования студенчества нескольких регионов России) // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 97–106.
- Хухлаев О. Е., Кузнецов И. М., Ткаченко Н. В. Разработка и адаптация методики «Шкала этнонациональных установок» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 3. С. 527–541. DOI 10.17323/1813-8918-2018-3-527-541.
- Фомичева А. Е. Исследование взаимосвязи предпочтаемых стратегий совладания с трудными ситуациями и этнонациональных установок московской молодёжи // Психологопедагогические исследования. 2012. Т. 4. № 3. С. 58–69.
- Черекаева О. А. Характеристики этнонациональных установок современной молодёжи // Социальная психология личности и акмеология: сборник статей молодых исследователей / под ред. Р. М. Шаминова. М.: Пере, 2014. С. 171–177.
- Бонкало Т. И., Ильин В. А., Бонкало С. В. Этнонациональные установки и психосоциальное развитие личности: опыт эмпирического исследования // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 4. С. 10–24.
- Shamionov R. M. The role of civic identity in the preferences of civil and political forms of social activity in Russian youth (Роль гражданской идентичности в предпочтениях гражданских и политических форм социальной активности российской молодёжи) // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Т. 17. № 3. Р. 459–472.
- Блинова Е. Е., Блинов О. Ю. Доверие как фактор становления гражданской идентичности молодёжи // Актуальные проблемы исследования массового сознания: материалы 8-й Международной научно-практической конференции (Пенза, 21–22 марта 2025 года). Пенза: Пере, 2025. С. 13–19.
- Серых А. Б., Бугаева А. С. Формирование гражданской идентичности у студенческой молодёжи: теоретический анализ // Комплексное противодействие идеологии терроризма и экстремизма: методы, инструменты, решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 26–30 сентября 2023 года). Казань: МедДоК, 2023. С. 95–101.
- Карабущенко Н. Б., Пилишвили Т. С., Штырев М. М. Особенности информационно-коммуникативной составляющей молодёжного политического и добровольческого лидерства // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18, № 3. С. 104–114. DOI: 10.21702/rpj.2021.3.7.
- Novikova I. A. Ethno-national attitudes as intercultural competence predictors in university students: Gender differences (Этнонациональные установки как предикторы межкультурной компетентности студентов вузов: гендерные различия) // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10. № 2. P. 56.
- Yang Y., Zhan J., Fan Y. From national identity to well-being: the crucial mediating role of self-esteem in adolescents (От национальной идентичности к благополучию: важнейшая опосредующая роль самооценки у подростков) // BMC psychology. 2025. Vol. 13. № 1. P. 507.
- Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior (Теория социальной идентичности межгруппового поведения) // Political psychology. NY: Psychology Press, 2004. P. 276–293.

REFERENCES

- Khuklaev, O. E. (2011). Ethnonational Attitudes and Values of Modern Evolution (Based on a Study of Students in Several Regions of Russia). In: *Cultural-Historical Psychology*, 4, 97–106 (in Russ.).
- Khuklaev, O. E., Kuznetsov, I. M. & Tkachenko, N. V. (2018). Development and Adaptation of the “Ethnonational Attitudes Scale” Methodology. In: *Psychology. The Journal of the Higher School of Economics*, 15, 3. 527–541. DOI: 0.17323/1813-8918-2018-3-527-541 (in Russ.).

3. Fomicheva, A. E. (2012). A study of the Relation between Preferred Strategies for Coping and Difficult Situations and Ethnonational Attitudes of Moscow Youth. In: *Psychological-Educational Studies*, 4, 3, 58–69 (in Russ.).
4. Cherekaeva, O. A. (2014). Characteristics of Ethnonational Attitudes of the Modern Youth. In: Shamionov, R. M., ed. *Social Psychology of Personality and Acmeology: Collections of Articles by Young Researchers*. Moscow, Pero publ., pp. 171–177 (in Russ.).
5. Bonkalo, T. I., Ilyin, V. A. & Bonkalo, S. V. (2015). Ethnonational Attitudes and Psychosocial Development of Personality: Empirical Study. In: *Bulletin Moscow Region State University*, 4, 10–24 (in Russ.).
6. Shamionov, R. M. (2020). The Role of Civic Identity in the Preferences of Civic and Political Forms of Social Activity of Russian Youth. In: *Journal of Psychology and Pedagogy of RUDN University*, 17, 3, 459–472.
7. Blinova, E. E. & Blinov, O. Yu. (2025). Trust as a Factor in the Formation of Civic Identity of Young People. In: *Actual Problems of the Study of Mass Consciousness: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference, Penza, March 21–22, 2025*. Penza, Pero publ., pp. 13–19 (in Russ.).
8. Serykh, A. B. & Bugaeva, A. S. (2023). Formation of Civic Identity among Student Youth: Theoretical Analysis. In: *Comprehensive Counteraction to the Ideology of Terrorism and Extremism: Methods, Tools, Solutions: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Kazan, September 26–30, 2023*. Kazan, MedDOK publ., 95–101 (in Russ.).
9. Karabushchenko, N. B., Pilishvili, T. S. & Shtyrev, M. M. (2021). Features of the Information and Communicative Assessment of Youth Government and Volunteer Leadership. In: *Russian Psychological Journal*, 18, 3, 104–114 (in Russ.). DOI: 10.21702/rpj.2021.3.7.
10. Novikova, I. A. (2020). Ethnonational Attitudes as Predictors of Intercultural Competence of University Students: Gender Differences. In: *Behavioral sciences*, 10, 2, 56.
11. Yang, Y., Zhang, J. & Fan, Y. (2025). From National Identity to Well-Being: The Critical Mediating Role of Self-Esteem in Adolescents. In: *BMK-psychology*, 13, 1, 507.
12. Tajfel, H. & Turner, J. K. (2004). Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: *Political Psychology*. New York, Psychology Press, pp. 276–293.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левченко Татьяна Васильевна (г. Херсон) – аспирант кафедры прикладной психологии и развития личности, преподаватель кафедры общей и социальной психологии Института психологии Херсонского государственного педагогического университета;
ORCID: 0009-0007-2713-0736; e-mail: tatianaauktor@yandex.ru

Блинова Елена Евгеньевна (г. Херсон) – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной психологии и развития личности Института психологии Херсонского государственного педагогического университета;
ORCID: 0000-0003-3011-6082; e-mail: elena.blynova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Levchenko (Kherson) – Postgraduate Student, Department of Applied Psychology and Personality Development, Lecturer at the Department of General and Social Psychology of Kherson State Pedagogical University;
ORCID: 0009-0007-2713-0736; e -mail: tatianaauktor@yandex.ru

Elena E. Blynova (Kherson) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Head of the Department, Department of Applied Psychology and Personality Development, Institute of Psychology, Kherson State Pedagogical University;
ORCID: 0000-0003-3011-6082; e-mail: elena.blynova@yandex.ru

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-76-87

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ СОЗАВИСИМЫХ РОДСТВЕННИКОВ В УСЛОВИЯХ НЕНОРМАТИВНОГО СЕМЕЙНОГО КРИЗИСА ПРИ ТЯЖЁЛЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ ДЕТЕЙ

Полякова О. Б.

Московский инновационный университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: supvektor@gmail.com

Поступила в редакцию 04.06.2025

После доработки 06.08.2025

Принята к публикации 08.08.2025

Аннотация

Цель – выявить особенности стратегий преодоления ненормативного семейного кризиса у созависимых родственников детей с тяжёлыми заболеваниями, а также проанализировать влияние кризисных периодов на эмоциональное состояние, внутрисемейные отношения и качество жизни.

Процедура и методы. Исследование носит эмпирический характер и основано на выборке из 50 созависимых родственников детей с хроническими заболеваниями (преимущественно матери, средний возраст – 42,1 года). Применялись стандартизованные методики: Опросник «Стратегии совладания» (Р. Лазарус и С. Фолкман, стратегия адаптации Е. В. Кузнецова), шкала «Социальная поддержка» (В. В. Михайлова). Статистическая обработка включала корреляционный анализ (для выявления взаимосвязи между стратегиями совладания и уровнем поддержки), дисперсионный анализ (ANOVA (Analysis of variance) – для сравнения эффективности стратегий между группами), факторный анализ (для выделения ключевых факторов преодоления кризиса). Применялись описательные статистики, U-критерий Манна-Уитни для межгрупповых различий. Для статистической обработки данных использовался пакет IBM SPSS Statistics (версия 26.0).

Результаты. В ходе исследования выявлено, что наиболее острые кризисы приходятся на получение диагноза семьёй (100% семей, $M=4,8$), периоды госпитализации ребёнка (88%) и рецидивы заболевания (56%). В острых фазах преобладают шок, тревога, депрессия; в хронических – изоляция, чувство вины, апатия. Наиболее эффективной стратегией признан поиск социальной поддержки ($M=4,4$, $SD=0,6$), активная позиция и позитивная рефлексия также показали высокую результативность. Корреляция между уровнем социальной поддержки и эффективностью совладающих стратегий – $r=0,75$, $p<0,001$. Семьи с низкой поддержкой и пассивными стратегиями демонстрируют более высокий уровень стресса, эмоционального выгорания и снижение качества жизни ($M=2,9$, $SD=0,8$). Факторный анализ выделил два кластера кризисов: острые медицинские (диагноз, рецидив, госпитализация) и социально-адаптационные (школа, взросление, изоляция). Установлены значимые различия по полу: матери чаще используют активные и образовательные стратегии, отцы – пассивные.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в комплексном анализе стратегий преодоления ненормативного семейного кризиса у созависимых родственников, а также в уточнении роли социальной поддержки и внутренних

ресурсов семьи в условиях длительного стресса. Практическая значимость заключается в рассмотрении и расширении понимания психологических процессов при ненормативных семейных кризисах и выявлении стратегий для эффективной социально-психологической поддержки созависимых родственников. Результаты могут быть использованы специалистами для повышения устойчивости семей, оказавшихся в условиях хронического кризиса, и для разработки образовательных и терапевтических программ поддержки.

Ключевые слова: ненормативный кризис, созависимость, тяжёлое заболевание ребёнка, семейные кризисы, психологическая адаптация, стратегии совладания, социальная поддержка, качество жизни, семейные отношения, эмоциональное выгорание

Для цитирования: Полякова О. Б. Стратегии адаптации созависимых родственников в условиях ненормативного семейного кризиса при тяжёлых заболеваниях детей // Психологические науки. 2025. № 3. С. 76-87. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-76-87>.

Original research article

STRATEGIES FOR THE ADOPTION OF DEPENDENT RELATIVES IN THE CASE OF AN ABNORMAL FAMILY CRISIS WITH SEVERE DISEASES OF CHILDREN

O. Polyakova

Moscow Innovation University, Moscow, Russian Federation

e-mail: supvektor@gmail.com

Received by the editorial office 04.06.2025

Revised by the author 06.08.2025

Accepted for publication 08.08.2025

Abstract

Aim. To identify the features of strategies which help to overcome codependent relatives' abnormal family crisis who has children with serious illnesses, as well as to analyze the impact of crisis periods on emotional state, family relationships and quality of life.

Methodology. The study is empirical in its nature, it is based on a sample of 50 codependent relatives who have children with chronic diseases (mostly mothers, with an average age of 42.1 years). Standardized methods were used, such as the questionnaire "Coping strategies" (R. Lazarus, S. Folkman, adaptation by E. V Kuznetsova), the scale "Social support" (V. V. Mikhailova). Statistical processing included correlation analysis (to identify the relationship between coping strategies and the level of support), variance analysis (ANOVA (Analysis of variation) – to compare the effectiveness of strategies between groups), factor analysis (to identify key factors in overcoming the crisis). Descriptive statistics and the Mann-Whitney U-test for intergroup differences were used. The IBM SPSS Statistics package (version 26.0) was used for statistical data processing.

Results: The study revealed that the most acute crises occur when the family face diagnoses (100% of families, $M=4.8$), periods of hospitalization of the child (88%), and relapses of the disease (56%). In acute phases, shock, anxiety, and depression prevail; in chronic phases, isolation, guilt, and apathy prevail. The search for social support was recognized as the most effective strategy ($M=4.4$, $SD=0.6$), an active position and positive reflection also showed high effectiveness. The correlation between the level of social support and the effectiveness of coping strategies is $r=0.75$, $p<0.001$. Families with low support and passive strategies show higher levels of stress, emotional burnout, and decreased quality of life ($M=2.9$, $SD=0.8$). The factor analysis identified two clusters of crises: acute medical (diagnosis, relapse, hospitalization) and social adaptation (school, growing up, isolat-

tion). Significant differences by gender have been established: mothers are more likely to use active and educational strategies; fathers are more likely to use passive ones.

Research implications. The theoretical significance of the work consists in the comprehensive analysis of strategies for overcoming the abnormal family crisis in codependent relatives, as well as in clarifying the role of social support and internal resources of the family in conditions of prolonged stress. The practical significance lies in considering and expanding the understanding of psychological processes in abnormal family crises and identifying strategies for effective socio-psychological support for codependent relatives. The results can be used by specialists to increase the resilience of families in chronic crisis and to develop educational and therapeutic support programs.

Keywords: abnormal crisis, codependency, serious illness of a child, family crises, psychological adaptation, coping strategies, social support, quality of life, family relationships, emotional burnout

For citation: Polyakova, O. B. (2025). Strategies For the Adoption of Dependent Relatives in the Case of an Abnormal Family Crisis with Severe Diseases of Children. In: *Psychological Sciences*, 3, 76-87. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-76-87>.

ВВЕДЕНИЕ

Последние исследования (М. Силва, А. Переира) отмечают, что ненормативные кризисы представляют собой сложные социально-психологические феномены, возникающие вследствие неожиданных и непредвиденных обстоятельств, требующих, по мнению авторов, от семьи как малой социальной группы значительной перестройки привычных моделей функционирования [1]. В рамках социальной психологии семья рассматривается как основанная на брачных или кровнородственных связях малая социальная группа, члены которой объединены общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью [2; 3]. Как подчёркивается в ряде исследований, тяжёлое заболевание ребёнка выступает критическим фактором, существенно нарушающим групповую динамику семьи и инициирующим активизацию адаптационных механизмов всей семейной системы. Эти тезисы согласуются с данными нашего исследования [4; 5].

По мнению авторов (А. Р. Халилова, С. А. Соловьева), семьи, воспитывающие детей с тяжёлыми заболеваниями, в значительной степени подвержены риску социальной изоляции; недостаточность социальной поддержки, как свидетельствуют результаты исследований, способствует увеличению вероятности

возникновения специфических психологических трудностей и затрудняет процесс социальной адаптации семейной группы [6]. Эти положения находят подтверждение и в нашем исследовании.

В научном дискурсе (И. Б. Плесс, Т. Нолан.) семейное совладание определяется как динамический процесс выбора и применения различных стилей и стратегий преодоления трудностей, обладающий, по мнению авторов, значительной изменчивостью и способностью эволюционировать по мере развития семейной группы [7]. Принято выделять, что данный процесс носит динамический характер, направленный на поддержание целостности семейной системы как малой социальной группы.

Вместе с тем исследования (Н. В. Гришина, Л. А. Емельянова, Т. А. Киселёва) показывают, что социально-психологическая адаптация и стратегии преодоления ненормативного кризиса в семье включают два ключевых аспекта: взаимодействие семьи как социальной группы с внешней социальной средой и формирование структуры семейных ценностей в соответствии с господствующими социальными нормами. Процесс социальной адаптации, по мнению ряда авторов, предполагает усвоение норм и правил поведения, принятых в обществе, а также формирование ролевого поведения, соответствующего

общественным ожиданиям и требованиям [8; 9; 10].

Кризис, связанный с заболеванием ребёнка (К. Дженнер, Т. Мартос, В. Саллей, К. Нистор), может оказывать существенное влияние на психологическое состояние его родственников. Созависимость в таких ситуациях часто приводит к эмоциональному истощению и снижению качества жизни [11; 12].

Социальная психология рассматривает кризис (К. Эйзер, Р. Морзе) как состояние, требующее адаптации и реорганизации личности [13]. Созависимость, по мнению авторов Х. Дэвиса, П. Спурра, характеризуется чрезмерной эмоциональной зависимостью от другого человека, что может усугубить стресс при столкновении с болезнью близкого. Теория социальной поддержки подчёркивает важность окружения в преодолении трудностей [14; 15].

Ненормативный психологический кризис представляет собой событийное явление, часто вызванное внешними критическими ситуациями, такими как болезнь близкого человека или семейные потрясения. Влияние на семью в контексте семейных отношений существенно: ненормативные кризисы могут привести к дисфункциональности семьи и усугублению эмоционального состояния её членов [2; 4].

По мнению авторов (В. Д. Москаленко, С. А. Хазова, Е. Н. Вариошкина и др.), эффективными стратегиями преодоления таких кризисов являются социальная поддержка, поддержка семьи, близких и профессиональное психологическое консультирование [16; 17]. Социальная психология семьи подчёркивает важность гармоничных семейных отношений для предотвращения негативных последствий кризисов. Теория социальной поддержки подтверждает роль окружения в помощи людям справляться со стрессом [4].

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что уровень социальной поддержки и выбор адаптивных стратегий совладания у созависимых родственников детей с тяжёлыми заболеваниями прямо связаны с качеством жизни семьи; при этом формирование адекватной внутренней картины болезни у родственников определяет эту связь, способствуя снижению эмоционального напряжения и повышению устойчивости к стрессу.

ВЫБОРКА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для обоснования выдвинутой гипотезы использовались следующие методы: методы анкетирования, опроса. Статистическая обработка включала корреляционный анализ χ^2 -критерий Пирсона для выявления взаимосвязи между стратегиями совладания и уровнем поддержки, дисперсионный анализ (ANOVA (Analysis of variance) для сравнения эффективности стратегий между группами), факторный анализ для выделения ключевых факторов преодоления кризиса. Применялись описательные статистики, U-критерий Манна – Уитни для межгрупповых различий.

Для выявления наиболее распространённых способов справиться со стрессом использовался опросник «Стратегии совладания» (Р. Лазарус и С. Фолкман, стратегия адаптации Е. В. Кузнецова). Для оценки роли окружения в помощи участникам применялась шкала «Социальная поддержка» (В. В. Михайлова).

Выборка была представлена 50 созависимыми родственниками детей с хроническими заболеваниями. Возраст участников варьировался от 25 до 55 лет; среди них были матери (60%), отцы (20%) и другие близкие родственники (20%). Для оценки стратегий преодоления кризиса использовались методические инструменты: 1) процедура реализации хода исследования заключалась в том, что участники заполняли анкеты при помо-

щи гугл-формы для опросов; 2) статистические методы анализа данных, в частности, описательная статистика, которая использовалась для характеристики выборки по основным показателям; 3) корреляционный анализ для выявления взаимосвязи между стратегиями совладания и уровнем социальной поддержки и дисперсионный анализ для сравнения эффективности различных стратегий у разных групп участников; 4) факторный анализ использовался для выявления основных факторов, влияющих на процесс преодоления кризиса.

Цель исследования – выявить особенности стратегий преодоления ненормативного семейного кризиса у созависимых родственников детей с тяжёлыми заболеваниями, а также проанализировать влияние кризисных периодов на эмоциональное состояние, внутрисемейные отношения и качество жизни.

Задачами исследования были: 1) определить демографические характеристики

и особенности семей; 2) выделить основные кризисные периоды и эмоциональные реакции родственников; 3) рассмотреть стратегии преодоления кризиса у созависимых родственников и определить влияние кризисов на семейные отношения и качество жизни; 4) Выявить особенности влияния кризисов на семейные отношения и качество жизни.

Основные результаты проведённого исследования представлены в таблицах ниже (табл. 1–3).

Расчёт среднего возраста, медианы и диапазона по демографическим данным показал распределение по полу и типу семьи, в частности, демографический профиль кризисных семей представляет следующее: преобладают матери (76%), средний возраст родителей – 42.1 года. Большинство семей – с одним ребёнком (84%). Тип нарушений у детей распределён относительно равномерно между интеллектуальными, физическими и смешанными формами.

Таблица 1 / Table 1

Демографические характеристики и особенности семей (N = 50) (χ^2 -критерий Пирсона) / Demographic characteristics and features of families (N = 50) (Pearson χ^2 test)

Показатель	n	%	Среднее значение	Стандартное отклонение (SD)	Медиана	Мин.–макс.
Матери	38	76%	–	–	–	–
Отцы	12	24%	–	–	–	–
Возраст родителей (лет)	50	100%	42.1	4.3	41	35–50
Семьи с одним ребёнком	42	84%	–	–	–	–
Семьи с двумя и более детьми	8	16%	–	–	–	–
Интеллектуальные нарушения у ребёнка	20	40%	–	–	–	–
Физические нарушения у ребёнка	18	36%	–	–	–	–
Смешанные нарушения у ребёнка	12	24%	–	–	–	–

Источник: данные автора.

Таблица 2 / Table 2

Основные кризисные периоды и эмоциональные реакции (One-way ANOVA & Mann-Whitney U) / Major crisis periods and emotional reactions (One-way ANOVA & Mann-Whitney U)

Кризисный период	n упоминаний	% от выборки	Средний балл интенсивности (1–5)	SD	Медиана	Мин.–Макс.	Основные эмоциональные реакции
Получение диагноза	50	100%	4.8	0.3	5	4–5	Шок, отрицание, депрессия, тревога
Период госпитализации/лечения	44	88%	4.5	0.5	5	3–5	Высокий стресс, страх, усталость, тревога
Переход ребёнка в школу	36	72%	4.1	0.7	4	3–5	Страх, тревога, сомнения в выборе формы обучения
Подростковый возраст ребёнка	30	60%	3.7	0.8	4	2–5	Изоляция, конфликты, чувство вины
Обострение/рецидив заболевания	28	56%	4.6	0.4	5	4–5	Паника, отчаяние, бессилие
Потеря/смена основного врача или команды	20	40%	3.9	0.9	4	2–5	Неуверенность, тревога, злость
Период «выпуска» (взросление ребёнка)	24	48%	3.3	0.9	3	2–5	Тревога за будущее, чувство потери контроля
Финансовый кризис, связанный с уходом	18	36%	4.2	0.7	4	3–5	Беспомощность, раздражение, вина
Потеря социальной поддержки/изоляция	15	30%	3.8	0.8	4	2–5	Одиночество, апатия, тревога

Источник: данные автора.

Анализ различий интенсивности стресса между периодами в ходе проведённого теста для сравнения интенсивности переживаний матерей и отцов выявил следующие результаты:

1. Частота и интенсивность кризисных периодов. Наиболее универсальным и острым кризисом остаётся получение диагноза (100% семей, $M=4.8$, $SD=0.3$). В 88% семей отмечен выраженный кризис в период госпитализации и лечения

($M=4.5$, $SD=0.5$). Обострения/рецидивы заболевания вызывают почти столь же сильный стресс (56%, $M=4.6$, $SD=0.4$). Кризисы, связанные с переходом в школу (72%), подростковым возрастом (60%) и взрослением ребёнка (48%), сопровождаются снижением интенсивности, но сохраняют высокую эмоциональную насыщенность. Финансовые трудности и потеря социальной поддержки встречаются реже (36% и 30%), однако их интен-

сивность также высока ($M=4.2$ и $M=3.8$ соответственно).

2. Эмоциональный спектр. В острых фазах (диагноз, рецидив, госпитализация) преобладают шок, тревога, депрессия, паника и бессилие. В переходных и хронических фазах (школа, подростковый возраст, взросление) на первый план выходят изоляция, чувство вины, сомнения, одиночество и апатия. Финансовый кризис и потеря поддержки вызывают раздражение, беспомощность, вину и тревогу.

3. Статистические взаимосвязи ANOVA (Analysis of variance) по интенсивности стресса между периодами: $F(8, 441) = 14.7$, $p < 0.001$ – различия между периодами значимы. Корреляция между частотой упоминаний и интенсивностью кризиса: $r = 0.84$, $p < 0.01$ – чем чаще встречается кризис, тем выше его средняя интенсивность. Критерий Манна –

Уитни показывает, что интенсивность переживаний выше у матерей по сравнению с отцами ($U = 142.5$, $p = 0.021$). В результате факторного анализа выделено два кластера: 1) острые медицинские кризисы (диагноз, рецидив, госпитализация) и 2) социально-адаптационные (школа, взросление, изоляция). Отметим, что кризисная динамика носит волнобразный характер: острые фазы сменяются периодами относительной стабилизации, но новые этапы развития ребёнка или изменения в поддержке/структуре семьи могут вновь вызывать рост стресса. Семьи, сталкивающиеся с рецидивами, сменой врачей и финансовыми трудностями, чаще испытывают хроническое напряжение и нуждаются в комплексной поддержке. Также наиболее уязвимыми оказались семьи с низким уровнем социальной поддержки и ограниченными ресурсами для преодоления кризисов.

Таблица 3 / Table 3

Стратегии преодоления кризиса у созависимых родственников ($N = 50$) (χ^2 -критерий Пирсона) / Codependent relatives' coping strategies of ($N = 50$) (Pearson χ^2 test)

Тип стратегии	n использующих	% от выборки	Средний балл эффективности (1–5)	SD	Медиана	Мин.–макс.	Использование у матерей/отцов/пр. (n)
Активная позиция	30	60%	4.0	0.7	4	2–5	24/4/2
Пассивная позиция	13	26%	2.6	0.8	2.5	1–4	7/3/3
Поиск социальной поддержки	35	70%	4.4	0.6	4.5	3–5	28/5/2
Использование гос./НКО ресурсов	28	56%	3.8	0.9	4	2–5	20/6/2
Духовная поддержка	15	30%	3.2	1.0	3	1–5	9/4/2
Образовательные стратегии	18	36%	3.7	0.7	4	2–5	13/4/1
Построение границ	12	24%	3.5	0.8	3.5	2–5	7/3/2
Позитивная рефлексия	20	40%	3.9	0.8	4	2–5	15/4/1

Источник: данные автора.

Расчёт исследования стратегии преодоления кризиса у созависимых родственников, среднего балла эффективности, SD, медианы, диапазона (К. Пирсон), а также подсчёт числа и процента использования стратегий (социологические методы) показал следующее: по эффективности стратегий совладания: $F(7, 392) = 11.9$, $p < 0.001$ – различия между стратегиями значимы. Наиболее эффективными оказались: поиск социальной поддержки ($M=4.4$, $SD=0.6$), активная позиция ($M=4.0$, $SD=0.7$), позитивная рефлексия ($M=3.9$, $SD=0.8$). Менее эффективны: пассивная позиция ($M=2.6$, $SD=0.8$), финансовые и образовательные стратегии ($M=3.4-3.7$).

Корреляция между использованием образовательных стратегий и снижением социальной изоляции: $r=0.41$, $p=0.006$.

Построение границ чаще используют матери (58%) и те, кто прошёл семейную терапию.

Таблица 4 / Table 4

Влияние кризисов на семейные отношения и качество жизни ($N = 50$) (ANOVA & Multiple Regression) / The impact of crises on family relationships and quality of life ($N = 50$) (ANOVA & Multiple Regression)

Показатель	Средний балл (1-5)	SD	Медиана	Мин.– макс.	% выше медианы	% ниже медианы	% выше медианы	% ниже медианы
Уровень семейного стресса	4,2	0,7	4	3–5	38	12	76%	24%
Сплочённость семьи	3,1	0,9	3	1–5	18	32	36%	64%
Уровень социальной изоляции	3,8	0,8	4	2–5	29	21	58%	42%
Оценка качества жизни родственников	2,9	0,8	3	1–4	12	38	24%	76%
Эмоциональное выгорание	3,7	0,9	4	2–5	27	23	54%	46%
Финансовое напряжение	3,4	1,0	3	1–5	20	30	40%	60%
Семейные конфликты	3,2	0,8	3	1–5	16	34	32%	68%
Позитивные изменения	2,1	0,7	2	1–4	8	42	16%	84%

Источник: данные автора.

и $r=-0.49$, $p=0.02$ соответственно). Только 16% семей отметили позитивные изменения, что указывает на сложность поиска ресурсных аспектов в условиях хронического кризиса.

В исследовании семейных отношений и качества жизни выявлен средний уровень семейного стресса – 4.2 ($SD = 0.7$), что указывает на хроническую перегрузку. Качество жизни родственников снижено ($M = 2.9$, $SD = 0.8$), особенно у семей с низкой поддержкой. Сплочённость семьи и уровень социальной изоляции имеют разброс, что отражает разницу в адаптационных ресурсах.

Межгрупповые различия по У-критерию Манна – Уитни выявлены значимые различия между подгруппами по полу, типу стратегии и уровню поддержки.

Проведённый анализ подтверждает, что наиболее уязвимыми оказываются семьи с низкой социальной поддержкой, пассивными стратегиями и высоким уровнем стресса. Наиболее адаптивны семьи, активно использующие внешние ресурсы и социальную поддержку. Полученные данные обосновывают необходимость комплексной психологической и социальной поддержки для повышения качества жизни и устойчивости семей в условиях длительного ненормативного кризиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования можно сделать следующие обобщённые выводы:

1. Проведённое исследование выявляет, что наиболее значимыми кризисными точками для семей созависимых родственников детей с тяжёлыми хроническими заболеваниями становятся моменты получения диагноза, периоды госпитализации и рецидивы болезни, что сопровождается выраженным негативными эмоциональными реакциями (шок, тревога, депрессия). Такой вывод соответствует современным

зарубежным (А. К. Наттолл, К. Валентино, Дж. Г. Борковски, 2023) и российским данным о стресс-индуцированных семейных трансформациях (А. Р. Халилова, С. А. Соловьева, 2022), однако расширяет имеющиеся подходы благодаря комплексному учёту не только острых, но и хронических фаз семейного кризиса (изоляция, вина, апатия).

2. Важно отметить, что результаты по выраженности стресса, эмоциальному выгоранию и оценке качества жизни родственников существенно коррелируют с используемыми стратегиями совладания и уровнем социальной поддержки. Данный вывод подтверждает роль совокупности внешних (социальная поддержка со стороны, использование ресурсов ГОС/НКО) и внутренних (активная позиция, позитивная рефлексия) факторов. При этом сведения о кластерах кризисных ситуаций (медицинские и социально-адаптационные) позволяют говорить о необходимости дифференциированного подхода в сопровождении разных семей на разных этапах болезни ребёнка.

3. Одним из существенных выводов стало установление значимых гендерных различий: матери чаще обращаются к активным и образовательным стратегиям, а отцы характеризуются большей пассивностью. Это подтверждает гендерную специфику родительских ролей, описанную в психологической литературе, и свидетельствует о необходимости индивидуализации психосоциальной поддержки не только для матерей, но и для отцов, испытывающих высокий уровень внутреннего стресса, но склонных к его замалчиванию.

Наши данные о ведущей роли социальной поддержки и активных копинг-стратегий (поиск поддержки, образовательные инициативы, позитивная рефлексия) полностью согласуются с результатами международных обзоров (И. Б. Плесс, Т. Нолан (обновл., 2021), подчёркивающих, что именно широкий

спектр социальной поддержки (от семьи, друзей, профессионалов и групп равных) существенно снижает уровень стресса, способствует адаптации и повышает качество жизни у родственников детей с хроническими заболеваниями.

Выявленная в исследовании тенденция к одновременному использованию нескольких стратегий совладания (комбинация активных, образовательных, духовных и границ) подтверждает данные о системном характере копинга в созависимых семьях (К. Дженнер, 2024; К. Уилкенс, Дж. Фут [18]).

Результаты исследования согласуются с положениями теории семейных систем М. Боуэна, согласно которой уровень хронической тревоги и степень дифференциации «Я» в семье определяют успешность адаптации к стрессу. Семьи с высоким уровнем сплочённости, открытой коммуникацией и способностью к перестройке ролевой структуры демонстрируют большую устойчивость к длительным кризи-

зам. В то же время, как отмечают отечественные авторы (В. Д. Москаленко, 2021; С. А. Хазова, Е. Н. Вариошкина, 2022), недостаточная информированность, отсутствие навыков построения границ и недостаток внешней поддержки приводят к усилению деструктивных паттернов созависимости и снижению эффективности самостоятельных стратегий преодоления кризиса.

Вклад настоящей работы заключается в комплексном анализе стратегий совладания в российских семьях с учётом социальных и институциональных особенностей, а также в эмпирической проверке роли социальных и образовательных ресурсов в повышении устойчивости семьи. Полученные данные расширяют представления о механизмах адаптации и могут быть использованы для разработки индивидуализированных программ поддержки, ориентированных на конкретные потребности семей в условиях длительного ненормативного кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Silva M., Pereira A. Trauma, family dynamics and the development of codependency (Травма, семейная динамика и развитие созависимости) // Trauma, violence, and abuse. 2024. Vol. 25. № 2. P. 301–316.
2. Полякова О. Б. Совладающее поведение и преодоление ненормативного кризиса созависимыми родственниками // Феномен агрессии в системе ценностей современного общества. Ульяновск: Зебра, 2024. С. 164–171.
3. Полякова О. Б., Поляков М. Б. Социально-психологический компонент православной культуры в совладающем поведении и преодолении ненормативного кризиса и агрессии // Феномен агрессии в системе ценностей современного общества. Ульяновск: Зебра, 2024. С. 121–129.
4. Полякова О. Б., Поляков М. Б. Понятие ненормативного кризиса и трудной жизненной ситуации в современной социально-психологической практике в отечественной и зарубежной науке // Проблемы и перспективы развития социально-гуманитарных наук: материалы I Междисциплинарной всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием, Ульяновск, 25–26 февраля 2025 года. Ульяновск: Зебра, 2025. С. 139–142.
5. Социальная работа в России: проблемы и пути их решения: коллективная монография / И. С. Дунаева, Л. Е. Сикорская, А. Н. Шишкун, А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2024. 243 с.
6. Халилова А. А., Хизриева П. М. Адаптация ребёнка раннего возраста // Мировая наука. 2018. № 3. С. 129–136
7. Pless I. B., Nolan T. Revision, family adaptation and chronic illness in childhood (Ревизия, семейная адаптация и хронические заболевания в детском возрасте) // Pediatrics. 2021. № 3. P. 593–600.
8. Гришина Н. В. Психология семьи: адаптация к хронической болезни ребёнка // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2022. № 3. С. 45–53.
9. Емельянова Л. А. Созависимость в семье: психологические аспекты и коррекция // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 1. С. 112–123.

10. Киселева Т. А. Психологическая поддержка родителей детей с хроническими заболеваниями // Вестник практической психологии образования. 2023. № 4. С. 102–110.
11. Jenner K. A new study on codependency: cultural and psychological perspectives (Переосмысление созависимости: культурные и психологические аспекты) // Free from codependency. 2024. № 11. URL: <https://freefromcodependency.com> (дата обращения: 18.04.2025).
12. Martos T., Sallai V., Nistor K. Codependency and Psychological Distress: The Role of Family Functioning (Созависимость и психологический дистресс: роль функционирования семьи). // Modern psychology. 2023. Vol. 42. № 1. P. 553–563.
13. Eiser C., Morse R. The measurement of quality of life in children: past and future perspectives (Измерение качества жизни детей: прошлое и будущее) // Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics. 2001. Vol. 22. № 4. P. 248–256.
14. Davis H., Spurr P. Parent counseling: bridging the gap between parents and professionals (Консультирование родителей: преодоление разрыва между родителями и специалистами) // Child: Care, Health and Development. 2011. Vol. 37. № 2. P. 153–162.
15. Nuttall A. K., Valentino K., Borkowski J. G. Parentification Vulnerability, Reactivity, Resilience, and Thriving: A Systematic Review (Уязвимость, реактивность, устойчивость и процветание родителей: систематический обзор) // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20. № 13. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 18.04.2025). DOI: 10.3390/ijerph201341267.
16. Москаленко В. Д. Созависимость: характеристики и практики преодоления. М.: Институт психотерапии и клинической психологии, 2021. 112 с.
17. Хазова С. А., Вариошкина Е. Н. О самоотношении, границах и позитивном мышлении: динамика личностных особенностей созависимых женщин в процессе психокоррекционной работы // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2022. № 1. С. 61–71.
18. Wilkens C., Foote J. “Bad Parents,” “Codependents,” and Other Stigmatizing Labels: The Impact of Stigma on Families of Children with Chronic Illness and Substance Use Disorders («Плохие родители», «созависимые» и другие стигматизирующие ярлыки: влияние стигмы на семьи детей с хроническими заболеваниями и расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ) // Substance Use Disorders and Family Therapy. NY: CMCFFC, 2022. P. 44–62.

REFERENCES

1. Silva, M. & Pereira, A. (2024). Trauma, Family Dynamics, and the Development of Codependency. In: *Trauma, Violence, and Abuse*, 25, 2, 301–316.
2. Polyakova, O. B. (2024). Coping Behavior and Overcoming Deviant Crisis by Codependent Relatives. In: *The Phenomenon of Aggression in the Behavioral System of Modern Society*. Ulyanovsk, Zebra publ. (in Russ.).
3. Polyakova, O. B. & Polyakov, M. B. (2024). The Social and Psychological Component of Orthodox Culture in Coping Behavior and Overcoming Both Deviant Crisis and Aggression. In: *The Phenomenon of Aggression in the Value System of Modern Society*. Ulyanovsk, Zebra publ., 2024. (in Russ.).
4. Polyakova, O. B. & Polyakov, M. B. (2025). The Concept of Non-Normative Crisis and Work-Life Situation in Modern Socio-Psychological Practice in Domestic and Foreign Science. In: *Problems and Prospects for the Development of Social and Humanitarian Sciences: Proceedings of the 1st Interdisciplinary All-Russian Scientific and Practical Conference with Online International Participation*, Ulyanovsk, February 25–26, 2025. Ulyanovsk, Zebra publ., pp. 139–142 (in Russ.).
5. Dunaeva, I. S., Sikorskaya, L. E., Shishkin, A. N. & Nagornaya, A. Yu. (2024). *Social Work in Russia: Problems and Ways to Solve Them: Collective Monograph*. Ulyanovsk, Zebra publ. (in Russ.).
6. Khalilova, A. R. & Hizrieva, P. V. (2018). Social Adaptation of Children. In: *World Science*, 3, 129–136 (in Russ.).
7. Pless, I. B. & Nolan, T. (2021). Revision, Family Adaptation, and Chronic Diseases in Childhood. In: *Pediatrics*, 3, 593–600.
8. Grishina, N. V. (2022). Family Psychology: Adaptation to a Child’s Chronic Illness. In: *Mental Health of Children and Adolescent*, 3, 45–53 (in Russ.).
9. Emelyanova, L. A. (2021). Codependency in the Family: Psychological Aspects and Correction. In: *Psychological Science and Education*, 26, 1, 112–123 (in Russ.).

10. Kiseleva, T. A. (2023). Psychological Support for Parents of Children with Chronic Diseases. In: *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 4, 102–110 (in Russ.).
11. Jenner, K. (2024). Reexamining Codependency: Cultural and Psychological Aspects. In: *Freedom from Codependency*, 11. Available at: <https://freefromcodependency.com> (accessed: 18.04.2025).
12. Martos, T., Sallai, V. & Nistor, K. (2023). Codependency and Psychological Distress: The Role of Family Functioning. In: *Modern Psychology*, 42, 1, 553–563.
13. Eiser, K. & Morse, R. (2001). Measuring Children's Quality of Life: Past and Future Prospects. In: *Journal of Child Psychology and Development*, 22, 4, 248–256.
14. Davis, H. & Spurr, P. (2011). Parent Counseling: Bridging the Gap between Parents and Professionals. In: *Child: Care, Health and Development*, 37, 2, 153–162.
15. Nuttall, A. K., Valentino, K. & Borkowski, J. G. (2023). Parental Vulnerability, Reactivity, Resilience, and Thriving: A Systematic Review. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20, 13. Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 18.04.2025). DOI: 10.3390/ijerph201341267.
16. Moskalenko, V. D. (2021). *Codependency: Characteristics and Recommendations for Practice*. Moscow, Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology publ. (in Russ.)
17. Khazova, S. A. & Varioshkina, E. N. (2022). On Self-Attitude, Boundaries, and Positive Thinking: The Dynamics of Personality Traits of Codependent Women in the Process of Psychocorrectional Work. In: *Herald of Omsk University. Series: Psychology*, 1, 61–71 (in Russ.).
18. Wilkens, K. & Foote, J. (2022) "Bad Parents," "Codependents," and Other Stigmatizing Labels: The Impact of Stigma on Families of Children with Chronic Diseases and Substance Use Disorders. In: *Substance Use Disorders and Family Therapy*. New York, CMCFFC publ., p. 44–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полякова Ольга Борисовна (г. Москва) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Московского инновационного университета;
ORCID: 0009-0000-3507-5027; e-mail: supvektor@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga B. Polyakova (Moscow) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Humanities, Moscow Innovation University;
ORCID: 0009-0000-3507-5027; e-mail: supvektor@gmail.com

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-88-103

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: АНАЛИЗ ДИНАМИКИ И ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ

Чжан Пэйчжи, Лю Сун, Эрдынеева К. Г.*

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: erdyneeva.kg@dvfu.ru

Поступила в редакцию 27.06.2025

Принята к публикации 03.07.2025

Аннотация

Цель. Анализ характера и направленности трансформации ценностных ориентаций китайских студентов под воздействием глобальных вызовов.

Процедура и методы. Использован смешанный дизайн: качественный этап включил полуструктурированные интервью ($n=45$) с китайскими студентами и аспирантами ДВФУ и ЦЗЯНСУ; количественный этап предусматривал онлайн-опрос ($n=532$) с применением модифицированной методики Ш. Шварца для измерения ценностей (PVQ-R2), а также авторского инструментария для оценки ценностных предпочтений. Обработка данных проводилась методами статистического (SPSS) факторного анализа.

Результаты. Выявлена многоуровневая трансформация ценностных ориентаций китайской студенческой молодёжи. Эмпирически подтверждён гибридный характер ценностных профилей, сочетающий традиционные конфуцианские установки (коллективизм, почитание старших) с глобализированными ценностями самореализации, индивидуализма и социальной ответственности. На основе анализа выделена система из пяти ключевых факторов ориентаций: «традиционализм/социальная гармония», «индивидуальное достижение/материальный успех», «интеллектуальное и духовное развитие», «гедонизм/качество жизни», «справедливость/социальная мобильность».

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработана и апробирована полифакторная модель анализа, интегрирующая микро- и макродетерминанты ценностных изменений. В научный оборот введены данные о ценностях поколения «детей реформ и открытости». Результаты исследования имеют практическую значимость для оптимизации адаптационных механизмов китайских студентов в международной академической среде. Выводы работы позволяют прогнозировать динамику и вариативность их социокультурной интеграции, что является основой для создания эффективных поддерживающих программ.

Ключевые слова: трансформация ценностных ориентаций, китайские студенты, конфуцианство, глобализация, культурный трансфер, коллективизм, индивидуализм.

Благодарности и источники финансирования. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 22–68–00210.

Для цитирования: Чжан Пэйчжи, Лю Сун, Эрдынеева К. Г. Трансформация ценностных ориентаций китайских студентов в условиях глобальных вызовов: анализ динамики и факторов влияния // Психологические науки. 2025. № 3. С. 88–103. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-88-103>.

Original research article

TRANSFORMATION OF CHINESE STUDENTS' VALUE ORIENTATIONS IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES: ANALYSIS OF DYNAMICS AND INFLUENCING FACTORS

Zhang Peizhi, Liu Song, K. Erdyneeva*

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: erdyneeva.kg@dvfu.ru

Received by the editorial office 27.06.2025

Accepted for publication 03.07.2025

Abstract

Aim. To analyze both nature and orientation of the transformation of Chinese students' value orientations under the influence of global challenges.

Methodology. A mixed design was used: the qualitative stage included semi-structured interviews ($n= 45$) with Chinese students and postgraduates from Far Eastern Federal University and Jiangsu University; the quantitative stage included an online survey ($n= 532$) using a modified Sh methodology, the Schwartz Institute for Value Measurement (PVQ-R2), as well as the author's tools for evaluating value preferences. The data was processed using statistical factor analysis methods (SPSS).

Results. The multilevel transformation of the value orientations of Chinese students has been revealed. The hybrid nature of value profiles has been empirically confirmed, combining traditional Confucius' attitudes (collectivism, reverence for elders) with globalized values of self-realization, individualism and social responsibility. Based on the analysis, a system of five key orientation factors is identified: "Traditionalism / Social harmony", "Individual achievement / Material success", "Intellectual and spiritual development", "Hedonism / Quality of life", "Justice / Social mobility".

Research implications. A multifactorial analysis model integrating micro- and macro-determinants of value changes has been developed and tested. Data on the values of the generation of "children of reform and openness" have been introduced into scientific circulation. The results of the study are of practical importance for optimizing the adaptation mechanisms of Chinese students in the international academic environment. The conclusions of the work make it possible to predict the dynamics and variability of their socio-cultural integration, which is the basis for creating effective supportive programs.

Keywords: transformation of value orientations, Chinese students, Confucianism, globalization, cultural transfer, collectivism, individualism

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-68-00210.

For citation: Zhang Peizhi, Liu Song, Erdyneeva, K. G. (2025). Transformation of Chinese Students' Value Orientations in the Context of Global Challenges: Analysis of Dynamics and Influencing Factors. In: *Psychological Sciences*, 2025, 3, 88-103. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-88-103>.

ВВЕДЕНИЕ

Сложное взаимодействие экономики, технологий, культуры и политики определяет вектор развития многогранного, непрерывного и длительного процесса – трансформации ценностей. Студенты

относятся к особой социальной группе, поскольку их ценностные приоритеты в определённой степени отражают ценности современного социума. Ценностные ориентации представляют глубоко укорёнённую совокупность их верований,

убеждений и идеалов [1; 2]. Являясь фундаментальными когнитивно-духовными конструктами, ценности формируют смысловое ядро личности. Они задают вектор для самоактуализации индивида, определяют его профессиональное становление и выстраивание долгосрочной жизненной траектории. Более того, через призму ценностей человек осуществляет осмыслившую трансформацию внешнего мира, внося в него целенаправленные изменения [3; 4; 5; 6]. В условиях социальной транзитивности, экономической глобализации, становления экономики знаний ценностные ориентации студентов приобретают новые черты, требующие осмысления.

Ян Вэнг пишет о важности воспитания молодёжи на основе глубоких знаний китайской истории, культуры и традиционных ценностей, а также разумного взгляда на западную цивилизацию. Взаимодействие социально-экономических и культурных сил в определённом историческом и политическом контексте вызывает моральный кризис, поскольку оказывают влияние на приоритетные ценности молодёжи. Социальное сравнение может порождать коллективный комплекс неполноценности и, как следствие, нарушение культурной идентичности, проявляющееся в национальном нигилизме и преувеличенному патриотизме [7, р. 233–240].

Следует отметить, что трансформация ценностей китайских студентов – это активный, рефлексивный и социально опосредованный процесс адаптации, а не просто пассивное впитывание западных ценностей. Вместе с тем Х. Лу [8, р. 91–107.] предостерегает от чрезмерного упрощения классификации культурных ценностей. Она подчёркивает, что индивидуализм и коллективизм (I/C) становятся культурно специфическими и значимыми, если они связаны с философской и литературной традицией той или иной культуры, когда они обозначены концеп-

туальными терминами рассматриваемой культуры.

В настоящее время Китай является признанным лидером в сфере высоких технологий («Сделано в Китае 2025», «Двойное сокращение»), в связи с чем качество и ценностные ориентации кадров напрямую влияют на конкурентоспособность страны. Студенчество как наиболее мобильная часть общества и будущая элита переходит от модели коллективизма к более сложной системе ценностей, где сочетаются патриотизм, индивидуализм, стремление к успеху и поиск смысла жизни. Развитие ИИ, баз данных, биотехнологий порождает этические дилеммы, в связи с чем ценностные ориентации становятся ключевым фактором разработки и применения технологий будущего.

Возникающее противоречие между необходимостью интеграции в глобальное пространство и стремлением сохранить культурно-политический суверенитет создаёт уникальную среду. Конкурентоспособность выпускников вузов на глобальном рынке определяется степенью их владения как ценностями эффективности инноваций, глобальной мобильности, так и ценностями индивидуализма, свободы самовыражения, критического мышления, креативности. Вместе с тем партийно-государственный аппарат КНР системно укрепляет национальную идентичность через пропаганду «социалистических основных ценностей», концепцию «китайской мечты» и нарратива об уникальности пути национального возрождения. Кроме того, планомерные усилия института семьи и системы образования направлены на формирование культурного «иммунитета» против вестернизации, чему также способствуют глубоко укоренившиеся в обществе конфуцианские ценности.

Студент оказывается в ситуации психологического давления: ему необходимо быть «гражданином мира», чтобы быть

успешным профессионально и «патриотом Китая», быть принятым социумом и соответствовать ожиданиям государства и семьи. У молодого человека вырабатывается адаптивная стратегия выживания и успеха в сложном, плюралистическом мире. Вышеизложенное не разрушает ценностную систему, но заставляет её трансформироваться по специфическим моделям:

1. Формирование «ситуативной» или «модульной» идентичности, согласно которой студенты учатся переключаться между кодами поведения и ценностными системами в зависимости от контекста.

2. Гибридизация ценностей – сложное, многоуровневое слияние традиционных и глобальных ценностей. Ценность индивидуального успеха и самореализации переосмысливается не как эгоистическое достижение, а как способ исполнить долг перед семьёй (необходимость обеспечить семье лучшую жизнь) и внести вклад в могущество родины.

Цель статьи – проанализировать характер и направленность трансформации ценностных ориентаций современной китайской студенческой молодёжи под воздействием глобальных вызовов.

Задачи исследования:

- проанализировать эволюцию ценностных ориентаций в китайском обществе;
- определить уровни трансформации ценностных ориентаций китайской студенческой молодёжи;
- выявить факторы, влияющие на формирование их ценностей;
- описать формирующуюся гибридную модель ценностных ориентаций.

Гипотезы исследования:

- Н1: ценностная структура китайских студентов демонстрирует сдвиг от традиционных ценностей «сохранения» к ценностям «открытости изменениям» и «самоутверждения» (по Шварцу).

- Н2: основным механизмом трансформации ценностных ориентаций явля-

ется опосредованное цифровой средой и межличностным взаимодействием социальное сравнение.

– Н3: в условиях внешней нестабильности (геополитика) происходит реактивация традиционных коллективистских и национально-ориентированных ценностей.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теории ценностных ориентаций. Применимость западных теорий в китайском культурном контексте

В рамках традиционной психологии систематическое изучение ценностей началось только в 1990-е гг. В теории базовых человеческих ценностей Ш. Шварца [9; 10] они осмысливаются как убеждения, ранжированные в порядке значимости и служат эталоном, мотивирующим и направляющим действия; это абстрактные представления о желаемых, не зависящих от ситуации целях, которые служат руководящими принципами в жизни людей. Теория Ш. Шварца создавалась и проверялась как кросс-культурная, поскольку его система ценностей обусловлена универсальными потребностями человеческого существования как биологических индивидов, нуждающихся в социальном взаимодействии (координации действий), выживании и стремящихся к достижению благополучия групп. Эти потребности являются общими для всех культур, включая китайскую. Поэтому ценностный «инвентарь» (список из 19 базовых ценностей, таких как безопасность, достижение, универсализм, традиция и т.д.) является релевантным и для китайских респондентов, даже если их культурная интерпретация особенна. Кроме того, Китай регулярно включается в крупные кросс-культурные проекты (например, European Social Survey), где используется методика Шварца. Данные показывают, что Китай, наряду с другими странами Восточной Азии, имеет уни-

кальный ценностный профиль с высоким приоритетом ценностей Сохранения (Безопасность, Конформность, Традиция) и Самопреодоления (Благородство), и относительно более низким приоритетом ценностей Открытости к изменениям и Самоутверждения.

В кросс-культурной теории базовых ценностей Ш. Шварца выделены десять мотивационно различных ориентаций. Структура ценностей имеет круговой характер, отражающий мотивационную совместимость или противоречие между ними. Они образуют четыре измерения высшего порядка, формирующих две биполярные оси: «Самопреодоление» (универсализм, доброжелательность) против «Самоутверждения» (власть, достижение) и «Сохранение» (безопасность, конформизм, традиции) против «Открытости изменениям» (стимуляция, гедонизм, самостоятельность). Динамика и конфликт между этими измерениями служат основой для анализа ценностной трансформации.

Ценности, будучи основой для установок и поведения, характеризуются стабильностью в различных ситуациях и во времени, вместе с тем в условиях неопределенности, нелинейности и неоднозначности они приобретают реактивный характер [1; 2; 9; 11; 12; 13].

Анализ исследований иерархии ценностей у китайских студентов указывает на высокий ранг ценностей: Конформность (держанность, послушание, вежливость) в соответствии с конфуцианским принципом «ли» (ритуал, этикет); Благородство (забота о благополучии близких) согласно конфуцианской идеи «жэнь» (человеколюбие), а также Безопасность (безопасность семьи, национальная безопасность), ценность которой отражает коллективистский ethos и важность стабильности. Одна из наиболее значимых ценностей – ценность «Достижение» (личный успех через проявление компетентности), однако следует

подчеркнуть, что в китайском контексте эта ценность рассматривается как условие и средство достижения блага ради семьи и общества, что показывает её гибридную природу.

Использование концепции Рональда Инглхарта о сдвиге от материалистических (экономической и физической безопасности) к постматериалистическим (самовыражению, качеству жизни, свободе слова, экологии) ценностям для анализа специфической траектории модернизации ценностных ориентаций китайских студентов является дискуссионным, но эвристически полезным, если учитывать некоторые особенности. Р. Инглхарт предлагает наряду с осью «традиционные / секулярно-рациональные ценности» ось «материалистические / постматериалистические ценности» или «ценности выживания, ценности самовыражения» [13, р. 19–51].

В условиях экзистенциальной безопасности модификация базовых ценностей социализирующейся молодёжи совершенствуется в течение длительного времени [1; 12; 13]. Поколение, выросшее в период «экономического чуда» (после реформ 1978 г.), сформировалось в условиях большей материальной безопасности, нежели их родители, пережившие «голодные годы» и Культурную революцию. Бурный экономический рост Китая и формирование многочисленного среднего класса создают объективные предпосылки для сдвига от выживания и физической безопасности (материалистические ценности) к самовыражению, качеству жизни и участию в принятии решений (постматериалистические ценности). Однако теория Инглхарта была разработана на основе анализа западных демократий, где сдвиг к постматериализму коррелировал с ростом запроса на гражданские свободы, политическое участие и эмансипацию. В Китае стремление к самовыражению у студентов может проявляться не в политической плоскости, а в потребительском

поведении, стиле жизни, карьерной стратегии, виртуальной идентичности. Теория Инглхарта предполагает, что ценности самовыражения развиваются на основе растущего индивидуализма. Китайское же общество остаётся глубоко коллектилистским. Поэтому ценность «самовыражения» может быть неразрывно связана с самовыражением ради семьи или в рамках коллектива. Поскольку государство активно продвигает патриотизм и «китайскую мечту» как объединяющую национальную цель, то можно предположить, что постматериалистические устремления студенческой молодёжи направлены в русло националистического подъёма и гордости за достижения страны, а не в русло критики системы.

Р. Инглхарт и К. Вельцель [1; р. 143, 173, 411] рассматривают модернизацию, культурные изменения и демократизацию как компоненты «процесса человеческого развития». Модернизация в социально-экономической сфере неизменно ведёт от ценностей выживания к ценностям самовыражения, от государственной власти и дисциплины к личной независимости и свободе личности, от групповой нормы к плюрализму. Эта идея безусловно применима к Китаю. Поскольку официальный дискурс и практика КПК направлены на развитие науки, технологии и достижение эффективности, то параллельно проходит снижение значимости религии и традиционных авторитетов, рост рационализма и pragmatизма. Возникает уникальная гибридная форма, где постматериалистические ценности проявляются в сферах, не угрожающих политической стабильности.

Как студенческая молодёжь осмысливает свою жизнь в этом сложном мире? Ответ на этот вопрос даёт теория социальных представлений (ТСП) Сержа Московичи [14, р. 3–14]. Её ключевая идея состоит в том, что социальные группы создают общие системы ценностей, идей и практик – социальные

представления, – чтобы объяснить себе пугающую или сложную реальность. Это происходит в два этапа: 1) анкеровка: новое и непонятное «привязывается» к чему-то знакомому (например, интернет называют «всемирной паутиной»); 2) объективация: абстрактное понятие превращается в нечто конкретное и видимое («глобализация» становится узнаваемой через известные бренды, например, в голливудских блокбастерах участвуют китайские актёры в главной роли). Социальные представления создаются и распространяются через СМИ и официальный дискурс, взаимодействие с иностранными студентами, профессурой через программы обмена, совместные университеты, онлайн-курсы. Социальные сети и интернет-платформы: WeChat, Weibo («микроблог»), Douyin (TikTok), Little Red Book (мобильное приложение) выступают гигантскими социокультурными пространствами, где происходит бесконечная борьба, гибридизация и распространение социальных представлений о ценностях.

К. Ховарт и К. Фоелклайн [15, р. 359–393] подчёркивают, что С. Московичи исследовал «сложные и динамичные отношения между социальной структурой и индивидуальным субъектом действия». При этом социальное представление, будучи динамичным явлением, не может быть однозначным и «завершённым» и предполагает целенаправленное действие, а не результат «кратковременных реакций на объекты».

М. Раудсепп [16, р. 455–468] полагает, что социальные представления Московичи на индивидуальном уровне «действуют» в качестве содержания субъективного сознания, на групповом уровне проявляются в межличностной/межгрупповой коммуникации; на макросоциальном уровне «объективируются» в виде продуктов культуры. Поэтому трансформация ценностей китайских студентов представляет активный процесс созда-

ния нового социального представления об «успешной и осмысленной жизни» в современном Китае. Так, например, представление о ценности «индивидуальный успех» реализуется в русле традиционной китайской концепции («chūxi» - «иметь перспективы», «добраться успеха»), как форма почтительности, исполняемая сыновьями («xiào»). Государство активно продвигает лозунг «Массовые инновации и предпринимательство». Ценность «предпринимательства» объективируется в образах «возвращенцев» – успешных учёных, возвращающихся из-за границы для «восстановления великой китайской нации».

Таким образом, трансформация ценностей китайских студентов – это активный процесс социального конструирования, в ходе которого глобальные и новые для общества идеи (индивидуализм, креативность, постматериализм) не просто заимствуются, а проходят через механизмы анкеровки и объективации. Они «увязываются» с традиционными китайскими категориями (семья, успех, патриотизм) и обретают содержание через конкретные образы и практики. В результате формируется не просто набор новых ценностей, а сложное, гибридное и иногда противоречивое социальное представление о современной «хорошей жизни», в котором элементы коллективизма и индивидуализма, традиции и инновации сосуществуют и конкурируют друг с другом.

Согласно подходу Тэшвела-Тёрнера к социальной идентичности [17, р. 42–64; 18, р. 272–302] механизмами трансформации ценностей китайских студентов служат самокатегоризация и социальное сравнение. Самокатегоризация проявляется в том, что студенческая молодёжь осознаёт свою принадлежность к нации и одновременно относит себя к поколению XXI в. Изменение ценностей, как правило, происходит при переезде в другую страну. Оказавшись в академической среде Великобритании, США или России,

китайские студенты поражают других своей целеустремлённостью и самодисциплиной. Их устремления не ограничиваются базовой адаптацией и социальной интеграцией в новом культурном контексте, а включают в себя достижение успехов в академической сфере. Этот путь осложняется столкновением двух мировоззрений: традиционного китайского коллективизма и западного индивидуализма. Однако именно в этом противоречии рождается новая, гибридная система ценностей. Через постоянное сравнение с западными сверстниками происходит трансформация исконно китайской модели «социализма-рынка», обогащая её новыми смыслами и практиками [19, р. 269–283; 20, р. 21–39].

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В исследовании приняли участие китайские студенты и аспиранты Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) и Цзянусского педагогического университета (ЦЗЯНСУ); в возрасте от 19 до 46 лет. Исследование построено на смешанном дизайне: качественный этап включил полуструктурированные интервью ($n=45$); количественный этап предусматривал онлайн-опрос ($n=532$) с применением модифицированной методики Шварца для измерения ценностей (PVQ-R2), а также авторского инструментария для оценки ценностных предпочтений. Обработка данных проводилась методами статистического (SPSS) и факторного анализа с использованием метода главных компонент (вращение облимина с нормализацией Кайзера). Поскольку обсуждались темы, где возможен конфликт личных и официальных ценностей, при проведении интервью была создана атмосфера доверия и гарантировалась полная анонимность.

Полуструктурированное интервью направлено на изучение влияния глобальных событий (цифровизация, гео-

политическая напряжённость, пандемия, глобальная культура) и национального дискурса на систему ценностей китайских студентов (патриотизм, колLECTИVИЗМ/индивидуализм, карьера и успех, семья, материальное благополучие). Обнаружено, что студенты стремятся достичь определённого баланса между личными амбициями и ответственностью перед семьёй и обществом. Анализ ответов демонстрирует преобладание гибридной модели поведения: «Я стремлюсь к личному успеху, который принесёт пользу моей семье и будет полезен для страны». Представители молодого поколения испытывают психологическое давление семьи, ожидающей «отдачу» (феномен *«huibao»*). Принимая важные жизненные решения (например, выбор специальности, работы), студенты советуются с семьёй. Мнение родителей остаётся чрезвычайно важным (концепция «сяо»), поэтому представители студенческой молодёжи оценивают ситуации несогласия не как конфликт или открытое противостояние, а как переговоры с родными. Вместе с тем студенты из мегаполисов чаще демонстрируют желание отстаивать свой выбор, аргументируя его дальнейшими перспективами. «Успех» в жизни у китайских студентов ассоциируется с материальной стабильностью: стабильной, высокооплачиваемой работой (IT, финансы или госсектор), наличием собственности, возможностью обеспечить родителей. «Внутреннее счастье» упомянуто, но ответы в целом весьма прагматичны. Карьерные планы связаны преимущественно либо с государственной службой (китайская «железная рисовая чашка») либо с работой в крупных, устойчивых компаниях (государственные предприятия). Интерес к возможности работать или учиться за границей остаётся высоким (как опыт и престиж), но растут опасения по поводу ксенофобии и визовых ограничений. Многие рассматривают вариант получить степень за рубежом,

но затем вернуться в Китай для работы («haigui», «возвращенцы»). Платформы (WeChat, Douyin, Weibo, Little Red Book/Xiaohongshu) служат окном в мир, формируя потребительские идеалы и представления об успешном образе жизни. Многие студенты признают наличие культурного барьера в межкультурном взаимодействии, подчёркивая, что общие темы сосредоточены преимущественно в сфере технологий, поп-культуры, образования, поскольку социально-политические темы могут вызывать трудности из-за разного медийного ландшафта и понимания ценностей.

Модель «Глобально ориентированный патриотизм» отражает сочетание у китайских студентов ярко выраженную национальную идентичность и способность использовать глобальные возможности в сфере образования, технологий. Анализ результатов исследования свидетельствует о трансформации ценностных ориентаций студенческой молодёжи Китая на трёх взаимосвязанных уровнях: от поверхностного к глубинному. На поведенческо-адаптационном (поверхностном) уровне под воздействием среды происходит изменение способов достижения целей и повседневных практик при относительной сохранности глубинных целей. Это уровень внешних практик и инструментальных ценностей, поскольку трансформация предполагает адаптацию и инструментализацию в аспекте цифровизации коммуникации, образовательных и потребительских стратегий, языковых компетенций. Ценность общения остаётся неизменной, но его форма смещается в онлайн формат (WeChat, Douyin), при этом серьёзные разговоры реализуются в традиционной форме. Широко используются глобальные ресурсы (Coursera, зарубежные онлайн-курсы) для достижения локальных целей (получить хорошую работу в Китае). Следование глобальным трендам осуществляется через платформы типа Xiaohongshu. Английский

язык воспринимается не как ценность приобщения к другой культуре, а как инструмент для карьеры и доступа к информации. Структурно-нормативный (средний) уровень предполагает пересмотр ключевых жизненных стратегий и социальных норм. Трансформация ценностей, вызванная их конфликтом, связана со стремлением идти на компромисс, с переговорами с референтными лицами. Происходит переоценка норм, касающихся карьеры, семьи, личной жизни и гражданской позиции. Китайские студенты испытывают серьёзное противоречие между ценностью высоких достижений и статуса (традиционная конфуцианская ценность) и ценностью самостоятельности, творчества (постматериализм) и стабильности (безопасность). Несогласия и конфликты обусловлены необходимостью выбора ценности «Самореализация» или «Конформность» и «Традиция». У студентов XXI в. наблюдается рост экологического сознания, интереса к правам человека (универсализм) при сохранении уважения к социальным нормам и традициям (конформность). Имеет место столкновение оценивания значимости личного удовольствия и самореализации («Гедонизм») с необходимостью быть хорошим семьянином, заботиться о родителях («Доброта»). Страсть к путешествиям и стремление к личностному росту может привести к решению отложить брак и рождение детей. На мировоззренческо-идентификационном (глубинном) уровне происходят изменения базовых представлений о себе, своём месте в обществе и мире. Глубокая реконфигурация связана с трансформацией ядра национальной, культурной и личной идентичности. Формирование гибридной идентичности означает восприятие себя не просто «китайцем», а «гражданином мира китайского происхождения». Способность критически оценивать как западные, так и китайские нарративы порождает новое мировосприятие и своего места в этом

мире. Переосмысление ценностей приводит к идеи «индивидуализированного колlettivизма»: китайская молодёжь не отказывается от колlettivизма, а рассматривает колlettiv (семью, нацию) как платформу и ресурс для реализации личных амбиций. Традиционные парадигмы карьерного роста и/или материального богатства уступают место ценностям самовыражения и качества жизни, что соответствует теории постматериализма. Успешным считается человек, способный реализовать свой собственный, аутентичный потенциал в условиях безопасности и свободы.

Итак, ценностные ориентации китайских студентов формируются на стыке традиционных конфуцианских ценностей (колlettivизм, уважение к старшим, образование, гармония, трудолюбие) и ценностей современного глобализированного общества (индивидуализм, конкуренция, материальный успех, самореализация). Эксплораторный факторный анализ в программе SPSS позволил выделить пять основных факторов.

Первый фактор (15,72% общей дисперсии), обозначенный как «Традиционализм/Социальная гармония», объединил следующие группы ценностей (табл. 1).

Нельзя не отметить, что традиционная модель формирования ценностей, укоренённая в конфуцианской философии и колlettivistском мировоззрении, длительное время была доминирующей. Поскольку ценности прививались с раннего детства через непрерывное воздействие семьи, где почитание старших («сяо»), гармония в отношениях и послушание авторитетам были краеугольными камнями воспитания как в семье, так и в школьной системе, то в условиях относительно закрытого общества, с ограниченным доступом к внешним культурным влияниям, эта модель способствовала формированию сильной колlettивной идентичности, где личные

Таблица 1 / Table 1

Фактор 1. «Традиционализм и Социальная гармония» / Factor 1. “Traditionalism and Social harmony”

Группы ценностей	%
Почитание родителей и старших (сыновья почтительность)	0,785
Безопасность. Национальная гордость	0,784
Верность семье и клану	0,781
Сохранение лица (репутации)	0,762
Патриотизм	0,713
Социальная стабильность и гармония	0,702
Коллективизм (приоритет группы над индивидом)	0,681

интересы подчинялись общему благу, а стабильность и порядок ценились выше индивидуальной свободы и самовыражения. Поэтому, вне сомнений, существенной компонентой социальной гармонии является «Почитание родителей и старших (xiao – «сыновья почтительность»). Максимальный балл по этому фактору указывает на приверженность традиционным китайским добродетелям, ориентированным на стабильность семьи и общества. В набор характеристик рассматриваемого фактора, одобряемого социумом в качестве индивидуальной стратегии, входят ценности с высокими нагрузками «Верность семье и клану», «Сохранение “лица” (репутации)», «Коллективизм (приоритет группы над индивидом)», «Социальная стабильность и гармония», «Патриотизм». Следует отметить, что исследование систем личных ценностей [21, р. 63–88; 22, р. 66] показы-

вает, что студенты университетов демонстрируют разный уровень субъективного отношения к ценностям, однако наиболее значимы для них ценности традиций, доброжелательности, универсализма и безопасности. Кроме того, в соответствии с теорией Инглхарта, в периоды резкой социально-экономической нестабильности может происходить обратный сдвиг к материалистическим ценностям. Пандемия COVID-19, экономическое замедление, geopolитическая напряжённость и кризис на рынке труда для молодёжи могут не только тормозить, но даже обращать вспять тенденцию к постматериализму, усиливая запрос на безопасность и стабильность.

Второй фактор «Индивидуальное достижение и Материальный успех» (10,76 % общей дисперсии) включает следующие группы ценностей (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Фактор 2. «Индивидуальное достижение и Материальный успех» / Factor 2. “Individual achievement and Material success”

Группы ценностей	%
Личный финансовый успех и богатство	0,667
Самостоятельность и независимость	0,665
Карьерный рост и высокий статус	0,662
Признание и слава	0,613
Конкурентоспособность и амбиции. Власть	0,607

Таблица 3 / Table 3

Фактор 3. «Интеллектуальное и духовное развитие» / Factor 3. “Intellectual and spiritual development”

Группы ценностей	%
Стремление к знаниям и образованию («You Jiao Wu Lei»)	0,637
Любознательность и креативность	0,615
Дисциплина и трудолюбие	0,602
Духовная гармония (элементы даосизма и/или буддизма)	0,589
Мудрость и личностный рост	0,567

Этот фактор, проинтерпретированный нами как «Индивидуальное достижение и Материальный успех», отражает западные влияния и ориентацию на личный успех в условиях рыночной экономики. С началом политики реформ и «открытости» в конце 1970-х гг. Китай стал более открытым для внешнего мира, что привело к значительному культурному обмену и влиянию западных ценностей. «Модель открытых дверей» привнесла такие идеи, как индивидуализм, свобода выбора, акцент на материальном благополучии и личном успехе, а также новые формы досуга и потребления. Эти идеи распространялись через образование за рубежом, развитие международной торговли (например, появление Starbucks, McDonald's), доступ к иностранным СМИ и цифровым платформам, таким как западные социальные сети и голливудские фильмы, активно продвигающие культуру индивидуализма и личной свободы.

Итак, изменения в модели общества и внедрение западного мышления, реформы в высших учебных заведениях не только породили новые ценностные ориентиры для студентов, но и привели к значительной нестабильности их ценностных представлений и внутриличностным конфликтам.

Третий фактор «Интеллектуальное и духовное развитие» (5,43 % общей дисперсии) объединяет следующие группы ценностей (табл. 3). Этот фактор связан с классической конфуцианской ценностью

самосовершенствования, но в современном прочтении. Становление экономики, основанной на знаниях, и подтверждение политического курса государства на укрепление страны посредством технологического образования привели к признанию важности знаний.

В связи с этим студенты стали отдавать приоритет образованию, стремиться к личностному росту, духовной гармонии, проявлять креативность и любознательность. Кроме того, уникальный цивилизационный код, определяющий основу ценностных ориентаций китайского народа, сформировался в результате взаимодействия, переплетения и взаимодополнения на протяжении веков конфуцианства, даосизма и буддизма. Разработанные Конфуцием принципы легли в основу китайской государственности и общества. Центральными идеями являются «сяо» (сыновнее почтение), «жэнь» (человеколюбие), «и» (справедливость) и «ли» (этикет). Эти ценности формируют у студентов не только глубокое уважение к иерархии, прочный коллективизм и высокую академическую мотивацию, но и стремление к самосовершенствованию. Даосизм, связанный с именем Лао-цзы, проповедует следование естественному порядку вещей («Дао») и принципу «у-вэй» (действие без принуждения). Его влияние проявляется в формировании гибкости мышления и адаптивности к быстро меняющимся условиям, что помогает студентам наход-

дить баланс и внутренний покой, справляться со стрессом и принимать изменения. Даосизм дополняет конфуцианскую ориентацию на социальную структуру более индивидуалистическим и природным аспектом. Пришедший из Индии, буддизм глубоко укоренился в китайской культуре, внеся вклад в формирование ценностей «цыбэй» (сострадания и милосердия) с помощью идеи кармы и стремления к просветлению. Он обогатил китайскую ценностную систему этическими принципами универсальной любви и ненасилия.

Четвёртый фактор «Гедонизм/Качество жизни», объясняющий 5,28% общей дисперсии, образован пунктами, представленными в табл. 4. Этот фактор характерен для современной молодёжи в глобальном масштабе, – стремление к удовольствию и комфортной жизни. Развитие рыночной экономики неизменно приводит к становлению таких тенденций, как поклонение капиталу, гедонизм, обесценивание интеллектуальных

ценностей. Ценность любых действий, объектов определяется их полезностью, а не с позиции эстетики или духовности.

К пятому фактору «Социальная справедливость и Безопасность», объясняющему 4,49% общей дисперсии, относятся характеристики, представленные в таблице 5. Этот фактор объединяет ценности, связанные со справедливым устройством общества и личной защищённостью [3, р. 83–91].

Концепция Клайда Клакхона [23, р. 10–30], на наш взгляд, может служить аналитическим инструментом для понимания и систематизации глубинных основ традиционной китайской культуры, ориентированной на гармонию с природой («Небо и человек в единстве»), коллективные отношения и уважение к прошлому, веру в природу человека, его способность к самосовершенствованию в процессе соблюдения ритуалов, «Становление» (Конфуцианство и Бытие (Даосизм)). В то же время глобализация ставит акцент на будущее, индивидуальные достижения и

Таблица 4 / Table 4

Фактор 4. «Гедонизм и Качество жизни» / Factor 4. “Hedonism and Quality of Life”

Группы ценностей	%
Удовольствие и наслаждение жизнью	0,576
Свобода мыслей и действий, разнообразие опыта	0,575
Комфорт. Богатство	0,542
Дружба и приятное времяпрепровождение	0,539
Эмоциональное благополучие	0,567

Таблица 5 / Table 5

Фактор 5. «Справедливость и социальная мобильность» / Factor 5. “Social Justice and Security”

Группы ценностей	%
Равенство возможностей	0,523
Справедливое вознаграждение за труд	0,512
Здоровье (физическое и ментальное). Здоровый образ жизни	0,476
Защита окружающей среды. Забота об экологии	0,408
Качество цифровой жизни	0,387

доминирование над природой через технологический прогресс.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, китайское студенчество демонстрирует сложную и многомерную трансформацию ценностных ориентаций, являющуюся микромоделью современных социокультурных изменений в Китае. Сформировалась гибридная система ценностей, которая представляет собой динамичный синтез традиционных основ (коллективизм, социальная гармония, конфуцианство) и глобальных трендов (индивидуализм, стремление к самореализации, гедонизм). Данная система сохраняет культурную уникальность, оставаясь при этом высокоадаптивной к вызовам глобализации.

Трансформация ценностей китайских студентов не является однородной и происходит на разных уровнях – от поведенческой адаптации до глубокого пересмотра идентичности. Несмотря на внутреннюю дифференциацию, доминирующим вектором остается не отказ от традиций, а их прагматичная интеграция с глобальными практиками для достижения личного и национального успеха. Полученные данные имеют практическую значимость для прогнозирования социальной адаптации молодёжи и разработки стратегий её интеграции в мировое сообщество, что способствует укреплению социальной стабильности и развитию инновационного потенциала Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
2. Rokeach M. The nature of human values (Сущность человеческих ценностей). New York: The Free Press, 1973. 438 p.
3. Цинь Пэнфэй. Влияние базовых жизненных ориентаций на качество жизни китайских студентов // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2024. № 3. С. 83–91.
4. Шульга Т. И. Переживание разочарования молодёжью 17–25 лет // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. Т. 17, № 2. С. 33–50.
5. Эрдынеева К. Г. Кросскультурный подход к изучению ценностных ориентаций студентов в условиях транзитивности // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. № 3–4. С. 43–51.
6. Wang H., Gai X., Li S. A Person-Centered Analysis of Meaning in Life, Purpose Orientations, and Attitudes toward Life among Chinese Youth (Личностно-ориентированный анализ смысла жизни, целеполагания и отношения к жизни среди китайской молодёжи) // Behavioral Sciences (Basel). 2023. № 13 (9). P. 748.
7. Wang Yan. Value changes in an era of social transformations: College-educated Chinese youth (Ценностные изменения в эпоху социальных трансформаций: китайская молодёжь с высшим образованием) // Educational Studies. 2006. № 32. P. 233–240.
8. Lu X. An Interface Between Individualistic and Collectivistic Orientations in Chinese Cultural Values and Social Relations (Интерфейс между индивидуалистическими и коллективистскими ориентациями в китайских культурных ценностях и социальных отношениях) // Howard Journal of Communications. 1998. № 9 (2). P. 91–107.
9. Schwartz S. H. Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? (Есть ли универсальные аспекты в структуре и содержании человеческих ценностей?) // Journal of Social Issues. 1994. № 50 (4). P. 19–45.

10. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications (К теории универсального содержания и структуры ценностей: расширения и кросс-культурные репликации) // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. № 58 (5). P. 878–891.
11. Hitlin S., Piliavin J. Values: Reviving a dormant concept (Ценности: возрождение дремлющей концепции) // *Annual Review of Sociology*. 2004. №30. P. 359–393.
12. Inglehart R. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 (Изменение ценностей западной общественности с 1970 по 2006 год) // *West European Politics*. 2008. № 31 (1-2). P. 130–146.
13. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values (Модернизация, культурные изменения и сохранение традиционных ценностей) // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65, № 1. P. 19–51.
14. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–14.
15. Howarth C., Voelklein C. A review of controversies about social representations theory: a British debate (Обзор споров о теории социальных представлений: британские дебаты) // *Culture a. society*. 2005. Vol. 11. № 4 P. 431–454.
16. Raudsepp M. Why is it so difficult to understand the theory of social representations (Почему так сложно понять теорию социальных представлений) // *Culture a. society*. 2005. Vol. 11. № 4. P. 455–468.
17. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior (Теория социальной идентичности в межгрупповом поведении) // *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 42–64.
18. Tajfel H. Social Categorization (Социальная категоризация) // *Introduction a la psychologique sociale*. Paris: Larousse, 1972. Vol. 1. P. 272–302.
19. Ye X., Chang T., Zhong K. Learner Online Self-Regulated Learning Skills: A Comparison Between Chinese Undergraduates and International African Undergraduates (Навыки самостоятельного обучения онлайн-обучения: сравнение между китайскими студентами и иностранными студентами африканского происхождения) // *Applied Degree Education and the Shape of Things to Come*. India: Springer, 2023. P. 269–283.
20. Wang Peng. Values orientation of contemporary Chinese college students and its changes (Ценностная ориентация современника. Китайские студенты и её изменения) // *Journal of the Brazilian Sociological Society Revista da Sociedade Brasileira de Sociologia*. 2017. Vol. 3. № 2. P. 21 – 39.
21. Sanchez H. Valores en Estudiantes Universitarios: Implicancias para la Formación Humana (Ценности у студентов университетов: Значение для формирования личности) // *Paradigma: Revista de Investigación Educativa*, 2021. № 28 (45). P. 63–88.
22. Maslova O. V., Shlyakhta D. A., Yanitskiy M. S. Schwartz Value Clusters in Modern University Students (Шварцевые ценностные кластеры у современных студентов вузов) // *Behavioral Sciences*. 2020. № 10 (3). P. 66.
23. Kluckhohn C., Strodtbeck F. Variations in Value Orientations (Вариации ценностных ориентаций). Evanston: IL: Row, Peterson, 1961. 319 p.

REFERENCES

1. Inglehart, R. & Welzel, K. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: New Publishing (in Russ.).
2. Rokeach, M. (1973). *The Nature of Human Values* (The Essence of Human Values). New York, The Free Press.

3. Qin Pengfei. (2024). Analysis of Basic Life Orientations on the Quality of Chinese Students' Life. In: *Herald of Omsk University. Series: Psychology*, 3, 83–91 (in Russ.).
4. Shulga, T. I. (2024). Frustration Experienced by Young People Aged 17–25. In: *Theoretical and Experimental Psychology*, 17, 2, 33–50 (in Russ.).
5. Erdyneeva, K. G. (2020). Cross-Cultural Approach to Study Students' Value Orientations in the Context of Transitivity. In: *Scientific Review. Series 2: Humanities*, 3–4, 43–51 (in Russ.).
6. Wang, H., Gai, H. & Li, S. (2023). Person-Oriented Analysis of the Meaning of Life, Goal Orientations, and Attitudes Toward Life Among Chinese Youth (Person-Oriented Analysis of the Meaning of Life, Goal Setting, and Attitudes Toward Life Among Strong Youth). In: *Behavioral Sciences (Basel)*, 13 (9), 748.
7. Wang Yan (2006). Value Changes in the Era of Social Transformation: Chinese Youth with Higher Education. In: *Educational Studies*, 32, 233–240.
8. Lu Xiao (1998). The Interface between Individualistic and Collectivistic Orientations in Chinese Cultural Values and Social Relations. In: *Howard Journal of Communications*, 9 (2), 91–107.
9. Schwartz, S. H. (1994). Are There Universal Aspects in the Structure and Content of Human Values? In: *Journal of Social Issues*, 50 (4), 19–45.
10. Schwartz, S. H. & Bilsky, W. (1990). Toward a Theory of Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 58 (5), 878–891.
11. Hitlin, S. & Piliavin, J. (2004). Values: Reviving a Dormant Concept. In: *Annual Review of Sociology*, 30, 359–393.
12. Inglehart, R. (2008). Changing Values of the Western Public from 1970 to 2006. In: *Western European Policy*, 31 (1-2), 130–146.
13. Inglehart, R. & Baker, V. E. (2000). Modernization, Cultural Change, and the Preservation of Traditional Values. In: *American Sociological Review*, 65, 1, 19–51.
14. Moscovici, S. (1995). Social Representation: Historical View. In: *Psychological Journal*, 1, 3–14 (in Russ.).
15. Howarth, K. & Völklein, K. (2005). A Review of the Debate on Social Representation Theory: The British Debate. In: *Culture and Society*, 11, 4, 431–454.
16. Raudsepp, M. (2005). Why Social Representation Theory Is So Difficult to Understand? In: *Culture and Society*, 11, 4, 455–468.
17. Tajfel, H. & Turner, J. K. (1986). Social Identity Theory in Intergroup Behavior. In: *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, Nelson-Hall publ., p. 42–64.
18. Tajfel, H. (1972). "Social Categorization." Introduction to Psychological Social Science. Paris, Larousse publ., p. 272–302.
19. Ye, S., Chang, T. & Zhong, Q. (2023). Self-Directed Learning Skills in Online Learning: Comparison Between Chinese Students and International Students of African Descent. In: *Applied Education and the Shape of the Future*. India, Springer publ., p. 269–283.
20. Wang Peng (2017). Value Orientation of a Contemporary Chinese Students and Its Changes. In: *Journal of the Brazilian Sociological Society Revista da Sociedade Brasileira de Sociologia*, 3, 2, 21–39.
21. Sanches, J. (2021). Valores en Estudiantes Universitarios: Implicancias para la Formación Humana. In: *Paradigma: Revista de Investigación Educativa*, 28 (45), 63–88.
22. Maslova, O. V., Shlyakhta, D. A. & Yanitsky, M. S. (2020). Schwartz's Value Clusters in Modern University Students. In: *Behavioral Sciences*, 10 (3), 66.
23. Kluckhohn, K. & Strodtbeck, F. (1961). Variations in Value Orientations. Evanston, Illinois, Row, Peterson publ., 319 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чжан Пэйчжи (Цзянсу) – аспирант департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета;
ORCID: 0009-0004-3036-2114; e-mail: chzhan.pei@dvfu.ru

Лю Сун (Цзянсу) – начальник международной связи Китайско-Российского института Цзянсуского педагогического университета; аспирант департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета;

ORCID: 0009-0003-7987-5052; e-mail: samliusong@yeah.net

Клавдия Гомбожаповна Эрдынцева (г. Владивосток) – доктор педагогических наук, профессор по кафедре психологии, магистр психологии, профессор департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета;

ORCID: 0000-0001-5547-1887; e-mail: erdyneeva.kg@dvfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Peizhi Zhang (Jiangsu) – Postgraduate Student, Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University;

ORCID: 0009-0004-3036-2114; e-mail: chzhan.pei@dvfu.ru

Song Liu (Jiangsu) – Head of International Relations, Chinese Russian Institute of Jiangsu Pedagogical University; Postgraduate Student, Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University;

ORCID: 0009-0003-7987-5052; e-mail: samliusong@yeah.net

Klavdiya G. Erdyneeva – Dr. Sci. (Education), Prof., Department of Psychology, Master of Psychology, Prof., Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University;

ORCID: 0000-0001-5547-1887; e-mail: erdyneeva.kg@dvfu.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-104-121

ОБРАЗ МИРА И ОБРАЗ ЖИЗНИ АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА (ВОЛОНТЁРСТВА)

Калита В. В., Флах Я. И.

Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского
(ПКУ), г. Москва, Российская Федерация

e-mail: suivre@ya.ru

Поступила в редакцию 01.07.2025

После доработки 01.08.2025

Принята к публикации 05.08.2025

Аннотация

Цель. Изучение особенностей перцептивного, семантического и ядерного слоёв, составляющих образ мира и образ жизни добровольцев (волонтёров).

Процедура и методы. В исследовании применялся комплекс методов, для изучения ядерного слоя были использованы стандартизированные методики: «Смысложизненные ориентации» в модификации Д. А. Леонтьева, «Уровень субъективного контроля» в модификации Е. Ф. Бажина, «Ценностные ориентации» М. Рокича; исследование семантического слоя осуществлялось с помощью «Семантических дифференциалов» В. П. Серкина [1]; исследование перцептивного слоя проведено посредством анкетирования. Сбор данных осуществлялся в группе добровольцев (волонтёров) путём заполнения методик через Google-forms. Для качественной и количественной обработки данных использовались: метод расчёта семантических универсалий; статистические методы обработки данных – факторный и корреляционный анализы, проведённые в программе SPSS 20. Выбранный уровень значимости при расчётах: $p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$. Выборку для исследования составили добровольцы (волонтёры) различных добровольческих (волонтёрских) организаций и движений, а также самостоятельные добровольцы (волонтёры), осуществляющие деятельность на территории Российской Федерации в реальных жизненных условиях, всего 197 человек. Средний возраст респондентов составил 35 лет. Средний стаж добровольческой (волонтёрской) деятельности по группе – 4,6 года.

Результаты. По итогам проведённого исследования выявлены и описаны особенности перцептивного, семантического и ядерного слоёв, составляющих образ мира и образ жизни участников исследования, осуществляющих помогающую деятельность в рамках добровольчества (волонтёрства). Определены характер и стаж ведения деятельности, её специфика и направленность. На уровне перцептивного слоя выявлены трудности в ведении деятельности

и эффекты от результатов участия в ней. На уровне ядерного слоя определены мотивы участия в деятельности; выделены: особый набор в иерархии ценностных ориентаций, уровни контроля над различными сферами жизнедеятельности и смысложизненные ориентации добровольцев (волонтёров). Семантический слой представлен рядом характеристик, определяющих образ добровольцев (волонтёров), их образ жизни и образ осуществляющей деятельности; выявлены факторные структуры и корреляционные взаимосвязи в описании образов. Главными понятиями всех образов являются «активность» и «ответственность».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования дополняют теоретический и эмпирический материал имеющихся на сегодняшний день работ по изучению добровольчества (волонтёрства) и описанию специфических характеристик людей, вовлечённых в него. Полученные в ходе исследования данные позволяют делать выводы о характере развития структур образа мира и образа жизни в процессе осуществления добровольческой (волонтёрской) деятельности. Итоги исследования эмпирической части также дополняют работы по изучению образа мира различных профессиональных групп. В практической деятельности добровольческих (волонтёрских) организаций, движений и сообществ полученные результаты могут быть использованы для осуществления набора людей в добровольческую (волонтёрскую) деятельность и в целях их скорейшей адаптации в деятельности. Полученные данные могут быть применены для более точного ориентирования в процессе психологического сопровождения добровольцев (волонтёров), а также в формировании у них психологической готовности к деятельности и ведению добровольческого (волонтёрского) образа жизни, а также для удержания людей в данном виде деятельности.

Ключевые слова: деятельность, образ добровольца (волонтёра), образ жизни, образ мира, ядерный слой образа мира, семантический слой образа мира, перцептивный слой образа мира

Для цитирования: Калита В. В., Флах Я. И. Образ мира и образ жизни активных участников добровольчества (волонтёрства) // Психологические науки. 2025. №3. 104-121. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-104-121>.

Original research article

THE IMAGE OF THE WORLD AND THE IMAGE OF THE LIFESTYLE OF THE ACTIVE VOLUNTEERISM PARTICIPANTS

V. Kalita, Ya. Flakh

K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(First Cossack University), Moscow, Russian Federation
e-mail: suivre@ya.ru

Received by the editorial office 01.07.2025

Revised by the author 01.08.2025

Accepted for publication 05.08.2025

Abstract

Aim. To study the characteristics of the perceptual, semantic and nuclear layers that make up the image of the world and the lifestyle of volunteers.

Methodology. A set of methods was used in the study; standardized methods were used to study the nuclear layer: "Life-Meaning Orientations" (D. A. Leontiev's modification), "Level of Subjective Control" (E. F. Bazhin's modification), "Value Orientations" (M. Rokich's modification); the study of the semantic layer was carried out using "Semantic Differentials" by V. P. Serkin; the study of the perceptual layer was carried out through questionnaires. Data collection was carried out in a group of volunteers by

filling out methods via Google forms. For qualitative and quantitative data processing, the following were used: the method of semantic universals; statistical methods of data processing – factor and correlation analysis, carried out in the SPSS 20 program. The selected level of significance in the calculations: $p \leq 0.05$, $p \leq 0.01$. The sample for the study consisted of volunteers from various volunteer organizations and movements, as well as independent volunteers who carried out activities in the Russian Federation in real life conditions, – a total of 197 people. The average age of respondents was 35 years. The average length of service in volunteer activities for the group was 4,6 years.

Results. Based on the results of the study, the features of the perceptual, semantic and nuclear layers which make up the images of world and lifestyle of the study participants who carry out helping activities within the framework of volunteerism were identified and described. The nature and length of service of the activity, its specificity and focus were determined. At the level of the perceptual layer, difficulties in conducting activities and effects from the results of participation in them were identified. At the level of the core layer, motives for participation in activities were determined; a special set in the hierarchy of value orientations, levels of control over various spheres of life and the meaning-of-life orientations of volunteers were identified. The semantic layer is represented by several characteristics that define the image of volunteers, their lifestyle and the type of activity they perform; factor structures and correlation relationships in the description of images are identified. The main concepts of all images are “activity” and “responsibility”.

Research implications. The results of the study complement the theoretical and empirical material of the existing works on the study of volunteerism and the description of the specific characteristics of people involved in it. The data obtained during the study makes it possible to draw conclusions about the nature of the structure development of the images of the world and the way of life in the process of implementing volunteer activities. The results of the study of the empirical part also complement the work on studying the image of the world of various professional groups. In the practical activities of volunteer organizations, movements and communities, the results obtained can be used to recruit people for volunteer activities and for their rapid adaptation to the activity. The obtained data can be used to more accurately guide volunteers in the process of their psychological support, as well as to develop their psychological readiness for activity and lead a volunteer lifestyle, as well as to retain people in this type of activity.

Keywords: activity, image of a volunteer, lifestyle, image of the world, nuclear layer of the image of the world, semantic layer of the image of the world, perceptual layer of the image of the world

For citation: Kalita, V. V., Flakh, Ya. I. (2025). The Image of the World and the Image of the Lifestyle of the Active Volunteerism Participants. In: *Psychological Sciences*, 3, 104-121. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-104-121>.

ВВЕДЕНИЕ

Возрождение, активное развитие и изучение добровольчества (волонтёрства) в постсоветское время в нашей стране началось с 1990-х годов. В настоящее время в Российской Федерации в добровольчество (волонтёрство) вовлечены миллионы людей, осуществляющие деятельность как самостоятельно, так и в составе добровольческих (волонтёрских) организаций. По данным ВЦИОМ на 9 декабря 2024 года, 73% россиян уча-

ствовали в благотворительной деятельности за последние 4–5 лет и 74% хотели бы участвовать в будущем, и только 20% респондентов не хотели бы заниматься благотворительностью¹. В связи с активным вовлечением людей в данный вид деятельности актуальными проблемами для специализированных некоммерческих организаций (НКО) и руководите-

¹ ВЦИОМ. Данные исследований. 09.12.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2024> (дата обращения: 03.02.2025).

лей проектов являются процесс набора и удержания людей в этом виде деятельности. Часто неэффективная организация деятельности добровольцев (волонтёров), заключающаяся в неравномерном распределении функций между участниками добровольчества (волонтерства), а также нерациональным использованием человеческих ресурсов, приводят к усталости, быстрому эмоциональному выгоранию и конфликтам среди добровольцев (волонтеров). Эти обстоятельства связаны с недостаточной изученностью эмоционально-волевой, ценностно-смысловой сфер личности добровольца (волонтера), особенностей свойств его личности, структурно-функциональных характеристик добровольческой (волонтерской) деятельности, и особенностей внутригрупповых взаимоотношений.

Также следует отметить недопонимание социумом специфики добровольчества (волонтерства) как феномена. В 2020 г. в рамках образовательных наук проведено исследование отношения к добровольческой (волонтерской) деятельности в общественном сознании россиян и представлениях об образе (добровольцев) волонтеров. По результатам этого исследования авторами отмечен в целом позитивный характер отношения к данной деятельности и большой пробел в знаниях о сути и специфике добровольческого (волонтерского) движения, в сознании людей, не вовлечённых в данный вид деятельности [2]. Такое положение сохраняется и сегодня, но встречается реже. По результатам нашего исследования, с внешним недопониманием в своей деятельности добровольцы (волонтеры) сталкиваются в 10,4% обстоятельств, а с внешним отрицательным отношением – в 8,7% случаях. Несмотря на большое количество работ, посвящённых исследованию добровольчества (волонтерства), особый добровольческий (волонтерский) образ жизни людей, вовлечённых в дан-

ный вид деятельности, и связанный с ним взаимно детерминирующий образ мира, пока не изучались. Ввиду особой специфики добровольческой (волонтерской) деятельности было бы полезно взглянуть на неё глазами самих участников, попытаться не из вне, наблюдая и оценивая, а изнутри раскрыть смысл происходящего, что позволит составить более объёмную картину данного феномена [3]. В связи с вышеизложенным, актуальность исследуемой темы обусловлена запросами практики и отсутствием в изучении добровольчества (волонтерства) работ, направленных на совместное изучение и описание образа мира и образа жизни добровольцев (волонтеров), являющихся непосредственными участниками данного вида деятельности.

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Центральной идеей интегративного образа реальности является созданная А. Н. Леонтьевым концепция образа мира, согласно которой образ мира представляет собой многомерное психологическое образование, являющееся для человека индивидуальной субъективной (опосредованной психологическим отражением) картиной окружающего мира. Введение понятия «образ мира», по мнению С. Д. Смирнова, позволяет рассматривать процесс познания субъекта как единый процесс чувственного и рационального познания [4].

В психологии большое количество исследований направлено на изучение внутреннего мира человека и изменений личности в процессе осуществления деятельности. Важнейшим регулятором деятельности, по мнению Е. А. Климова, является «образ мира», так под влиянием деятельности и в зависимости от рода деятельности у субъекта меняется отношение к собственной жизни и миру. Образ мира является представлением субъекта о мире,

о себе, об обществе и складывается на основе ограниченного жизненного опыта [5].

В своих исследованиях Е. Ю. Артемьева выявила и описала специфику образа мира человека, формирующегося под влиянием определённой профессиональной деятельности. Субъекты деятельности, принадлежащие разным профессиональным группам, имеют особые способы построения образов объектов внешнего мира и имеют особые представления о мире в целом; таким образом, профессиональный компонент субъективного опыта является одной из составляющих образа мира [6].

В. П. Серкин отмечает, что при освоении профессиональной деятельности в структуре перцептивного слоя образа мира развиваются и формируются неосознаваемые ранее признаки, отношения; появляется новое понимание характеризующееся развитием структуры предметной области, более тонкое и чёткое; так шоффер начинает слышать различные режимы работы двигателя, отделочник начинает видеть различные нарушения стыковки обоев и т. д. Ю. К. Стрелков характеризует это «проявлением нового объекта» в перцептивном мире [7, с. 80].

По мнению В. П. Серкина, устойчивые деятельностные функциональные подсистемы образа мира субъекта формируются не только в профессиональной, но в результате любой другой деятельности человека [8]. Описание образа мира бесполезно без описания его генезиса (того, как он сформировался) и его влияния на жизнь субъекта. Формирование образа мира детерминировано личной историей деятельности, обретённым опытом и усвоенными понятиями, в том числе в профессиональной деятельности [7].

Ю. К. Стрелков определяет образ мира как понятие, которое описывает психологическую жизнь субъекта в целом и показывает его взаимодействие с внешним миром, где структурируется его индивидуальный опыт [9].

Е. Ю. Артемьева выдвинула идею о наличии структуры, участвующей в формировании, изменении, а также регуляции «образа мира», которую автор охарактеризовал «субъективным опытом», несущим в себе следы всей предыстории психической жизни человека. Структура субъективного опыта, состоящая из трёх слоёв: перцептивного мира, картины мира и образа мира (в узком смысле), организующая эти следы, является регулятором и строительным материалом «образа мира» [6]. Организацию при построении образа показывает послойная система, а проследить генез помогает поуровневая структура.

Е. Ю. Артемьевой, Ю. К. Стрелковым, В. П. Серкиным была представлена трёхслойная модель «образа мира» [10]. Данная модель состоит из слоёв: перцептивный – поверхностный слой «образа мира» составленный из восприятия и представления множества объектов, окружающих субъекта; отличительная особенность слоя – его модальность; семантический – промежуточный слой, состоящий из совокупности субъективных отношений к объектам, включающих в себя значения и смыслы; ядерный – глубинный слой или слой амодальных структур, образующихся при обработке семантического слоя, который состоит из личностных мотивов и смыслов, ценностей личности.

Исследованием образа мира и образа жизни субъектов различных профессиональных групп занимались: В. А. Пономаренко, Ю. К. Стрелков – изучение лётного труда и описание образа мира лётчика, О. В. Истомина – исследование образа мира моряков, В. А. Шиман – исследование категориальной структуры образа мира врача, П. Р. Юсупова – психологические особенности профессионального образа мира директоров, Н. В. Бондарчук – исследование психологического содержания старательского труда, С. В. Шунькова – исследование

особенностей образа мира и образа жизни геологов и др.

В актуальных на сегодняшний день исследованиях, посвящённых изучению добровольчества (волонтёргства), представлены работы, направленные на изучение внешних представлений об образе добровольца (волонтера), изменений в представлениях о добровольчестве (волонтерстве) во времени на уровне семантических ассоциаций [2; 11; 12; 13]. Исследования Е. С. Азаровой, М. С. Яницкого, М. А. Балер, А. Е. Воробьёвой, С. И. Скипор, М. В. Певной, Т. А. Поповой, Ю. С. Черкасовой, О. В. Бубновской, У. П. Кретовой и др. направлены на изучение мотивов, смысложизненных, ценностных ориентаций, личностных характеристик добровольцев (волонтеров), составляющих глубинный, ядерный слой образа мира. Эффекты добровольчества (волонтерства) на уровне перцептивного слоя изучены в исследованиях А. Е. Воробьёвой, С. И. Скипор, Л. Моравского, А. Окулич-Козарина, М. Стрелецкой, А. Шульхоффа, А. Дюкхарта и др. [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20].

В рамках психологической науки имеются немногочисленные исследования, описывающие образ мира специалистов из различных областей профессиональной деятельности; однако исследований, направленных на выявление и описание образа мира добровольца (волонтера), нами не обнаружено. В связи с этим возникает потребность изучения природы психической деятельности добровольцев (волонтеров) через исследование их образа мира во взаимосвязи со всей системой реализуемых субъектом деятельности, где образ мира функционирует, развивается и изменяется, – т. е. через индивидуальный образ жизни.

Целью исследования является совместное изучение и описание образа мира и образа жизни добровольцев (волонтеров), а именно перцептивного, ядерного и семантического слоёв, составляющих

образ мира и образ жизни участников добровольчества (волонтерства) на основании трёхслойной модели описания образа мира, предложенной Е. Ю. Артемьевой, В. П. Серкиным, Ю. К. Стрелковым [10].

В рамках исследования применялись следующие методы: для исследования ядерного слоя были использованы стандартизованные методики «Смысложизненные ориентации» (СЖО) в модификации Д. А. Леонтьева, «Уровень субъективного контроля» (УСК) в модификации Е. Ф. Бажина, «Ценностные ориентации» М. Рокича; исследование семантического слоя осуществлялось с помощью «Семантических дифференциалов» (СД) с bipolarными шкалами оценивания В. П. Серкина [1]; исследование перцептивного слоя проведено посредством анкетирования. Сбор данных осуществлялся в группе добровольцев (волонтеров) путём заполнения методик через Google-forms.

Для качественной и количественной обработки данных использовались: метод расчёта семантических универсалий по 90% интервалу [21]; статистические методы обработки данных – факторный и корреляционный анализы – были проведены в программе SPSS 20.

Выборку составили добровольцы (волонтеры) различных добровольческих (волонтерских) организаций и движений, а также самостоятельные волонтеры, осуществляющие деятельность на территории России, живущие в следующих городах Российской Федерации: Архангельск, Белгород, Брянск, Великий Новгород, Вичуга, Владивосток, Волгоград, Зеленогорск, Екатеринбург, Златоуст, Иваново, Иркутск, Киров, Красногорск, Курск, Кызыл, Межгорье, Москва, Нижний Новгород, Новокузнецк, Новозыбков, Новосибирск, Ногинск, Олонец, Орёл, Пермь, Петропавловск-Камчатский, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Сочи, Томск, Троицк, Ульяновск, Челябинск,

Череповец, Чудово, Ярославль и др. Всего в исследовании приняли участие 197 добровольцев (волонтёров), оказывающих помочь следующим категориям благополучателей: взрослым, детям, пожилым, военным (СВО), инвалидам, больным, ветеранам; волонтёры, ориентированные на помочь животным, экологии и природе; выборку респондентов составили 42 мужчины и 155 женщин. Такое распределение является нормальным для Московского региона, так среди столичных добровольцев (волонтёров) свыше 80 процентов — женщины¹. Средний возраст респондентов составил 35 лет. Средний стаж добровольческой (волонтёрской) деятельности по группе — 4,6 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В результате исследования перцептивного слоя образа мира и образа жизни добровольцев (волонтёров) был определён период участия в деятельности, представленный временным отрезком от одного месяца до сорока лет; большая часть участников исследования 54,82% (N=108) имеет стаж добровольческой (волонтёрской) деятельности пять лет. Участники исследования задействованы в разных направлениях добровольчества (волонтёрства) и оказывают помочь следующим категориям благополучателей: большее число участников исследуемой группы помогают взрослым 20%, (N=39) и детям 19%, (N=37), 16% (N=32) стараются оказать помочь всем категориям нуждающихся, 15%, (N=29) помогают пожилым, 10%, (N=19) животным, 8%, (N=15) военнослужащим (СВО) и ветеранам, 5%, (N=10) инвалидам, 4%, (N=9) являются добровольцами (волонтёрами) в сфере экологии; больным помогают 3%, (N=7) респондентов.

В основном добровольцы (волонтёры) исследуемой группы принимают участие

в различного рода благотворительных мероприятиях, направленных на оказание помощи нуждающимся группам граждан, животным и природе, всего 26,4% (N=52). В мероприятиях направленных на сбор средств и гуманитарной помощи участвуют 20,3% (N=40) человек. В оказании разносторонней помощи (помогаю всем, помогаю везде, разная, смешенная помощь) деятельность ведут 17,77% (N=35) участников исследования; в кураторстве и наставничестве задействовано 10,66% (N=21); адресной и бытовой помощью заняты 9,14% (N=18) добровольцев (волонтёров); помогают в учреждениях таких как госпитали, больницы, приюты 7,61% (N=15) добровольцев (волонтёров); изготавлением изделий, в основном для нужд СВО, заняты 4,06% (N=8); оказывают консультационную и психологическую помощь 2,54% (N=5) из группы; интеллектуальной и онлайн-помощью заняты 1,52% (N=3) участников исследования.

Круг получателей помощи, перечень и направления осуществляющей деятельности достаточно широки. В результате ведения добровольческой (волонтёрской) деятельности и накопления опыта участники исследования отмечают развитие в себе альтруистических (направленность на других людей) и этических ценностей (ответственность), развиваются навыки коммуникации (опыт общения).

Добровольцы (волонтёры) отмечают ряд недостатков в организации процесса добровольческой (волонтёрской) деятельности и переживают трудность участия в деятельности, связанную с усталостью и выгоранием.

С процессуальными трудностями организационного характера ведения деятельности сталкивается $\frac{2}{3}$ участников исследования; помимо вышеупомянутых затруднений, добровольцы (волонтёры) в своей работе сталкиваются с недопониманием и внешним отрицательным отношением со стороны окружающих; респонденты отмечают

¹ Мосволонтер. URL: <https://mosvolonter.ru> (дата обращения: 03.02.2025).

нехватку времени, трудности в коммуникациях в коллективе и с подопечными; участники исследования отметили высокую эмоциональную (огорчения, расставания, потери) и физическую нагрузки. Несмотря на все трудности ведения добровольческой (волонтёрской) деятельности участники исследования довольны своей вовлечённостью в неё, они получают моральное удовлетворение от полученных результатов и от возможности помогать и быть нужными и полезными обществу, получают большое количество положительных эмоций, возможность развития, и профессиональной самореализации, приобретают опыт коммуникаций и новые знакомства; всё это мотивирует их к дальнейшему участию в деятельности.

Результатами исследования ядерного слоя образа мира и образа жизни добровольцев (волонтёров) стало определение ведущего мотива деятельности в группе добровольцев (волонтёров). Большая часть участников исследования имеет внутреннюю мотивацию – 56,35%, ($N=111$) представленную духовно-нравственными ценностями, включающую такие ценностные ориентации как: альтруистическая направленность, заключающаяся в желании помочь, внутренние чувства, принципы и убеждения, и стремлением к самореализации. Внешняя мотивация – 43,65%, ($N=86$) представлена социально положительным примером других людей (другие добровольцы (волонтёры), семья, коллеги, друзья, соседи), внешним благополучием (ситуация в стране и мире, будущее) и мотивом нематериальной благодарности (положительные отзывы, баллы, учёт количества часов участия в деятельности, количества выполненных добрых дел).

Результаты методик «СЖО», «УСК» и «Ценностных ориентаций» позволили выявить достаточно высокие показатели по всем жизненным сферам: добровольцы (волонтёры) достаточно хорошо

управляют собственной жизнью, ставят перед собой цели и задачи, успешно их достигают, они нацелены на достижения в будущем; характеристика удовлетворённости жизнью также имеет высокие показатели (табл. 1).

В уровнях контроля над различными областями жизни (табл. 2) участники исследования имеют средние показатели, т. е. несут ответственность по разным областям жизнедеятельности наравне с окружающими. Низкий показатель выявлен в области производственных отношений, где респонденты проявляют недостаточную активность; в области достижений показатель достаточно высокий, что говорит об их высокой активности и способности успешно действовать и добиваться поставленных целей.

Ценностные ориентации добровольцев (волонтёров) представлены их направленностью на развитие, познание и профессиональную самореализацию; волонтёры высоко ценят собственную жизнь; важными для них являются альтруистические, этические и ценности общения, подчёркивающие их направленность на принятие других людей (табл. 3).

Семантический слой образа мира и образа жизни добровольцев (волонтёров) представлен рядом характеристик образов, сведённых в семантические универсалии (табл. 4).

Групповая семантическая универсальность, описывающая «образ добровольцев (волонтёров)» представлена достаточно большим количеством понятий, выведенных по 90% интервалу. Участники исследования характеризуют себя с позиции профессиональных навыков и компетенций (образованный, способный, знающий, умелый, компетентный, опытный и т. д.), отношением к труду и деятельности (выполняющий, решающий проблемы, добросовестный, работоспособный, инициативный и т. д.), направленностью на принятие других (помогающий, неравнодушный, внимательный, бескорыстный и

Таблица 1 / Table 1

Смысложизненные ориентации группы добровольцев (волонтёров) / Meaningful life orientations of a group of volunteers

Критерий сравнения	Общий показатель	Цели в жизни	Процесс жизни	Результат жизни	Локус контроля - Я	Локус контроля - жизнь
Результат	110,24	35,26	31,54	27,26	22,33	33,19
Стандартные значения	103,10+/- 15,03	32,90+/- 5,92	31,09+/- 4,44	25,46+/- 4,30	21,13+/- 3,85	30,14+/- 5,80

Таблица 2 / Table 2

Профиль добровольцев (волонтёров) по показателям теста УСК / The profile of the volunteers according to the indicators of the USK test

Шкалы	Стены									
	Экстернальность ↔ Интернальность									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Общая				4,1						
В области достижений						6				
В области неудач				4,2						
В семейных отношениях					5,4					
В производственной деятельности			3,5							
В межличностных отношениях					5					
В отношении здоровья и болезни				4,4						

Таблица 3 / Table 3

Иерархия ценностных ориентаций добровольцев (волонтёров) по убыванию значимости / Hierarchy of value orientations of volunteers presented in descending order of importance

Терминальные ценности	Средн. знач.	Ранг	Инструментальные ценности	Средн. знач.	Ранг
Здоровье	4,1	1	Ответственность	5,3	1
Любовь	7,6	2	Жизнерадостность	6,5	2
Уверенность в себе	7,9	3	Честность	7,1	3
Развитие	8	4	Образованность	7,7	4
Счастливая семейная жизнь	8,2	5	Рационализм	8,1	5
Свобода	8,4	6	Самоконтроль	8,3	6
Познание	8,5	7	Широта взглядов	8,4	7
Материально обеспеченная жизнь	8,7	8	Исполнительность	8,5	8
Жизненная мудрость	9	9	Воспитанность	8,6	9
Активная деятельная жизнь	9,3	10	Терпимость	9,3	10
Продуктивная жизнь	9,5	11	Чуткость	9,4	11

Таблица 3 (окончание)

Интересная работа	9,8	12	Независимость	9,7	12
Наличие хороших и верных друзей	10,4	13	Аккуратность	10,4	13
Общественное призвание	10,9	14	Эффективность в делах	11,1	14
Творчество	11,8	15	Смелость в отстаивании своего мнения, взглядов	11,2	15
Счастье других	12,2	16	Твёрдая воля	11,3	16
Красота природы и искусства	12,6	17	Высокие запросы	15	17
Развлечения	14,5	18	Непримиримость к недостаткам в себе и других	15,6	18

Таблица 4 / Table 4

Групповые семантические универсалии по 90% интервалу, составляющие описание образа добровольца (волонтёра), образа жизни и деятельности / Group semantic universals in the 90% interval that make up the description of the image of a volunteer, lifestyle and activity

«Образ добровольца (волонтёра)»	«Образ жизни»	«Деятельность»
ответственный (2,57)	понимающий (2,53)	легальная (2,72)
помогающий (2,54)	дружеский (2,52)	помогающая (2,64)
развивающийся (2,53)	истинный (2,47)	социальная (2,62)
образованный (2,53)	миролюбивый (2,47)	связанная с людьми (2,60)
выполняющий (2,53)	настоящий (2,46)	хорошая (2,58)
способный (2,52)	ответственный (2,46)	практическая (2,57)
решающий проблемы (2,44)	уважительный (2,46)	осмыщенная (2,57)
неравнодушный (2,44)	достойный (2,43)	интересная (2,56)
добросовестный (2,44)	положительный (2,41)	ответственная (2,56)
полезный (2,42)	добрый (2,41)	коммуникабельная (2,54)
знающий (2,42)	нравственный (2,34)	добровольная (2,52)
умелый (2,42)	активный (2,31)	активная (2,51)
работоспособный (2,41)	весёлый (2,31)	официальная (2,50)
гуманный (2,39)	интересный (2,27)	развивающая (2,49)
активный (2,38)	творческий (2,26)	одобряемая (2,47)
компетентный (2,38)	осмысленный (2,25)	результативная (2,45)
целеустремлённый (2,34)	счастливый (2,25)	личностно значимая (2,38)
инициативный (2,33)	открытый (2,21)	разнообразная (2,36)
внимательный (2,31)	комфортный (2,19)	значимая (2,35)
заинтересованный (2,31)	насыщенный (2,17)	удачная (2,35)
востребованный (2,29)	подвижный (2,13)	интенсивная (2,35)
опытный (2,29)	–	востребованная (2,33)
умный (2,28)	–	–

Таблица 4 (окончание)

эффективный (2,28)	-	-
подготовленный (2,24)	-	-
практик (2,23)	-	-
бескорыстный (2,23)	-	-
квалифицированный (2,23)	-	-
уважаемый (2,22)	-	-
уверенный (2,21)	-	-

* в скобках указан вес переменной

т. д.). Всего в универсалию вошли 30 характеристик.

В групповую семантическую универсалию описания образа жизни попало 21 понятие; в неё вошли определения, характеризующие положительные установки участников исследования к окружающему миру и людям (дружеский, миролюбивый, уважительный, добрый и т. д.), активность и динамичность жизни (активный, насыщенный, подвижный и т. д.).

Групповая семантическая универсальность, описывающая добровольческую (волонтёрскую) деятельность, состоит из понятий, характеризующих её с позиции направленности на других людей и общество (социальная, помогающая, связанная с людьми, коммуникабельная), подчёркивает официальный и добровольный характер (легальная, официальная, добровольная), является разнообразной и положительно оцениваемой участниками исследования (интересная, развивающая, хорошая, значимая, удачная). Подчёркивается значимость деятельности (значимая, лично значимая, востребованная).

На основании полученных семантических универсалий с помощью факторного анализа были выведены четыре положительные структурно-содержательные характеристики образов (табл. 5).

Факторная структура образа добровольца (волонтёра), представлена такими категориями (факторами) как: опытный –

эффективный; неравнодушный – гуманный; активный – решающий проблемы; ответственный – выполняющий. Выявленные категории подтверждают 68,33% дисперсии. Свой образ участники исследования характеризуют с позиции наличия достаточного опыта, знаний и умений, эффективностью в работе, отмечают ценность выполняемого дела, ответственным отношением к деятельности, наличием у них альтруистических качеств, направленностью на принятие других людей. Добровольцы (волонтёры) являются активными и уверенными, способными решать проблемы и стремящимися к профессиональной самореализации. Отмечают в описании своего образа этические ценности, характеризующиеся высоким чувством долга и умением держать слово – ответственностью.

Выявлены три положительные структурно-содержательные категории образа жизни добровольцев (волонтёров), объясняющие 62,33% дисперсии: уважительный – нравственный, насыщенный – интересный, открытый – весёлый. Выявленные категории дополняют описание семантической универсалии следующими смыслами, свой образ жизни участники исследования характеризуют с позиции ценностей принятия других входящими в состав этических ценностей и представленные понятиями: ответственный, уважительный, миролюбивый, понимающий. Добровольцы (волонтёры) жизнерадостны, важной для них явля-

Таблица 5 / Table 5

Факторные структуры описания образа добровольца (волонтера), образа жизни и деятельности / Factor structures describing the image of a volunteer, lifestyle, and activity

Категория образа	Факторы			
	1	2	3	4
«Образ добровольца (волонтера)», стимул «свой образ» 68,33% дисперсии	Опытный – Эффективный 0,859 опытный 0,788 подготовлен. 0,736 знающий 0,705 эффективный 0,685 встре- бован. 0,638 уважаемый 0,612 полезный 0,609 умелый	Неравнодушный – Гуманный 0,755 заинтересован. 0,709 бескорыстный 0,689 нерав- нодушный 0,626 вниматель- ный 0,593 инициативный 0,574 гуманный 0,551 добросовестный 0,524 развивающийся 0,493 рабо- тоспособен.	Активный – Решающий проблемы 0,713 практик 0,644 активный 0,622 ре- шающий проблемы 0,513 уверенный 0,472 способный	Ответственный – Выполняющий 0,832 ответствен- ный 0,634 выпол- няющий 0,486 ком- петентный 0,456 квалифициров. 0,472 способный
«Образ жизни, стимул «свой образ жизни» 62,33% дисперсии	Уважительный – Нравственный 0,767 уважительный 0,754 миролю- бивый 0,700 ответственный 0,696 нравственный 0,699 добрый 0,658 настоящий 0,649 понимающий 0,590 положи- тельный 0,586 истинный	Насыщенный – Интересный 0,740 комфортный 0,716 на- сыщенный 0,694 осмыслен- ный 0,690 интересный 0,650 достойный 0,453 творческий	Открытый – Веселый 0,799 открытый 0,731 веселый 0,507 активный 0,530 дру- жеский 0,435 под- виговый	–
«Деятельность», стимул «своя деятельность» 66,61% дисперсии	Одобряемая – Добровольная 0,823 удачная 0,793 хорошая 0,701 одобряемая 0,650 доброволь- ная 0,611 интересная 0,556 востребованная 0,532 помо- гающая 0,517 осмыщенная 0,501 результативная 0,441 личностно знач.	Разнообразная – Значимая 0,833 разнообразная 0,639 значимая 0,592 развивающая 0,548 ответственная 0,541 интен- сивная	Легальная – Коммуникабельная 0,718 легальная 0,709 коммуникабельная 0,703 активная 0,655 связанная с людьми	Социальная – Активная 0,718 социальная 0,703 активная 0,655 связанные с людьми

ется ценность общения, представленная понятиями: весёлый, дружеский, открытый. Жизнь участников исследования характеризуется полнотой и эмоциональной насыщенностью, их жизнь интересна, они считают её осмысленной и достойной.

В описании образа деятельности выделены четыре положительные структурно-содержательные категории (факторы), которые объясняют 66,61% дисперсии: одобряемая – добровольная, разнообразная – значимая, легальная – коммуникабельная, социальная – активная. Категории позволяют дополнить семантическую универсалию следующими смыслами: свою деятельность добровольцы (волонтёры) описывают с позиции направленности на профессиональную самореализацию и развитие; она для них является интересной и результативной, характеризуется постоянной работой над собой, физическим и духовным самосовершенствованием. Активная деятельность говорит о полноте и насыщенности жизнедеятельности; в описании также присутствуют этические ценности, представленные понятием «ответственность»,

которое говорит о развитым чувстве долга, добровольческая (волонтерская) деятельность направлена на людей (помогающая), является социально одобряемой и официальной, носит добровольный характер, для участников исследования она осмысленная и личностно значимая.

Для выявления взаимосвязей в описаниях образа мира, образа жизни и деятельности был проведён корреляционный анализ и определены статистически значимые понятия (табл. 6).

Итогом проведённого корреляционного анализа стало выявление взаимосвязей понятий, используемых участниками исследования для описания образов мира, жизни и деятельности на уровне семантического слоя (рис. 1).

Корреляционная структура представлена пятнадцатью взаимосвязанными характеристиками, имеющими между собой сильные корреляционные связи значений. Самыми нагруженными характеристиками по количеству связей являются: «образ добровольца (волонтера)» – квалифицированный ($N=14$), умелый ($N=14$), способный ($N=13$), активный ($N=12$), ответственный ($N=12$),

Таблица 6 / Table 6

Статистически значимые понятия, составившие взаимосвязи описания образа добровольца (волонтера), образа жизни и деятельности / Statistically significant concepts that form the interrelation of the description of the image of a volunteer, lifestyle, and activity

«Образ добровольца (волонтера)»	«Деятельность»	«Образ жизни»
квалифицированный**	активная**	активный**
способный**	помогающая**	достойный**
компетентный**	-	открытый**
образованный**	-	понимающий**
активный**	-	-
знающий**	-	-
ответственный**	-	-
умелый**	-	-
востребованный**	-	-

** уровень значимости $p \leq 0,01$

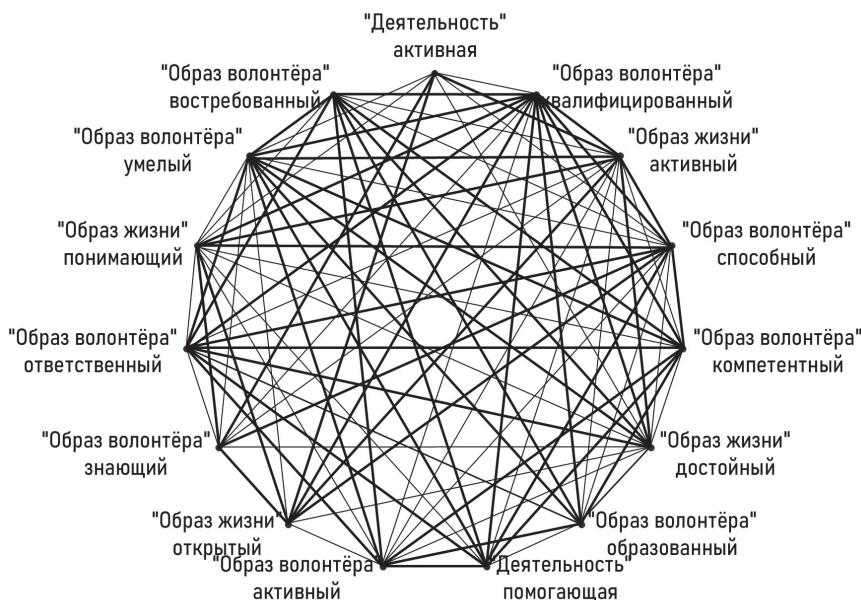

Рис. 1 / Fig. 1. Структура положительных взаимосвязей описания образа добровольца (волонтера), образа жизни и деятельности / The structure of positive relationships describing the image of a volunteer, lifestyle, and activity

компетентный ($N=11$), востребованный ($N=11$), образованный ($N=10$); «деятельность» – помогающая ($N=10$); «образ жизни» – активный ($N=14$), достойный ($N=13$), понимающий ($N=13$).

Таким образом, результаты анализа демонстрируют, что свой образ добровольца (волонтера) участники исследования характеризуют с позиции наличия достаточного опыта и квалификаций, эффективностью в работе и ценностью выполняемого дела, ответственным отношением к деятельности, наличием альтруистических качеств и направленностью на принятие других людей. Участники исследования являются активными и уверенными, способными решать проблемы и стремящимися к профессиональной самореализации.

Респонденты отмечают в описании своего образа этические ценности, которые представлены ответственностью и высоким чувством долга. Свой образ жизни добровольцы (волонтеры) характеризуют

с позиции направленности на других (уважительный, миролюбивый, понимающий) и ответственностью. Они жизнерадостны; важной для них является ценность общения, представленная понятиями: весёлый, дружеский, открытый. Жизнь участников исследования характеризуется полнотой и эмоциональной насыщенностью, их жизнь интересна, они считают её осмысленной и достойной. Свою деятельность добровольцы (волонтеры) описывают как активную и направленную на других (помогающая). «Помогающая» деятельность связана с «понимающим» образом жизни, что говорит о направленности деятельности участников исследования на других и основанной на альтруистических ценностях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ результатов эмпирического исследования образа мира и образа жизни добровольцев (волонтеров), направленного на выявление и описание структурно-содержательных характери-

стик слоёв образа мира, образа жизни и деятельности позволил выявить следующие.

На уровне перцептивного слоя были выявлены следующие особенности. Деятельность добровольцев (волонтёров) является достаточно разнообразной и ориентирована на широкий круг благополучателей; участники исследования помогают представителям разных социальных групп и категорий: взрослым, детям, пожилым, больным, инвалидам, участникам специальной военной операции; помогают животным и природе. Волонтёры учувствуют в благотворительных мероприятиях (сбор средств, участие в благоустройстве, мероприятиях по сохранению окружающей природы), заняты сбором и отправкой гуманитарной помощи, помогают в больницах, госпиталях и приютах, занимаются адресной и бытовой помощью, оказывают консультационные услуги, изготавливают изделия такие как сети, тактические носилки, пошив одежду и др.

В своей деятельности респонденты отметили ряд трудностей, связанных с недостатками в организации добровольческой (волонтёрской) деятельности, внешним непониманием и отрицательным отношением со стороны окружающих, отмечают нехватку времени, усталость и выгорание. Вместе с тем, добровольцы (волонтёры) довольны своим участием в деятельности, так как удовлетворяется их желание помогать, расширяется круг знакомств, оттачиваются навыки коммуникации, развиваются альтруистические и этические качества и ценности, они получают большое количество положительных эмоций и дальнейшую мотивацию к ведению деятельности.

В ядерном слое образа мира и образа жизни можно выделить достаточно высокие показатели осмыслинности жизни; результаты говорят о хорошей управляемости собственной жизнью и удовлетворённостью её результатами; добровольцы (волонтёры) ставят перед собой цели, которые с успехом достигают, считая, что и

в будущем способны успешно решать и достигать поставленных задач и целей. В иерархии ценностных ориентаций участников исследования приоритетными являются этические ценности, ценности общения и дела; респонденты высоко ценят собственную личную жизнь, направлены на развитие и профессиональную самореализацию; также важными для них являются альтруистические ценности, заключающиеся в направленности на принятие других людей. Показатели уровня субъективного контроля по ряду жизненных сфер имеют средние значения. Респонденты готовы нести ответственность наравне со всеми. В производственных отношениях участники исследования более пассивны. Область достижений имеет высокие показатели: здесь участники исследования проявляют высокую активность и успешно добиваются поставленных целей. Эти тенденции подтверждаются результатами методики смысложизненных ориентаций.

Изучение семантического слоя позволило выявить факторную структуру образов. Образ добровольца (волонтёра) представлен категориями: опытный – эффективный, неравнодушный – гуманный; активный – решающий проблемы; ответственный – выполняющий. Образ жизни представлен категориями: уважительный – нравственный; насыщенный – интересный; открытый – весёлый. Образ деятельности: одобряемая – добровольная; разнообразная – значимая; легальная – коммуникальная; социальная – активная.

Наиболее частыми дескрипторами всех образов являются характеристики «активность» и «ответственность», позволяющие предположить, что респонденты воспринимают свою жизнь активной, полной и эмоционально насыщенной, а себя как людей с высоким уровнем социальной ответственности, стремящихся к профессиональной самореализации в соответствии с этическими нормами и правилами.

Результаты проведённого исследования дополняют имеющийся на сегодняшний день теоретический материал в области психологических исследований феномена добровольчества (волонтёрства). Данные исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения добровольческой (волонтёрской) деятельности, а также в исследованиях, направленных на изучение психологических особенностей других социальных групп и сообществ. Полученные данные могут быть использованы в практической деятельности добровольческих (во-

лонтёрских) организаций, движений и сообществ при решении задач набора людей в добровольческую (волонтёрскую) деятельность, их скорейшей адаптации в деятельности. Также полученные результаты помогут в проведении психологического индивидуального и группового консультирования людей, вовлечённых в добровольчество (волонтёрство) с целью профилактики выгорания, предотвращения конфликтных ситуаций, уменьшения напряжённости в деятельности и её продуктивного осуществления.

ЛИТЕРАТУРА

- Серкин В. П. Специализированные семантические дифференциалы для оценки работы, профессии и профессионала // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 11–29.
- Егоркина С. М., Володин В. О. Образ российского волонтера в общественном сознании // Материалы Университетской студенческой научно-практической конференции Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского (Калуга, 22–23 апреля 2021 года). Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 2021. С. 69–77.
- Корнеева Е. Л. Основные направления исследования волонтёрской деятельности // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 1. С. 131–141.
- Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология. 1981. № 3. С. 15–28.
- Климов Е. А. Об образе мира у представителей разнотипных профессий // Психологическое обозрение. 1995. № 1. С. 26–30.
- Артемьева Е. Ю., Урунтаева Г. А. Изучение структур субъективного опыта в условиях неопределённых методик // Мысление, общение, опыт. Ярославль: Ярославский государственный университет, 1983. С. 108–118.
- Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. № 4 (60). С. 109–119.
- Серкин В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 4. С. 78–90.
- Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология. М.: Высшая школа, 2001. 360 с.
- Артемьева Е. Ю., Стрелков Ю. К., Серкин В. П. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи // Мысление. Общение. Опыт: межвузовский тематический сборник. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 1983. С. 23–29.
- Васильева И. В., Чумаков М. В. Эмоциональная составляющая образа волонтерства в представлениях студентов психолого-педагогических направлений // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. Т. 46, № 4. С. 248–271. DOI 10.11621/LPJ-23-47.
- Звездина Е. Ю., Звездина Г. П. Психосемантические особенности ментальной репрезентации образа Добровольца в представлениях молодёжи разных поколений // Психология и психотехника. 2017. № 2. С. 8–19.
- Кузнецова Д. А. Образ волонтера и особенности включения в волонтерскую деятельность людей зрелого возраста // Актуальные вопросы психологии, педагогики и экономики: сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава ВИПЭ ФСИН России / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 108–112.
- Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120–125.

15. Балер М. А. особенности и направления исследований деятельности волонтёров в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-1 (96). С. 83–86. DOI 10.24412/2500-1000-2024-9-1-83-86.
16. Воробьёва А. Е., Скипор С. И. Сравнительный анализ характеристик деятельности зооволонтеров и волонтёров, помогающих людям // Человеческий капитал. 2020. № 9 (141). С. 253–263. DOI 10.25629/HС.2020.09.23.
17. Певная М. В. Российские волонтёры третьего сектора: характеристика общности и управленические перспективы // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 1 (135). С. 145–151.
18. Попова Т. А., Мазанова А. Е. Осмысленность жизни и ответственность личности волонтёров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 21–39. DOI 10.18384/2310-7235-2021-4-21-39.
19. Morawski L., Okulicz-Kozaryn A., Strzelecka M. Elderly Volunteering in Europe: The Relationship Between Volunteering and Quality of Life Depends on Volunteering Rates (Волонтёрство пожилых людей в Европе: взаимосвязь между волонтёрством и качеством жизни зависит от уровня волонтёрства) // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2022. № 33. P. 256–268.
20. Schulhoff A., Dukehart A. Foster Grandparent Programs' Impact on the Quality-of-Life of Older Adult Volunteers (Влияние программ поддержки бабушек и дедушек на качество жизни пожилых волонтёров) // *Healthcare*. MDPI. 2025. Vol. 13. № 3. P. 230.
21. Серкин В. П. Психосемантика. М.: Юрайт, 2024. 318 с.
22. Абдуллаева М. М. Возможности психосемантического подхода для анализа профессиональной активности современных специалистов // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 2021. № 2. С. 100–122. DOI 10.11621/vsp.2021.02.06.

REFERENCES

1. Serkin, V. P. (2007). Specialized Semantic Differentials for Assessing Work, Profession, and Professional. In: *Psychological Diagnostics*, 5, 11–29 (in Russ.).
2. Egorkina, S. M. & Volodin, V. O. (2021). A Model of a Russian Volunteer in the Public Approach. In: *Proceedings of the University Student Scientific and Practical Conference of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, April 22–23, 2021*. Kaluga: Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky publ., pp. 69–77 (in Russ.).
3. Korneeva, E. L. (2015). Main Directions of Volunteer Activity Research. In: *Psychological Science and Education*, 7, 1. 131–141 (in Russ.).
4. Smirnov, S. D. (1981). The World of Images and the Image of the World. In: *Lomonosov Psychology Journal*, 3, 15–28 (in Russ.).
5. Klimov, E. A. (1995). On the Image of the World among Representatives of Different Professions. In: *Psychological Review*, 1, 26–30 (in Russ.).
6. Artemyeva, E. Yu. & Uruntaeva, G. A. (1983). Teaching Structural Formation in the Context of Uncertain Methods. In: *Thinking, Communication, Experience*. Yaroslavl, Yaroslavl State University publ. (in Russ.).
7. Serkin, V. P. (2009). The Relationship Between the Image of the World and the Way of Life. In: *World of Psychology*, 4 (60), 109–119 (in Russ.).
8. Serkin, V. P. (2012). Professional Peculiarities of the Image of the World and Way of Life. In: *Psychological Journal*, 33, 4, 78–90 (in Russ.).
9. Strelkov, Yu. K. (2001). *Engineering and Professional Psychology*. Moscow, Vysshaya shkola publ. (in Russ.).
10. Artemyeva, E. Yu., Strelkov, Yu. K. & Serkin, V. P. (1983). Description of the Structure of Derived Experience: Context and Issues. In: *Thinking. Communication. Experience: Interuniversity Thematic Collection*. Yaroslavl, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov publ. (in Russ.).
11. Vasilyeva, I. V. & Chumakov, M. V. (2023). Emotional Component in the Image of Volunteering in the Perceptions of Student Psychological and Pedagogical Observers. In: *Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*, 46, 4, 248–271 (in Russ.). DOI: 10.11621/LPJ-23-47 (in Russ.).
12. Zvezdina, E. Yu. & Zvezdina, G. P. (2017). Psychosemantic Features of Mental Representation of the Image of a Volunteer in the Concepts of Young People of Different Nations. In: *Psychology and*

- Psychotechnics*, 2, 8–19 (in Russ.).
13. Kuznetsova, D. A. (2020). The Image of a Volunteer and Features of Teacher Involvement in Volunteer Activities of Mature People. In: Nekrasov, V. N., ed. *Current Issues in Psychology, Science, and Economics: Collection of Scientific Papers of the Faculty of the VIPE FSIN of Russia*. Vologda, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service publ., pp. 108–112 (in Russ.).
 14. Azarova, E. S. & Yanitsky, M. S. (2008). Psychological Determinants of Volunteer Activity. In: *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 306, 120–125 (in Russ.).
 15. Baler, M. A. (2024). Features and Directions of Research on Volunteer Activities in the Russian Federation. In: *International Journal of Humanities and Industry Sciences*, 9-1 (96), 83–86. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-9-1-83-86 (in Russ.).
 16. Vorobyova, A. E. & Skipor, S. I. (2020). Comparative Analysis of the Characteristics of the Activities of Animal Volunteers and Volunteers Helping People. In: *Human Capital*, 9 (141), 253–263 (in Russ.). DOI: 10.25629/HC.2020.09.23.
 17. Pevnaya, M. V. (2015). Russian Volunteers of the Third Sector: Characteristics of the Community and Management Prospects. In: *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 1 (135), 145–151 (in Russ.).
 18. Popova, T. A. & Mazanova, A. E. (2021). Meaningfulness of Life and Personal Responsibility of Volunteers. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 4, 21–39 (in Russ.). DOI: 10.18384/2310-7235-2021-4-21-39 (in Russ.).
 19. Morawski, L., Okulich-Kozaryn, A. & Strzelecka, M. (2022). Volunteering of Older People in Europe: The Relationship Between Volunteering and Quality of Life Depends on the Level of Volunteering. In: *Voluntas: International Journal of Voluntary and Non-Profit Organizations*, 33, 256–268 (in Russ.).
 20. Schulhoff, A. & Dukehart, A. (2025). The Impact of Foster's Grandparent Programs on the Quality of Life of Older Volunteers. In: *Healthcare. MDPI*, 13, 3, 230.
 21. Serkin, V. P. (2024). *Psychosemantics*. Moscow, Yurait publ. (in Russ.).
 22. Abdullaeva, M. M. (2021). Potentialities of a Psychosemantic Office for Analyzing the Professional Activity of Modern Specialists. In: *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 100–122 (in Russ.). DOI: 10.11621/vsp.2021.02.06.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калита Виталий Владимирович (г. Москва) – кандидат психологических наук, доцент, заместитель декана факультета социально-гуманитарных технологий кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет);
ORCID: 0000-0003-0812-4254; e-mail: 700200@mail.ru

Флах Яна Игоревна (г. Москва) – аспирант кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет);
ORCID: 0009-0002-8284-6837; e-mail: suivre@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaliy V. Kalita (Moscow) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Deputy Dean of the Faculty of Social and Humanitarian Technologies, Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University); ORCID: 0000-0003-0812-4254; e-mail: 700200@mail.ru

Yana I. Flakh (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University);

ORCID: 0009-0002-8284-6837; e-mail: suivre@ya.ru

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-122-132

ИНТЕРАКТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И ИХ СПОСОБНОСТЬ К ПРИНЯТИЮ ДРУГИХ

Лидская Э. В.

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФНЦ ПМИ), г. Москва, Российская Федерация

e-mail: elidskaya@gmail.com

Поступила в редакцию 17.07.2025

Принята к публикации 21.07.2025

Аннотация

Цель. Выявить соотношение интерактивной направленности личности старшеклассников и их способности к принятию других.

Процедура и методы. На выборке из 89 старшеклассников проведено онлайн исследование с помощью методик: «Диагностика интерактивной направленности личности» и «Шкала принятия других А. Фейя».

Результаты исследования показали низкий уровень интерактивной направленности личности старшеклассников и, в то же время, высокий уровень их способности принимать других. Положительная корреляция между видами интерактивной направленности личности и способностью к принятию других подтвердилась только для ориентации «на взаимодействие и сотрудничество».

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в подтверждении наличия положительной и отрицательной взаимосвязей между видами интерактивной направленности личности и способностью к принятию других. Полученные данные подтверждают необходимость дополнительной работы по развитию способностей старшеклассников к интерактивным коммуникативным взаимодействиям.

Ключевые слова: Интерактивная направленность личности, коммуникативные способности, принятие других, связь, старшеклассники, уровни

Благодарности и источники финансирования. Исследование выполнено в рамках госзадания ФНЦ ПМИ «Ресурсно-прогностическая детерминация личностного и профессионального развития учащихся и педагогов как субъектов непрерывного образования: психологические основы, технологии, факторы эффективности» (FNRE-2024-0017).

Для цитирования: Лидская Э. В. Интерактивная направленность личности старшеклассников и их способность к принятию других // Психологические науки. 2025. № 3. С. 122-132. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-122-132>.

Original research article

INTERACTIVE HIGH SCHOOL PERSONALITY ORIENTATION AND STUDENTS' ABILITY TO ACCEPT OTHERS

E. Lidskaya

*Federal Scientific Center Of Psychological And Multidisciplinary Researches, Moscow, Russian Federation
e-mail: elidskaya@gmail.com*

Received by the editorial office 17.07.2025

Accepted for publication 21.07.2025

Abstract

Aim. To identify the relationship between interactive high school personality orientation and students' ability to accept others.

Methodology. The following methods were used to conduct an offline study on 89 high school students: "Diagnostics of the interactive orientation of personality" and "A. Feya's scale of acceptance of others."

Results. The study has revealed a low level of high school personality orientation and, at the same time, a high level of their ability to accept others. A positive correlation between the species of interactive orientation of the personality and the ability to accept others was confirmed only for the orientation "towards interaction and cooperation."

Research implications consist in confirming the presence of both positive and negative relationships between the types of interactive orientation of the personality and the ability to accept others. The data obtained confirms the need for additional work to develop the abilities of high school students for interactive communicative interactions.

Keywords: interactive orientation of the personality, communicative abilities, acceptance of others, interconnection, high school students, levels

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the state task of FSC PMR "Resource-Prognostic Determination Of Personal And Professional Development Of Students And Teachers As Subjects Of Lifelong Education: Psychological Foundations, Technologies, Efficiency Factors" (FNRE-2024-0017).

For citation: Lidskaya, E. A. (2025). Interactive High School Personality Orientation and Students' Ability to Accept Others. In: *Psychological Sciences*, 3, 122-132. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-3-122-132>.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из необходимых задач современной школы является такое коммуникативное развитие старшеклассников, которое должно обеспечивать способность к конструктивному, диалогическому общению [1]. Если такое общение направлено не только на обмен информации, а может выступать условием для организации совместных действий, то его называют интерактивным [2; 3 и др.]. Учитывая разные определения интерактивности, многие авторы сходятся во мнении, что под интерактивными

коммуникативными взаимодействиями следует понимать те взаимодействия, которые направлены на понимание, паритетность и сотрудничество собеседников друг с другом [4; 5 и др.]. Такие взаимодействия считаются наиболее продуктивными, т. к. способствуют расширению коммуникативной позиции (субъектности) каждого из субъектов общения и тем самым их коммуникативному и личностному развитию [6 и др.]. Ярким примером интерактивных коммуникативных взаимодействий в этом смысле является демократический (диалогический) стиль

общения, для которого характерно уважительное отношение собеседников (партнёров) друг к другу, их взаимное стремление к конструктивному диалогу в совместном решении задач и выполнении совместных действий [1]. Другим примером и в более широком смысле являются интерактивные коммуникативные взаимодействия с современными цифровыми технологиями, использующими элементы искусственного интеллекта [7; 8 и др.].

При этом следует отметить, что интерактивные коммуникативные взаимодействия могут быть направлены на реализацию разных мотивов личности. В нашем исследовании, вслед за Н. Е. Шурковой и Н. П. Фетискиным [9], Е. К. Валиуллиной [2], используя их терминологию, мы будем выделять три вида такой мотивации: «ориентация на личные (эгоистические) интересы ... ориентация на взаимодействие и сотрудничество ... ориентация на подчинение (маргинальная ориентация)» [9, с. 63].

Естественно предположить, что для того, чтобы интерактивное взаимодействие в общении состоялось, необходима так называемая способность «принимать другого/их» [10 и др.]. Данная способность выражается в признании и принятии другого как равноправного субъекта общения и взаимодействия. Это позволяет рассматривать принятие другого/их (далее будем говорить – принятие других) как показатель готовности субъекта общения к интерактивному диалогу и совместным действиям.

Понятие «принятие других» разные авторы связывают с именами основоположников гуманистической психологии К. Роджерсом [11] и А. Маслоу [10]. Но, отмечая активное использование термина «принятие других», О. А. Савельева обращает внимание на то, что феномен принятия других до сих пор ещё не получил достаточно чёткого определения и часто связывается с такими понятиями, как «эмпатия», «социальный интел-

лект», «толерантность» и «терпимость» [12, с. 133]. В то же время это понятие часто используется для описания общения в разных социальных ситуациях. Так, Е. И. Михалькова и С. А. Радченко [13] используют данное понятие для анализа коммуникативных взаимодействий в семейных отношениях. С. Г. Лещенко [14] считает, что безусловное принятие другого является важным качеством в профессиональной подготовке будущих педагогов-дефектологов. Р. И. Суннатова [15] рассматривает принятие другого как необходимое условие и показатель экологичности коммуникативного поведения педагога в общении с учащимися. Е. В. Валиуллина подчёркивает, что «Высокие показатели принятия других способствуют более конструктивному разрешению возможных межличностных конфликтных ситуаций» [10, с. 57].

Исходя из этого, целью нашего исследования стало изучение интерактивной направленности личности старшеклассников и их способности к принятию других.

Соответственно, были поставлены следующие задачи:

1) выявить уровни интерактивной направленности личности старшеклассников по каждому из видов ориентаций: «на личные (эгоистические) интересы», «на взаимодействие и сотрудничество», «на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)»;

2) выявить уровни готовности старшеклассников к принятию других;

3) установить наличие корреляционных связей между данными о способности старшеклассников к принятию других и их интерактивной направленности личности.

Наша гипотеза заключалась в предположении, что способность старшеклассников к принятию других будет положительно связана с такой интерактивной направленностью личности, как ориентация «на взаимодействие и сотрудни-

чество». С другими двумя видами интерактивной направленности – «на личные, эгоистические интересы» и «на подчинение (маргинальная ориентация)» – такая связь будет отсутствовать.

МЕТОДИКА И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для оценки способности старшеклассников к интерактивным взаимодействиям использовалась методика «Диагностика интерактивной направленности личности» (Н. Е. Щуркова в модификации Н. П. Фетискина) [9, с. 120–121]. Как отмечалось выше, в качестве показателей этой способности выделяются три вида ориентации личности в коммуникативных взаимодействиях: «на личные (эгоистические) интересы», «на взаимодействие и сотрудничество» и «на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)». Методика включает 31 вопрос, по суммарным ответам на которые определяются три уровня интерактивной направленности личности: высокий (24 балла и выше), средний (от 14 до 23 баллов) и низкий (13 баллов и меньше).-

Для оценки способности старшеклассников к принятию других была использована опросная методика «Шкала принятия других А. Фейя», состоящая из 18 суждений о себе и о других людях [16,

с. 100–102]). По итоговой сумме баллов, полученных с помощью этой методики, определяются четыре уровня индивидуальной способности к принятию других: высокий (свыше 60 баллов), средний уровень с тенденцией к высокому (от 45 до 59 баллов), средний уровень с тенденцией к низкому (от 30 до 44 баллов) и низкий (29 баллов и меньше).

В исследовании приняли участие 89 старшеклассников 9–11 классов общеобразовательной школы г. Владимира. Из них: 58 человек женского и 31 мужского пола, средний возраст – 16,24 г. Исследование проводилось онлайн.

Для статистической обработки использовались критерий Манна-Уитни и критерий Стьюдента.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ ПО МЕТОДИКЕ

«Диагностика интерактивной направленности личности»

Результаты эмпирического выявления уровней интерактивной направленности личности старшеклассников, полученные на нашей выборке, представлены на таблице 1.

Как ни удивительно, но высокий уровень по всем трём видам ориентаций интерактивной направленности личности

Таблица 1 / Table 1

Результаты эмпирического исследования интерактивной направленности личности старшеклассников, n=89 (%) / Results of an empirical study of interactive high school personality orientation, n=89 (%)

Уровни	Интерактивная направленность личности в коммуникативных взаимодействиях		
	«на личные (эгоистические) интересы»	«на взаимодействие и сотрудничество»	«на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)»
Низкий	95	67	91
Средний	5	33	9
Высокий	0	0	0

Источник: данные автора.

Таблица 2 / Table 2

Результаты Е. В. Валиуллиной по методике «Диагностика интерактивной направленности личности, n=82 (%) / E. V. Valiullina's results achieved through of use of the method "Diagnostics of the interactive orientation of personality", n=82 (%)

Уровни	Интерактивная направленность личности в коммуникативных взаимодействиях		
	«на личные (эгоистические) интересы»	«на взаимодействие и сотрудничество»	«на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)»
Низкий	36	51	88
Средний	62	46	12
Высокий	2	3	0

Источник: [2, с. 59].

никто из старшеклассников не показал. Средний уровень ориентации «на личные (эгоистические интересы)» оказался характерным лишь для 5% старшеклассников, а «на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)» – для 9%. В то время как средний уровень ориентации «на взаимодействие и сотрудничество» показал каждый третий старшеклассник – 33%.

Наиболее же характерным для старшеклассников данной выборки оказался низкий уровень интерактивной направленности личности. Этот уровень для ориентации «на личные (эгоистические) интересы» показали 95% старшеклассников, для ориентации «на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)» – 91% старшеклассников, а для ориентации «на взаимодействие и сотрудничество» почти на треть меньше – 67% старшеклассников.

Следует признать, что эти результаты оказались для нас неожиданными. Однако эмпирические данные, полученные Е. В. Валиуллиной [2] с помощью той же методики на выборке молодых людей (82 респондента от 17 до 19 лет), оказались относительно близкими к нашим результатам (см. табл. 2). Согласно этим данным, высокий уровень интерактивной направленности личности по всем видам ориентации также показало ста-

тически незначительное количество респондентов: соответственно, всего 2%, 3% и 0%. По сравнению с нашими данными (табл. 1), наиболее явное отличие респонденты этой выборки (табл. 2) демонстрируют в ориентации «на личные (эгоистические) интересы»: низкий уровень показали всего 36% респондентов, а средний уровень – 62%.

Мы полагаем, что одной из причин столь низких показателей интерактивной направленности личности, представленных в таблице 1 и таблице 2, является активное использование современными старшеклассниками и вообще молодыми людьми онлайн-общения с виртуальными собеседниками (вплоть до зависимости) вместо «живого», онлайн-общения с реальными людьми.

Значимых различий в показателях интерактивной направленности личности старшеклассников по критерию Манна-Уитни не обнаружено ни по половому, ни по возрастному признакам.

Результаты и обсуждение данных по методике «Шкала принятия других А. Фея»

Низкий уровень по методике «Шкала принятия других А. Фея» никто из старшеклассников нашей выборки не показал. Результаты по другим уровням для

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение количества старшеклассников по «Шкале принятия других А. Фейя» по всей выборке в целом и в зависимости от пола (%) / Distribution of the number of high school students according to the “A. Fei Acceptance Scale” for the entire sample as a whole and depending on gender (%)

Источник: данные автора.

всей выборки целиком и отдельно по половому признаку представлены на гистограмме (рис. 1).

Из результатов, представленных на гистограмме (рис. 1), следует, что высокий уровень принятия других показали 11% старшеклассников, средний уровень

с тенденцией к высокому – 69% и средний уровень с тенденцией к низкому – 20%. Эти данные частично соответствуют тем данным, которые получены другими авторами с помощью той же методики (Шкала принятия других А. Фейя) на студентах (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3.

Сравнительные данные по методике «Шкала принятия других А. Фейя», полученные разными авторами (%) / Comparative data on the method of “A. Fey's Scale of Acceptance of Others”, obtained by different authors (%)

	Респонденты	Низкий уровень	Средний уровень с тенденцией к низкому	Средний уровень с тенденцией к высокому	Высокий уровень
*	Старшеклассники, n=89, сред. возраст – 16,26	0	20	69	11
**	Студенты-медики, n=82, средн. возраст – 18,57	0	9	41	50
***	Студенты (будущие учителя-логопеды), n=206, возраст 1–3 курсы	24,5	54,3	9,8	11,4

*Источник: Данные автора.

** Источник: [10, с. 56].

*** Источник: [14, с. 153].

Из таблицы 3 видно, что по отсутствию низкого уровня показателей принятия других старшеклассники нашей выборки совпадают с результатами, полученными Е. В. Валиуллиной [10] на студентах-медиках (0%). Примерное соответствие наблюдается и в показателях высокого уровня готовности к принятию других, если суммировать показатели высокого уровня с показателями среднего уровня с тенденцией к высокому. Согласно нашим данным, это 80% (т. е. 69%+11%) старшеклассников, а по данным Е. В. Валиуллиной [10] – 90% (т.е. 41%+50%) студентов-медиков. Однако следует заметить, что эти данные резко расходятся с показателями, полученными С. Г. Лещенко [14] на выборке студентов-дефектологов 1–3 курсов: низкий уровень показали 24,5% студентов, высокий уровень (11%) в сумме с показателями среднего с тенденцией к высокому (9,8%) дают всего 20,8%. Такое несоответствие в показателях способности принятия других у старшеклассников и студентов-медиков, с одной стороны, и студентов-логопедов – с другой, объясняется, по всей видимости, профессиональной спецификой последних. Будущие учителя-логопеды, очевидно, понимают, что им придётся работать с особенными детьми, которые не всегда будут идти «на контакт». Может, поэтому С. Г. Лещенко отмечает, что студенты-логопеды: «часто воспринимают проявления Другого как угрозу своей индивидуальности (53,2%)» [14, с. 153] и одновременно «ограничивают ценность Другого человека, если он имеет особенности в развитии (67,8%)» [14, с. 153].

На той же гистограмме (рис. 1) полученные данные представлены и по половому признаку. Как видим, у девушек высокий уровень принятия другого показали всего 7%, в то время как у юношей этот показатель в два с половиной раза выше – 19%. Что касается низкого уровня, то он характерен примерно для одинако-

вого количества девушек и юношей: 21% и, соответственно – 19%. В целом наибольшее количество и девушек, и юношей показали средний уровень способности к принятию другого: 72% у девушек и 62% у юношей.

По критерию Манна – Уитни (U) ($U_{\text{Эмп}} = 709.5$) различия в показателях принятия других у девушек и юношей оказались статистически незначимы.

При сравнении данных, полученных для возрастных групп 15–16 лет и 17–18 лет, значимых возрастных различий по критерию Манна – Уитни (U) также не обнаружилось.

Сопоставление данных об интерактивной направленности личности старшеклассников и их способности к принятию других

Результаты ранговой корреляции (критерий Спирмена) данных, полученных нами с помощью методик «Интерактивная направленность личности» и «Шкала принятия других А. Фейя», представлены в таблице 4, где полужирным выделена значимость $p \leq 0.01$.

Из таблицы 4 видно, что достоверно значимая положительная корреляция обнаруживается только между «принятием других» и «интерактивной направленностью личности на сотрудничество» ($r_s = 0.28$, $p \leq 0.01$). Это подтверждает нашу гипотезу о том, что принятие других является необходимым условием для интерактивного взаимодействия, ориентированного на паритетность в общении и сотрудничество в совместных действиях. Дополнительным, уже косвенным подтверждением можно считать наличие отрицательной корреляции ($p \leq 0.01$) между ориентацией «на взаимодействие и сотрудничество», с одной стороны, и, с другой стороны – ориентациями «на личные (эгоистические) интересы» и «на подражание подчинение (маргинальная ориентация)»: $r_s = -0.501$ и, соответственно, $r_s = -0.686$.

Таблица 4 / Table 4

Ранговые корреляции (по критерию Спирмена) данных, полученных с помощью методики «Шкала принятия других А. Фейя» и методики «Интерактивная направленность личности» / Rank correlations (according to the Spearman criterion) of data obtained using the method "A. Faye's Scale of Acceptance of Others" and the method "Interactive Orientation of Personality"

	Интерактивная направленность личности					
	«на личные (эгоистические) интересы»		«на взаимодействие и сотрудничество»		«на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)»	
	Значение <i>t</i>	Уровень значимости	Значение <i>t</i>	Уровень значимости	Значение <i>t</i>	Уровень значимости
Принятие других	rs = -0.183		rs = 0.28	1%	rs = -0.188	
Направленность «на личные (эгоистические) интересы»			rs = -0.501	1%	rs = -0.14	
Направленность «на взаимодействие и сотрудничество»					rs = -0.686	1%

Источник: данные автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование посвящено изучению коммуникативного развития старшеклассников по таким показателям, как «виды интерактивной направленности личности» и «принятие других».

Для этого было проведено эмпирическое исследование интерактивной направленности личности старшеклассников по трём видам ориентации: «на личные (эгоистические интересы)», «на взаимодействие и сотрудничество» и «на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)», а также на способность к принятию других.

Согласно полученным результатам, интерактивная направленность личности у старшеклассников оказалась в основном на очень низком уровне. Особенно это касается ориентации «на

личные (эгоистические интересы)» – 95% старшеклассников, и ориентации «на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)» – 91%. Количество старшеклассников, показавших средний уровень по этим видам направленности, оказались на грани статистической значимости: 5% и, соответственно – 9%. При этом низкий уровень ориентации «на взаимодействие и сотрудничество» показали 67% старшеклассников, а средний уровень – 33%. Высокий уровень по всем видам интерактивной направленности никто из старшеклассников не показал. Тем не менее такие показатели частично подтверждаются другими исследованиями, что объясняется, на наш взгляд, общей тенденцией к доминированию у молодёжи онлайн-общения в ущерб общению «живому», онлайн.

В отличие от этих результатов, способность старшеклассников к принятию других оказалась на достаточно высоком уровне: 11% показали высокий уровень и ещё 69% показали средний уровень с тенденцией к высокому, т. е. суммарно 80%. Причём эти данные частично близки к результатам, полученным другими исследователями на выборках студентов.

Положительная корреляция (по критерию Спирмена) между видами интерактивной направленности личности и способностью к принятию других подтвердилась только для ориентации «на взаимодействие и сотрудничество» ($p \leq 0.01$). Корреляционная связь этого вида ориентации с такими видами интерактивной направленности личности, как ориентация «на личные (эгоистические интересы)» и «на подражание и подчинение (маргинальная ориентация)», оказа-

лась отрицательной ($p \leq 0.01$). Тем самым было получено эмпирическое подтверждение исходного предположения о том, что принятие других является необходимым условием такой интерактивности личности, которая ориентирована на взаимодействие и сотрудничество с другими.

Теоретическая значимость проведённого исследования заключается в уточнении наличия положительной и отрицательной взаимосвязей между разными видами интерактивной направленности личности, с одной стороны, и способностью к принятию других, с другой. В перспективе, полученные результаты показывают необходимость дополнительной работы по развитию коммуникативных способностей старшеклассников и особенно в направлении их способности к интерактивным, совместным взаимодействиям с другими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братченко С. Л. Диагностика личностно-развивающегося потенциала: методическое пособие для школьных психологов. Псков: Издательство ПОИПКРО, 1997. 68 с.
2. Валиуллина Е. В. Интерактивная направленность личности // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020а. Т. 1. № 3. С. 57–60.
3. Орлова М. А., Орлова А. М. Психологические особенности общения как вида деятельности: педагогическое общение // Социосфера. 2010. № 1. С. 41–46.
4. Коротаева Е. В., Андрюнина А. С. Интерактивное обучение: аспекты теории, методики, практики // Педагогическое образование в России. 2021. № 4. С. 26–33. DOI: 10.26170/2079-8717_2021_04_03.
5. Скакова А. М., Мажлис С. Н. Интерактивные методы обучения на уроках русского языка и литературы // Вестник науки. 2021. Т. 4. № 2 (35). С.60–65.
6. Пашукова Т. И. Диалог в межкультурной коммуникации и межличностном общении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 4 (808). С. 196–207.
7. Никульчев Е. В., Гусев А. А., Газанова Н. Ш. Контроль вовлечённости в интерактивное взаимодействие пользователя образовательных веб-сервисов на основе анализа реакций // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2023. Т. 19. № 2. С. 489–497. DOI: 10.25559/SITITO.019.202302.489-497.
8. Панов В. И., Рубашкин Д. Д., Кондратьева И. Н. Психодидактические предпосылки разработки цифрового учебника на базе платформы «Учим учиться» // Вестник РГФИ (гуманитарные и общественные науки). 2023. № 3. С. 100–115. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-114-03-100-115.
9. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Диагностика интерактивной направленности личности (Н. Е. Щуркова в модификации Н. П. Фетискина) // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института психотерапии. 2002. С. 59–63.
10. Валиуллина Е. В. Конфликтустойчивость и принятие других у студентов медицинского вуза в рамках компетентностного подхода // Научное обозрение. Педагогические науки. 2020б. № 4. С. 53–57.

11. Скуднова Т. Д. Гуманистические заповеди Карла Роджерса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2022. № 2 (298). С. 73–80. DOI: 10.53598/2410-3004-2022-2-298-73-80.
12. Савельева О. Е. Анализ концепции «принятие других, не осуждая» и факторы осуждающего поведения у школьников // Наука и школа. 2023. № 5. С. 127–136. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-5-127-136.
13. Михалькова Е. И., Радченко С. А. Принятие другого как отказ от абызова // European science. 2023. № 1 (65). С. 76–89.
14. Лешенко С. Е. Безусловное принятие другого в системе профессионально важных качеств будущего педагога // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 4. С. 150–154.
15. Суннатова Р. И. Личностные особенности учителей как детерминанты экологичности поведения педагогов во взаимодействии с обучающимися // Экологичность поведения: человек и окружающая среда. М.: Издательство Московского университета, 2025. С. 81–93.
16. Лабунская В. А., Менджелиева Ю. А. Бреус Е. Д. Психология затруднённого общения. М.: Академия. 2001. С. 100–102.

REFERENCES

1. Bratchenko, S. L. (1997). Diagnostics of Personality Development Potential: *Methodological Manual for School Psychologists*. Pskov, POIPKRO publ. (in Russ.).
2. Valiullina, E. V. (2020). Personal Interactive Orientation. In: *Bulletin of social Sciences and Humanities*, 1, 3. 57–60 (in Russ.).
3. Orlova, M. A. & Orlova, A. M. (2010). Psychological Features of Communication as a Type of Activity: Pedagogical Communication. In: *Sociosphere*, 1, 41–46 (in Russ.).
4. Korotaeva, E. V. & Andryunina, A. S. (2021). Interactive Learning: Aspects of Theory, Methodology, and Practice. In: *Pedagogical Education in Russia*, 4, 26–33 (in Russ.). DOI: 10.26170/2079-8717_2021_04_03.
5. Skakova, A. M. & Majlis, S. N. (2021). Interactive Teaching Methods in Russian Language and Literature Lessons. In: *Science Bulletin*, 4, 2 (35), 60–65 (in Russ.).
6. Pashukova, T. I. (2018). Dialogue in Intercultural and Interpersonal Communication. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 4 (808), 196–207 (in Russ.).
7. Nikulchev, E. V., Gusev, A. A. & Gazanova, N. Sh. (2023). Monitoring User Engagement in Interactive Interaction of Educational Web Services Based on Response Analysis. In: *Modern Information Technologies and IT Education*, 19, 2, 489–497 (in Russ.). DOI: 10.25559/SITITO.019.202302.489-497.
8. Panov, V. I., Rubashkin, D. D. & Kondratieva, I. N. (2023). Psychodidactic Prerequisites for Developing a Digital Textbook Based on the “Teaching to Learn” Platform. In: *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, 3, 100–115. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-114-03-100-115 (in Russ.).
9. Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V. & Manuilov, G. M. (2002). Diagnostics of the Interactive Orientation of Personality (N. E. Shchurkov's Diagnostics Modified by N. P. Fetiskin). In: *Social and Psychological Diagnostics of Personality and Small Group Development*. Moscow, Institute of Psychotherapy publ., pp. 59–63 (in Russ.).
10. Valiullina, E. V. (2020). Conflict resistance and acceptance of others in medical students within the framework of a competence-based approach. In: *Science Review. Pedagogical Sciences*, 4, 53–57 (in Russ.).
11. Skudnova, T. D. (2022). Humanistic Commandments of Carl Rogers. In: *The Bulletin of the Adyge State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 2 (298), 73–80 (in Russ.). DOI: 10.53598/2410-3004-2022-2-298-73-80.
12. Savelyeva, O. E. (2023). Analysis of the Concept of “Acceptance of Others without Condemnation” and Factors of Condemning behavior in Schoolchildren. In: *Science and School*, 5, 127–136. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-5-127-136 (in Russ.).
13. Mikhalkova, E. I. & Radchenko, S. A. (2023). Acceptance of Others as a Refusal of Abuse. In: *European Science*, 1 (65), 76–89 (in Russ.).

14. Leshenko, S. E. (2009). Unconditional Acceptance of Others in the System of Professionally Important Qualities of a Future Teacher. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 4, 150–154 (in Russ.).
15. Sunnatova, R. I. (2025). Teacher Personality Traits as Determinants of the Ecological Behavior in Interaction with Students. In: *Ecological Behavior: Man and the Environment*. Moscow: Moscow University publ. (in Russ.).
16. Labunskaya, V. A., Mendzherieva, Yu. A. & Breus, E. D. (2001). *Psychology of Difficult Communication*. Moscow, Academy publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лидская Элеонора Викторовна (г. Москва) – младший научный сотрудник Лаборатории психологии одарённости Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (ФНЦ ПМИ);

ORCID: 0000-0002-0239-1960, e-mail: elidskaya@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eleonora V. Lidskaya (Moscow) – Junior Researcher, Laboratory of Psychology of Giftedness, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Researches;

ORCID: 0000-0002-0239-1960, e-mail: elidskaya@gmail.com

Для заметок

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025. №3

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова
Литературный редактор Викт. А. Кулакова

Переводчик Вер. А. Кулакова
Компьютерная вёрстка – Б. В. Булгаков
Корректор В. М. Пастарнак

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
Сайты: www.psymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,5, уч.-изд. л. 10,75

Подписано в печать: 30.10.2025 г. Дата выхода в свет: 05.11.2025 г. Заказ № 2025/10-08.
Отпечатано в типографии Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2